

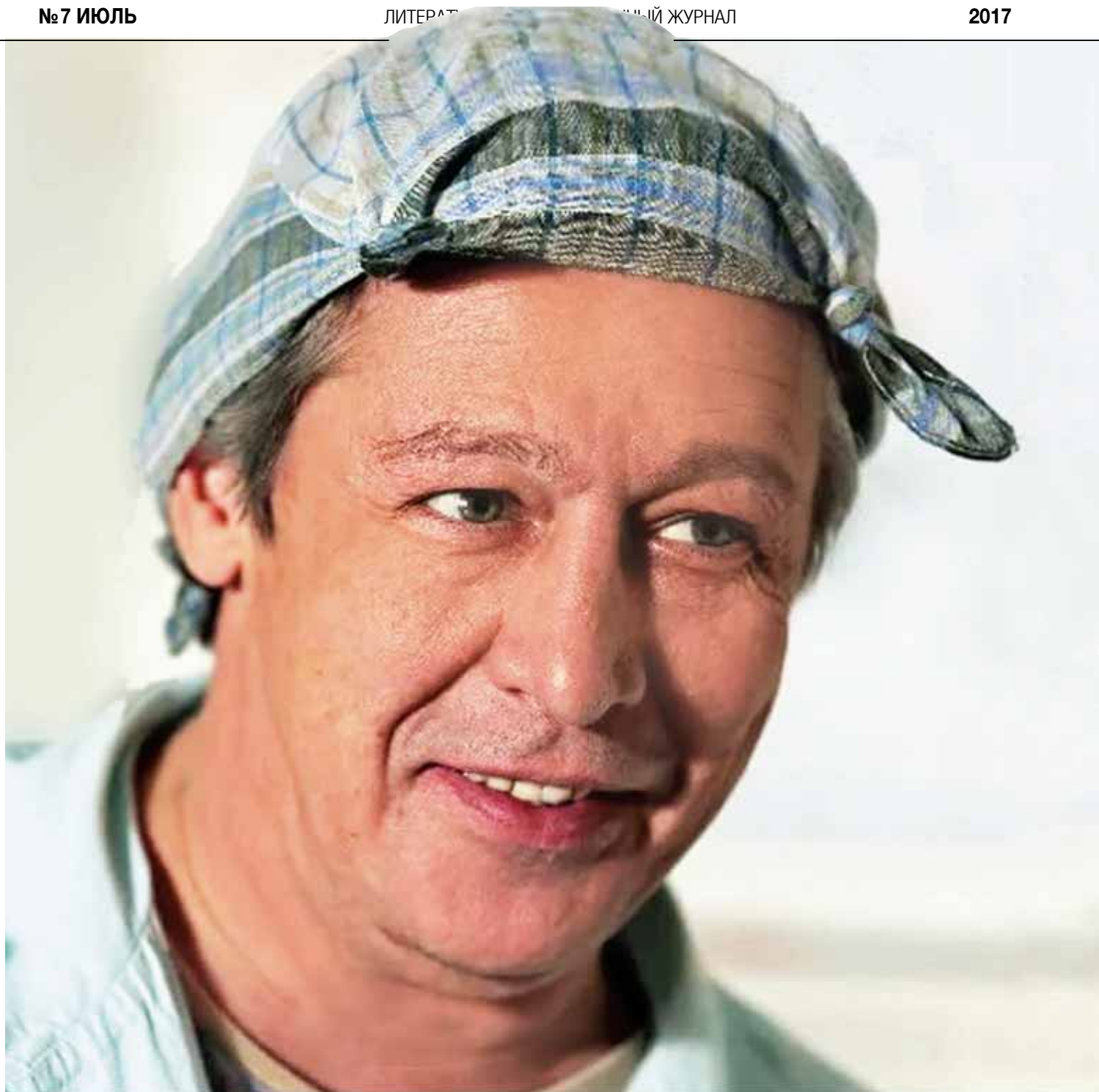
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

смена

№7 ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

2017

Михаил Ефремов:
«Чтобы помнить, кто я есть на самом деле»

Ассортимент

Книги
Аудиокниги
Антиквариат и предметы
коллекционирования
Фильмы, музыка, игры, софт
Канцелярские и офисные товары
Товары для творчества
Цветы
Сувениры

Услуги

Интернет-магазин (bgshop.ru)
Кафе
Клубные (дисконтные) карты
и акции
Подарочные карты
Предварительные заказы на книги
Книги с автографами
Печать по требованию
Встречи с авторами книг
Читательские клубы по интересам
Индивидуальное обслуживание
Подарочная упаковка
Доставка книг из-за рубежа
Выставки-продажи

Режим работы:

ПН.-ПТ. 9.00-22.00
СБ.-ВС. 10.00-21.00
Без перерыва на обед

Москва, м. Лубянка, м. Китай-город
ул. Мясницкая, д.6/3, стр. 1
(495) 781-19-00,
www.biblio-globus.ru

60 лет
просветительской
деятельности

Назови пароль «БИБЛИО-ГЛОБУС» - мой главный книжный» и получи клубную карту

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Сводная сестра России**..... 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Ехали в бессмертие
Ильф и Петров** 20

Это интересно

Дмитрий Зелов **Сказ о первой русской соде** 42

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Стихи** 33

Николай Стародымов **Дервиш**..... 48

Посмеемся вместе

Ольга Степнова **Кофемолка** 60

Судьба художника

Ирина Опимах **Софья Крамская —
художница, дочь художника** 66

Замечательные современники

Георгий Кричевский **Михаил Ефремов.
Сын за отца** 78

Виктор Ом **«Тамо Боро Рус»** 116

Рассказ

Наталья Романова **Чик-чик**..... 92

Это интересно

Евгения Гордиенко **Несказочная жизнь
живой волшебницы**..... 108

Детектив

Андрей Быстров **Легкокрылый ангел**..... 122

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актер театра и кино
Михаил Ефремов

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8400

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.06.2017

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Русским Фаустом назвал А.С. Пушкин Якова Брюса — самого неординарного и загадочного сподвижника Петра I. Л.Н. Толстой высказался в том же духе: «Брюс на всю Россию был самый чудесный человек». Так кем же на самом деле был этот потомок шотландских королей, отец которого в середине XVII века эмигрировал в поисках лучшей жизни в далекую, экзотическую для европейцев Московию: магом и колдуном, как судачила о нем народная молва, или блистательным ученым и выдающимся государственным деятелем?

Дмитрий **Зелов** «Фауст Петровской эпохи»

«Сердце мое не хочет быть ни на час без любви». Эти слова Екатерины II можно смело ставить эпитафией ко всей ее жизни. О любовных приключениях императрицы ходили легенды. В кандидатах на фаворита недостатка не было. Но среди них особое место занимал 22-летний капитан кавалергардского полка, служивший в личной охране Екатерины, Александр Ланской. Его императрице представил Григорий Потемкин, и высокий, затянутый в великолепную форму с серебряными позументами офицер произвел на нее неизгладимое впечатление. В сердце стареющей императрицы мгновенно расцвела «вторая весна»...

Алла **Зубкова** «"Вторая весна" императрицы»

«Осенью 1827 года знатная барыня Елизавета Алексеевна Арсеньева везла в Первопрестольную из пензенского имения Тарханы единственного горячо любимого внука Мишеля. Везла готовить его к поступлению в Университетский благородный пансион. В Москве, в снятом бабушкой поэта на Малой Молчановке одноэтажном деревянном особнячке с мезонином прошли пять ранних лет Лермонтова. Пять из двадцати семи, отпущенных ему судьбой...

Юрий **Осипов** «Гонимый миром странник»

«Как-то странно получается — конструкторов самолетов, спутников, даже баллистических ракет и инженеров-атомщиков мы знаем по именам и фамилиям, о них снят не один документальный фильм, а вот о кораблестроителях почти ничего не известно. Исключение составляет, разве что, организатор судостроения в России академик Алексей Николаевич Крылов (1863–1945). Его хорошо знают у нас в стране и за рубежом. Сам академик написал интересную книгу «Мои воспоминания», отметил в ней многих кораблестроителей царской России, но не решился упомянуть известного русского конструктора судов Владимира Ивановича Юркевича... Мы постарались восполнить этот пробел.

Владимир **Братченко** «Корабелы»

«Новогодний Женя Лукашин и статистический Анатолий Ефремович Новосельцев, печальный Карандышев и молчаливый Хвостов — это все актер Андрей Мягков, символизирующий собой целую эпоху в кинематографическом искусстве. Его герои и сегодня, спустя много лет, заставляют нас смеяться над «сценой в бане» и плакать над выстрелом в Ларису Огудалову...

Евгения **Гордиенко** «И никакой иронии...»

«Детектив Натальи **Солдатовой** «Заразетта»

Светлана Бестужева-Лада

СВОДНАЯ СЕСТРА РОССИИ

Начиналось все, как красивая сказка. Французский король Генрих I, отчаявшись найти супругу в Европе, где все уже были так или иначе родственниками, решил жениться на принцессе из далекой северной страны, про которую (страну) мало кто в Европе знал, а уж о ее правителях и слыхом не слыхивали. Но вот расстарались странствующие монахи: сообщили королю, что за горами и лесами есть принцесса дивной красоты...

Сватовство длилось три года: путь-то неблизкий. Наконец дочь Ярослава Мудрого Анна была с великим почетом и огромным приданым отправлена в неведомую страну к королю в жены. Для Руси в этом не было ничего удивительного: две сестры Анны были уже замужем за королями — венгерским и норвежским.

Было это в середине одиннадцатого века, то есть практически тысячу лет тому назад. О дипломатических отношениях тогда никто понятия не имел, поэтому дело ограничилось брачным контрактом. Но вот чудо: король действительно с первого взгляда влюбился в красавицу-принцессу, и Анна Русская оказалась на французском престоле.

Она родила Генриху двух сыновей, стала регентшей при старшем — Филиппе I, и фактически какое-то время правила Францией. Но с ее смертью русско-французские отношения прервались на столетия...

Продолжение их было уже совсем не романтичным и, тем более, не сказочным. В XII веке Русь страдала от феодальных междоусобиц, затем, уже в XIII веке, случилось татаро-монгольское нашествие, надолго отрезавшее Русь от европейских стран.

Однако в 1413 году Великий Новгород и Псков посетил фламандский рыцарь, политик и дипломат Жильбер де Ланнуа, который включил описание русских земель в свое сочинение «Путешествия и посольства». Увы, книга эта не пользовалась особой популярностью, да и с грамотностью в Европе было, мягко говоря, не очень хорошо.

Слабый интерес к Руси был вызван еще и тем, что образовавшееся в XV–XVI веках Русское централизованное государство почти постоянно находилось в состоянии дипломатической и военной конфронтации с Речью Посполитой, давно и прочно дружившей с Францией. Поэтому католические правители последней в течение долгого времени избегали установления прямых дипломатических контактов с Москвией, дабы не портить уже сложившиеся отношения с Польшей — в те времена большим и сильным государством.

Тем не менее, в 1615 году при дворе Людовика XIII принято было посольство Ивана Кондырева, окончившееся в целом неудачей, однако положившее начало дипломатическим отношениям между Россией и Францией.

После воцарения Михаила Федоровича Романова перед его правительством встала задача поиска союзников против извечных врагов Русского государства: Польши и Швеции. Решили обратиться за помощью к далеким западным королям — в Англию и Францию. В качестве полномочного посланника выбор пал на Ивана Гавриловича Кондырева, в помощь ему был придан подьячий Михаил Неверов. Им было поручено объявить о восшествии на престол нового русского царя.

«Послали мы к вам, брату нашему, — говорилось в царской грамоте, — наше государство обвесить, Сигизмунда короля и шведских, прежнего и нынешнего, королей неправды объявить. А вы, брат наш любительный, великий государь Людвиг король, нам бы, великому государю, способствовал, где будет тебе можно».

Надо заметить, что русские с официальным визитом не были во Франции много веков, и во Франции во время посольства Ивана Кондырева не нашлось ни одного человека, который бы знал русский язык.

При входе во дворец их встретил капитан королевской гвардии, в которой состояло три тысячи гвардейцев, и сопровождал посланников в парадный зал, где их ожидал со своей свитой Людовик XIII.

Поклонившись королю и зачитав царский титул, послы ожидали, что и он встанет и сделает поклон, а, не дождавшись, осмелились сделать

ему замечание, чем смутили Людовика и окружавшую его свиту. В результате королю пришлось встать, и весь прием он так и простоял перед послами. Людовик принял от них письменное послание, вслед за этим послы были допущены к его руке, к руке королевы-матери и к руке молодой королевы.

Они вручили королю подарок: сорок соболей и черную лисицу, также и королеве-матери — сорок соболей. Подарки внимательно рассмотрели, после чего прием был закончен, и послы, ударив королю челом, отбыли на свое подворье. Перед отъездом они пригласили от имени русского царя ответное посольство из Франции в Россию, но французы, занятые своими непростыми внутренними и внешними делами, так и не удосужились посетить далекую и загадочную страну. Тем более что перед этим было необходимо хотя бы нескольким дипломатам выучить русский язык.

7 июля 1667 вышел указ государев стольнику Потемкину и дьяку Семену Румянцеву двинуться в Испанию и Францию (посольство в Испанию отправлялось впервые), с целью объявить о заключении с Польшей перемирия и предложить находиться в «любительской приятности» и «братственной дружеской переписке» государям обоих государств с московским царем.

Отправляя посланников, московское правительство дало Потемкину титул наместника Боровского и рас-

порядилось выдать ему 1160 рублей, соболей на 600 рублей, мягкой рухляди на 5000 рублей, а для найма кораблей — 5100 «ефимков».

Выехав в начале июля из Москвы через Архангельск, посольство в феврале 1668 года прибыло в Мадрид. А 7-го марта Потемкин получил аудиенцию у малолетнего короля Карла II, сына умершего Филиппа IV, а также был принят правительницей, вдовствующей королевой Марианной Австрийской.

Современники отмечали, что Потемкин требовал, чтобы все (в том числе и королевские особы) обнажали головы, когда в их присутствии произносилось имя русского царя.

Посланники получили из рук самого Карла II ответную грамоту, а также щедрый подарок: по 2 портрета (королевы и короля), а также по алмазной запонке (Потемкину — стоимостью в 11 500, а дьяку Семену Румянцеву — в 6500 «ефимков»).

Только 7 июня Потемкин смог выехать из Мадрида и двинулся во Францию. За две мили до Парижа их, по приказанию Людовика XIV, встретил маршал де Бельфон, с которым прибыло восемь карет с конвоем и 20 всадников. В числе карет была одна королевская — для Потемкина, как главы посольства.

Послы торжественно въехали в Париж, а вскоре уже имели аудиенцию у короля в Сен-Жермене. В переговорах они объявили, что «великий государь желает быть с королевским величеством в братской

дружбе и любви, что король, подкрепляя дружбу и любовь, должен послать к государю своих послов, что с обеих сторон торговым людям должно быть разрешено ходить и торговать во всех городах». Людовик XIV с радостью принял предложение и добавил в договор еще несколько пунктов, выгодных для обеих сторон. Но, к сожалению, он так и не был подписан, хотя в целом договоренность была достигнута, после чего послы покинули Париж.

Первое дипломатическое представительство России во Франции появилось в 1702 году по указу Петра I, заинтересованного в союзе с Людовиком XIV ввиду сближения Англии со Швецией. Но лишь посещение Франции самим Петром I в 1717 году послужило отправной точкой для установления постоянных дипломатических отношений между двумя странами, прерванных лишь Великой французской революцией.

Рассказывают, что при встрече с малолетним королем Франции Людовиком XV Петр подхватил его на руки, поднял над головой и провозгласил со смехом:

— *Всю Францию держу сей момент в руках своих!*

Французы не оценили монаршего юмора, и отношения между странами стали, мягко говоря, прохладными. Ситуацию усугубило и то, что регент, герцог Орлеанский, довольно высокомерно отверг брачное предложение России: Петр мечтал видеть на французском престоле одну из

*Памятник Анне Русской
в городе Санлис*

своих дочерей. Увы, рожденные до заключения брака русские принцессы имели мало шансов попасть в европейскую элиту.

После смерти Петра I России было не до дипломатии: внутри страны шла ожесточенная борьба за власть, на престол оказалось слишком много претендентов, хотя бесспорные права имел только один — внук покойного императора Петр II. Его царствование продлилось меньше четырех лет и проходило в бесконечных попойках и увеселениях: коронованный отрок не имел ни малейшего интереса к государственным делам.

Оспа — бич Европы того времени — прервала это странное прав-

*16 апреля
1518 года
впервые
обменялись
дипломатичес-
кими посланиями
русский царь
Василий III
и французский
король
Франциск I*

ление и привела к власти потомков брата Петра I, царя Ивана Алексеевича. Высшая аристократия сочла целесообразным посадить на престол его дочь — вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну, первоначально сильно урезав ее в правах. Но «верховники» просчитались: при поддержке армии Анна стала самодержавной императрицей, а те, кто способствовал ее возведению на трон, закончили жизнь на плахе или в ссылке.

Отвергнув русскую невесту, Франция, однако, не упускала из виду Россию. Она была крайне обеспокоена слишком тесными связями, сложившимися между Россией и Австрией, а также нарастающим засильем немцев при дворе императрицы Анны Иоанновны. Поэтому французская дипломатия активно способствовала дворцовому перевороту

1741 года и возведению на престол Елизаветы Петровны, с юных лет симпатизировавшей Франции и ее королю Людовику XV, за которого ее в свое время безуспешно пытались выдать замуж. Активную роль в этом сыграл маркиз де ла Шетарди, исполнявший в 1739–1744 годах должность дипломатического посланника при русском дворе.

Однако после того, как в 1748 году стараниями канцлера Бестужева близкий Шетарди граф Лесток попал в опалу, влияние профранцузской партии заметно ослабело. Она частично вернула себе утраченные позиции лишь при Екатерине II, которая, желая прослыть просвещенной государыней, открыто переписывалась с Вольтером и Дидро и оказывала им покровительство.

Но этим русско-французские отношения и ограничивались, вплоть

до Великой революции, после которой в Россию хлынул поток французских дворян-эмигрантов. С тех пор русская аристократическая верхушка говорила почти исключительно по-французски, благо недостатка в учителях не было. Равно как и во французских модистках — законодательниц мод.

«А все Кузнецкий мост и вечные французы», — ворчали старые вельможи, тоскуя при дворе императора Павла о «золотом» екатерининском веке.

Но Павел не рассматривал французов лишь как неотъемлемый атрибут светской жизни. Заочно познакомившись с Наполеоном и получив от него «в подарок» остров Мальту и титул Гроссмейстера Мальтийского ордена рыцарей, русский император замыслил заключить долгосрочный союз с первым консулом и уже планировал совместный поход на Индию.

Этого Европа (и, прежде всего, Англия) не могла допустить. Не секрет, что англичане сыграли огромную роль в подготовке и осуществлении государственного переворота в России, убив слишком амбициозного и непредсказуемого императора. На престол вступил его сын Александр, совершенно не склонный к политическим авантюрам.

Разумеется, никакого похода на Индию не произошло. Более того, молодой император, при горячей поддержке своей матери, отверг брачное предложение Наполеона

его сестре Екатерине. Серьезная ошибка, если вдуматься. Русская (а не австрийская) принцесса на троне новой французской империи могла бы повернуть события в Европе совсем в другую сторону. И уж точно — предотвратила бы «грозу двенадцатого года». Но история не терпит сослагательного наклонения...

В первой половине XIX века отношения между Россией и Францией не отличались стабильностью: противостояние в годы наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года, сближение после крушения наполеоновской империи в годы Реставрации, затем очередное охлаждение после Июльской революции 1830 года, приведшей к смене режима во Франции и воцарению Луи-Филиппа Орлеанского, которого император Николай I до конца жизни считал «узурпатором» престола, «похитившим» корону у малолетнего герцога Бордоского, внука свергнутого короля Карла X.

Но все это время французы, так или иначе, следили за происходящим в далекой России, однако их представления о ней были весьма поверхностными и расплывчатыми. Так продолжалось до тех пор, пока на французский трон не взошел Наполеон III. И это стало предпосылкой к Крымской войне.

Русский император считал своего французского «коллегу» незаконным, так как династия Бонапартов была исключена из французского престолонаследия Венским

конгрессом (общеевропейской конференцией, в ходе которой были определены границы государств Европы после наполеоновских войн). Наполеон III, сознавая непрочность своей власти, хотел отвлечь внимание народа популярной в то время войной против России (реванш за войну 1812 года) и, вместе с тем, удовлетворить свое раздражение против Николая I. Пришедший к власти при поддержке католической церкви, он стремился также отплатить союзнику, защищая интересы Ватикана на международной арене, что и привело к конфликту с православной церковью и непосредственно с Россией.

Крымская (Восточная) война 1853–56 гг. велась между Российской империей и коалицией Османской империи (Турции), Франции, Великобритании и Сардинии за господство на Ближнем Востоке, в бассейне Черного моря, на Кавказе. Союзные державы не хотели больше видеть Россию на мировой политической сцене. Новая война служила отличной возможностью осуществить эту цель.

Первоначально Англия и Франция планировали измотать Россию в борьбе с Турцией, а затем, под предлогом защиты последней, рассчитывали напасть на Россию. В соответствии с этим замыслом планировалось развернуть военные действия на нескольких фронтах, отделенных один от другого (на Черном и Балтийском морях, на Кавказе,

где особую надежду они оказывали на горское население и на духовного вождя мусульман Чечни и Дагестана — Шамиля).

И этот план был почти полностью осуществлен. Правда, России удалось победить на северных фронтах, но на юге все обстояло не так, как хотелось бы.

Английская и французская эскадры вошли в Черное море под предлогом защиты турецких судов и портов от нападений с российской стороны. 17(29) января 1854 года французский император предъявил ультиматум России: вывести войска из Дунайских княжеств и начать переговоры с Турцией. Россия отвергла ультиматум и объявила о разрыве дипломатических отношений с Францией и Англией. Те объявили войну России, и она ответила аналогичным заявлением.

О героической обороне Севастополя написано много, и нет необходимости повторяться. Стоит только сказать, что взятием Севастополя (точнее, руин, оставшихся от города) успехи коалиции и ограничились. Крым оставался российской территорией.

В конце 1855 года военные действия практически прекратились. После падения Севастополя в коалиции появились разногласия. Пальмерстон хотел продолжать войну, Наполеон III — нет. Он начал сепаратные переговоры с Россией, закончившиеся подписанием довольно унижительного для России мир-

*Встреча Петра I с юным Людовиком XV.
Петр Великий «держит на руках всю Францию»*

ного договора. Но участникам альянса было слишком ясно, что затяжная война с Россией может втянуть в военный конфликт всю Европу, а такого желания ни у кого не было.

Заключение мира с Россией было последней удачей Франции на международном поприще. Летом 1870 года разразилась франко-прусская война, принеся императору и империи бесславный конец. К тому же 4 сентября 1870 года в Париже оппозиция подняла восстание, в результате которого Вторая империя прекратила свое существование. Напо-

леон III был низложен Национальным собранием, и президентом был избран республиканец Адольф Тьер.

Но Францию ждало еще одно испытание — Парижская коммуна. Во время франко-прусской войны была образована парижская национальная гвардия: все граждане, изъявившие на то желание, были вооружены и несли службу под начальством офицеров, ими же избранных. В короткое время численность национальной гвардии достигла 300 тысяч человек. Командовать ими был назначен генерал Клемент Тома.

Императрица и самодержица Всероссийская Елизавета Петровна и французский король Людовик XV, за которого ее безуспешно пытались выдать замуж

Фактическим властителем Парижа оказался Центральный Комитет национальной гвардии. Париж, отрезанный от остальной Франции, поднял знамя коммуны: всякому округу и всякой более-менее значительной городской общине предлагалось по собственному усмотрению устанавливать свой политический и социальный строй, представительство же общенациональных интересов предполагалось возложить на конгресс делегатов отдельных общин.

Коммунары все еще надеялись, что на защиту Парижа поднимется провинция, но этого так и не произошло. В результате прообраз первого в мире коммунистического общества потерпел сокрушительное по-

ражение. Французское правительство вместе с прусскими войсками просто утопили опасный мятеж в крови.

Россия наблюдала за событиями во Франции с ужасом: все действия царского правительства против зарождавшегося революционного движения в стране по сравнению с тем, что происходило в Париже, казались невероятно мягкими и гуманными. Возможно, именно это и породило некий элемент вседозволенности, приведший к трагической гибели императора Александра II и начале «мрачной эпохи» его наследника — Александра III.

После того как внутреннее положение Франции стабилизировалось, установились и нормальные дипло-

матические отношения с Россией. Правда, не сразу и не вдруг: в Международной выставке 1889 года Россия участия не принимала — официально. Тем не менее, усилиями частных предпринимателей и она была представлена в Париже среди многочисленных участников.

В российском павильоне было представлено около 800 экспонатов: ювелирные произведения, ткани, продукты нефтепереработки, крымские и кахетинские вина, коньяк и водка. В популярной секции «История человеческого жилища» был представлен русский дом. Большой популярностью среди посетителей выставки пользовался русский ресторан на первом уровне Эйфелевой башни.

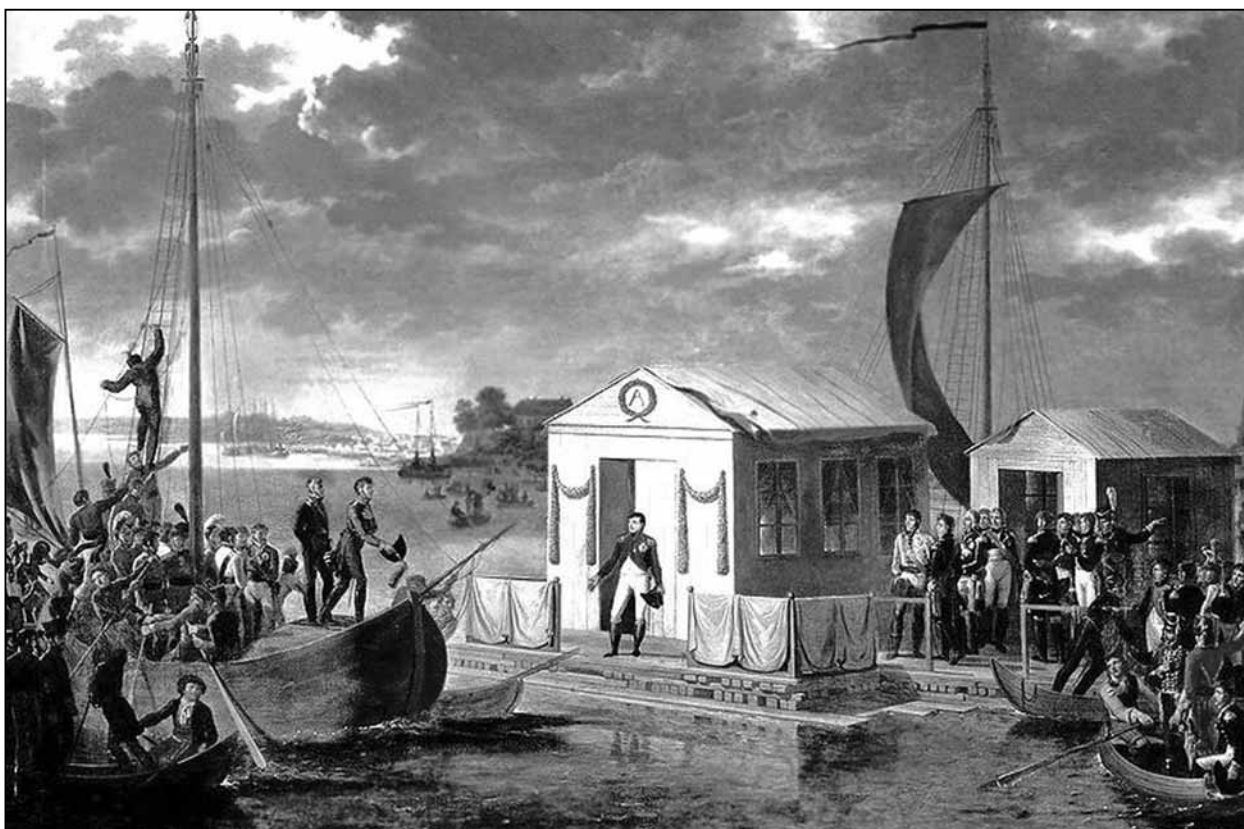
Кульминационной точкой сотрудничества стало создание в конце XIX века военно-политического альянса. А символами дружеских отношений стали мост Александра III, построенный в Париже, и Троицкий мост по проекту Эйфеля в Санкт-Петербурге.

Несмотря на все сложности в дипломатических отношениях и даже на их некоторую пассивность, Франция и Россия постоянно тянулись друг к другу. Возможно, именно поэтому, когда после Первой мировой войны в России разразилась революция по примеру Парижской коммуны, но куда более обширная и кровавая, большинство русских, не принявших новую власть, устремились именно во Францию. Аме-

рика была уже потом, и не столь массово.

Постоянные дипломатические отношения с Советской Россией Франция установила достаточно быстро: в октябре 1924 года. Эдуар Эррио, от имени Совета министров Франции, направил председателю ЦИК М.И. Калинину телеграмму, в которой отметил, что французское правительство готово *«установить теперь же нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза путем взаимного обмена послами. Отныне невмешательство во внутренние дела станет правилом, регулирующим взаимоотношения между нашими двумя странами»*. В телеграмме также указывалось, что Франция признает де-юре правительство Союза ССР *«как правительство территорий бывшей Российской империи, где его власть признана населением, и как преемника на этих территориях предшествовавших российских правительств»* и предлагает обменяться послами.

В ответной телеграмме на имя Эррио говорилось: *«ЦИК Союза ССР придает серьезнейшее значение устранению всех недоразумений между Союзом ССР и Францией и заключению между ними общего соглашения, которое может послужить прочной основой для дружественных отношений, руководствуясь при этом постоянным стремлением Союза ССР к действительному обеспечению всеобщего мира*

*Встреча Наполеона I и Александра I
на Немане 25 июня 1807 года*

в интересах трудящихся масс всех стран и к дружбе со всеми народами».

14 ноября 1924 года Президиум ЦИК СССР назначил полпредом во Францию Л.Б. Красина, с оставлением его в должности народного комиссара внешней торговли. Первым французским послом в Москве после восстановления дипломатических отношений между Францией и СССР был назначен Жан Эрбетт.

В начале 1930-х годов в отношениях двух стран начали появляться тенденции к сближению. Были подписаны первое советско-французское торговое соглашение и франко-советский пакт, который, увы, так

и не был реализован. Приближалась Вторая мировая война, спутавшая все дипломатические карты, перекоившая границы Европы, а затем обрушившаяся практически всей своей мощью на СССР.

И все-таки только Франция приняла непосредственное (хотя и крайне ограниченное) участие в военной помощи СССР. В марте 1942 года французский национальный освободительный комитет «Сражающаяся Франция» обратился к властям Советского Союза с предложением направить в СССР группу летчиков и авиационных механиков для участия в боевых действиях против фашистской Германии. 25 ноября 1942 года

было подписано советско-французское соглашение о формировании на территории СССР французской авиационной эскадрильи.

Эскадрилья была сформирована 4 декабря 1942 года в городе Иваново. По желанию личного состава новой воинской части было присвоено наименование «Нормандия», в честь французской провинции, наиболее пострадавшей от немецкой оккупации. Так возникла французская истребительная авиационная эскадрилья, преобразованная впоследствии в полк «Нормандия-Неман», чья боевая слава облетела весь мир.

Но после войны, особенно после 1949 года, когда Франция стала одним из государств-основателей союза НАТО, между ней и СССР отношения стали натянуто-прохладными. Особенно ярко это проявилось в августе 1963 года, когда в Париже был арестован гражданский сотрудник аппарата НАТО Жорж Пак, бывший, по некоторым мнениям, «самым крупным советским шпионом, когда-либо задержанным во Франции».

В 1966 году, после выхода Франции из НАТО и визита президента Шарля де Голля в Москву, произошло заметное потепление в отношениях между ней и СССР.

7 февраля 1992 года Франция признала РФ как страну-правопреемницу СССР. Главным документом, закрепляющим отношения между Россией и Францией, стал Договор от 7 февраля 1992 года, в котором

утверждалось стремление обеих стран развивать «новые отношения согласия, основанные на доверии, солидарности и сотрудничестве». С тех пор договорно-правовая база российско-французских отношений значительно расширилась — было заключено более двух десятков соглашений в различных сферах двустороннего сотрудничества.

К концу 1990-х наметилось резкое ухудшение отношений, обусловленное двумя главными проблемами — критикой Парижа относительно контртеррористической операции в Чечне и проблемой российских долгов Франции. Однако примерно с 2000 года отношения приобрели

*Детская игрушка
«Да здравствует Франция!
Да здравствует Россия!»*

Символами дружеских отношений России и Франции стали — мост Александра III в Париже и

более конструктивный характер, особенно сблизилась позиции Франции и РФ в 2003 году, когда два государства резко высказались против операции США в Ираке.

После выборов президента Никола Саркози, приступившего к исполнению обязанностей 16 мая 2007 года, речь зашла о повороте во внешней политике Франции в сторону США, и отношения между Россией и Францией стали более прохладными.

Но, несмотря ни на что, сотрудничество Франции и РФ продолжает развиваться во многих формах.

Проходят совместные учения, заседания российско-французской Рабочей группы по борьбе с международным терроризмом; консультации в МИД России с Генеральным директором по политическим вопросам и вопросам безопасности МИД Франции, важную роль играют и межпарламентские контакты.

Существуют также многочисленные договоры между французскими и российскими научно-исследовательскими организациями (КАЭ и Росатом, Институт Курчатова, РАН) и компаниями (АРЕВА, ФРАМАТОМ, Электриситэ де Франс и Радон) —

*Троицкий мост по проекту Эйфеля
в Санкт-Петербурге*

на предмет повышения безопасности ядерной энергетики.

Одной из сторон российско-французских отношений является проблема возвращения (в том числе в форме обмена) культурных ценностей, попавших в СССР в период Второй мировой войны. Например, в Судетской области, занятой советскими войсками, находились французские архивные документы, вывезенные туда гестапо в 1940 году и отправленные советской военной комендатурой в Москву.

В советский период Франции была возвращена часть этих доку-

ментов — только за период с декабря 1993 года по май 1994 года было передано 900 тысяч вывезенных французских архивных дел из ЦХИДК.

В обмен Франция оплатила микрофильмирование (7 млн кадров) тех документов, которые указала российская сторона, передала РФ 12 судовых журналов российских и советских кораблей, совершавших плавание в Средиземном море в 1920-е годы, 255 архивных дел по русской эмиграции и около 300 тысяч франков на обеспечение сохранности российских архивных документов.

Подписание первого советско-французского торгового соглашения

Нельзя не сказать и о том, что русское присутствие во Франции датируется еще с XVIII века. К началу XIX-го русская диаспора в Париже насчитывала порядка тысячи человек. Все они физически не помещались в молельное помещение в русском посольстве. В 1847 году священник русского посольства Иосиф Васильев создал проект первого русского православного храма в Париже, и 11 сентября 1861 года во французской столице состоялось освящение собора Александра Невского, построенного на пожертвования русских в Париже, а также католиков, протестантов и царя Александра II, внесшего

личный вклад 150 000 франков золотом.

В Париже также действует храм Трех Святителей — до недавнего времени единственный православный храм французской столицы, где службы совершаются ежедневно.

Есть русская библиотека, известная как Тургеневская. В 1875 году Тургенев дал революционеру-народнику Герману Лопатину сначала книги из своей личной коллекции, а потом устроил утренник, куда пригласил Репина, Маковского, Поленова, Антокольского и русского посла князя Орлова — в результате этой встречи гости пожертвовали

*Президент России Владимир Путин
и Президент Франции Эммануэль Макрон*

на организацию русской библиотеки две тысячи франков. Деньги были потрачены на аренду помещения и покупку книг. Старейшее книжное собрание русской эмиграции открыто до сих пор.

Мост Александра III перекинут через Сену к Дому инвалидов, где находится еще один российский дар Парижу — саркофаг, где хранится прах Наполеона Бонапарта. Точнее, дарили не саркофаг, а огромный блок кварцита из Карелии, откуда возили и мрамор для Исаакиевского и Казанского соборов в Петербурге. Французские архитекторы обратились к русскому правительству с просьбой продать 27 моноли-

тов пурпурно-красного кварцита. Но Николай I, брат Александра I, победившего Наполеона, сделал красивый и очень русский жест: отдал бесплатно.

Но это уже история. А современность ежедневно преподносит новые повороты в международной обстановке и в русско-французских отношениях. Впрочем, даже широко известная трагикомическая история с «Мистралями» не повлияла на них сколько-нибудь существенно.

Обе страны до сих пор испытывают взаимную симпатию и притяжение друг к другу. Остается надеяться, что так будет продолжаться и дальше. □

ЕХАЛИ В БЕССМЕРТИЕ

Ильф и Петров

Илью Арнольдовича Файнзильберга и Евгения Петровича Катаева, превратившихся в нераздельных Ильфа и Петрова, объединяло, пожалуй, только то, что оба автора «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» были одесситами. А это уже немало. Михаил Жванецкий как-то сказал: «Надо как угодно изловчиться, но родиться в Одессе, а дальнейшее образование следует ехать получать в Москву». Так оба и поступили.

О них складывали были-небылицы, и они охотно поддерживали фантастические слухи о себе. На вопрос, как пишут вдвоем, отвечали: «Как братья Гонкуры. Эдмон бегают по редакциям, Жюль стережет рукописи, чтобы не украли знакомые». Любили мистификации и розыгрыши. Каждодневный упорный труд скрывали от друзей и близких. Спорили, подчас ссорились, мирились. Не всегда понимали и одобряли образ жизни друг друга. И всегда относились друг к другу с затаенной нежностью, будучи при этом на «вы» все десять лет, отпущенных им судьбой до смерти Ильфа.

Илья не пошел по стопам отца, банковского служащего, о чем тот мечтал, а избрал для себя стезю журналистики. Сотрудничал в «Юграста» и газете «Моряк». А в 23-м году перебрался в Москву и начал жить литературными заработками. Там два года спустя он и повстречал своего будущего соавтора, имевшего брата, Валентина Катаева, начинающего поэта и прозаика, который удостоился чести оказаться учеником самого Бунина. К моменту их судьбоносной встречи Евгений успел поработать корреспондентом Украинского телеграфного агентства, но затем неожиданно метнулся в инспекторы угрозыска.

В Москву он тоже переехал в 23-м году и вновь занялся журналистикой. Жизнь свела двух этих талантливых молодых людей в легендарной газете железнодорожников «Гудок», где на так называемой «Чет-

вертой полосе» (отдел сатиры и юмора) подвизался цвет тогдашней литературы — от Булгакова, Олешы, Паустовского и Зощенко до того же Валентина Катаева, писавшего острые фельетоны под псевдонимом «Старик Собакин».

Илье, когда они встретились, было 28 лет, Евгению — 22. Пусть и не очень значительная, но все же разница в возрасте, разный темперамент, разные характеры. Илья — сдержанный, уравновешенный, ироничный. Евгений — взрывной, увлекающийся, открытый. И, тем не менее, они совместились в яркий творческий альянс и трогательную личную дружбу, начавшуюся в муравейнике бесчисленных редакций газет и журналов знаменитого в 20-е годы Дворца Труда, послужившего в романе «Двенадцать стульев» прообразом лабиринта редакционных коридоров, по которым бродил

со своим неизменным «Гаврилой» поэт-халтурщик Ляпис Трубецкой.

Прежде всего, сблизило молодых фельетонистов обостренное чувство смешного. В «Гудке» их любимой игрой стало собирание всевозможных газетных ляпов и штампов. Особенно отличался в этом плане Ильф, выпускавший шуточную стенгазету «Сопли и вопли» (название пародировало употреблявшиеся к месту и не к месту рифмованные газетные заголовки).

В комнату, где работали эти двое, остерегался заходить даже главный редактор. Попасть на острый язык Ильфу с Петровым или Олеше никому не хотелось. Забавно, что редакционная курьерша именно данную троицу считала «главными бездельниками», несмотря на то, что в комнате, по воспоминаниям Ильфа, «работали с письмами слегка матерящихся трудящихся еще шестеро здоровенных мужиков, превращая их в злободневные фельетоны...»

Катаев, уже ходивший в мэтрах, внимательно присматривался к приятелю младшего брата и, увидев в их возможном творческом союзе, как принято сегодня говорить, большой потенциал, неожиданно предложил им написать совместно сатирический роман. Сердцевину истории о поисках брильянтов, зашитых в стуле, Валюн (так звали Валентина Петровича друзья и близкие) великодушно подарил начинающим авторам, обещав пройтись по готовой рукописи «рукой мастера». «Я открываю мастерскую советского ро-

мана,— заявил он.— Буду Дюма-отцом, а вы — моими неграми».

Предложенный план показался дебютантам интересным, и работа над романом закипела. Писали в основном по ночам, отдавая дневное время редакционным обязанностям. Первая часть была написана за три месяца, а к январю 1928 года роман был завершен.

Спустя многие десятилетия Валентин Катаев в книге воспоминаний «Алмазный мой венец» дал свою версию истории создания «Двенадцати стульев». Поставив перед молодыми авторами творческую задачу, он уехал отдыхать на Зеленый мыс. Туда его «литературные негры» время от времени посылали жалобные телеграммы с просьбами советов и консультаций по разным возникавшим по ходу дела вопросам. И неизменно получали ответ: «Думайте сами».

Вернувшись осенью в Москву и прочтя первую часть рукописи, Валентин Петрович отказался от роли Дюма-отца и предсказал еще не дописанному произведению своих подопечных «долгую жизнь и всемирную славу». Будущий основатель и главный редактор «Юности», культового журнала хрущевской «оттепели», не ошибся в прогнозе. В награду за идею он попросил авторов посвятить роман ему и подарить с первого гонорара золотой портсигар. Оба условия были выполнены.

Практически сразу, в январе 28-го, началась публикация «Двенадцати стульев» на страницах жур-

нала «Тридцать дней» и продолжалась до июля. Затем последовали массовые книжные издания, не прекращающиеся и сегодня, переводы на десятки иностранных языков.

По мнению литературоведов, начало публикации романа в январском номере журнала могло состояться только при условии, что начинающие авторы будут передавать свое произведение в редакцию по частям. Причем ответственный редактор Владимир Нарбут подписывал главы романа в печать, фактически не читая, целиком положившись на га-

на Советский Союз», и ее выход в свет отдельной книгой растянулся на три года.

Феноменальный, не идущий на убыль успех обоих романов Ильфа и Петрова объясняется не только удивительным юмором, с первой до последней страницы заполняющим эти ни с чем не сравнимые произведения. По ширине охвата картин советской действительности, емкости и остроте психологических и портретных характеристик множества действующих в них лиц они яв-

К

огда они встретились, Илье было 28 лет, а Евгению — 22. У них были разные характеры, разный темперамент. Ильи — сдержанный, уравновешенный, ироничный, Евгений — взрывной, увлекающийся, открытый. И, тем не менее, они совместились в яркий творческий альянс и трогательную личную дружбу

рантию Валентина Катаева, которого знал по одесским временам.

Давший путевку в жизнь молодым писателям, Нарбут в 36-м был объявлен «врагом народа» и расстрелян. А уже в 28-м его сняли со всех должностей и включили в число «неупоминаемых лиц». Возможно, это обстоятельство явилось причиной того, что журнальная публикация следующего романа о похождениях Остапа Бендера «Золотой теленок» в 1931 году была прервана, цензура объявила вторую часть диалогии уже знаменитых писателей «пасквилем

ляются настоящей «энциклопедией русской жизни» 20-х — 30-х годов. Фрагментарные зарисовки быта и нравов нанизаны на единый авантюрный сюжет и собираются в яркую панораму мира Страны Советов. Другой столь развернутой картины жизни СССР довоенного периода в отечественной литературе не найти.

Вот почему в разные периоды «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» называли и «классикой советской сатиры», и «настольной книгой «шестидесятников», и даже (уже в наши дни) «антиинтеллигентским

памфлетом новых растиньяков». Сами же писатели к хороводу оценок и суждений вокруг их романов относились с присущей им иронией, отнюдь не почивали на лаврах и вынашивали новые творческие планы.

Многие находки, родившиеся у соавторов в ходе работы над их первым романом, не вошли в «Двенадцать стульев» и были реализованы в сатирической повести «Светлая личность», которую они написали буквально за несколько дней в 1928 году. Это история превращения Егора Карловича Филюрина, канцеляриста

было есть... Городской Дом культуры оброс лесом ампирных колонн. А на центральной площади возвышалась статуя академика Тимирязева. Верхом на коне...

Увы, популярная тема и обилие комических ситуаций не вызвало большого интереса к повести читателей и критики. Авторы тоже чувствовали, что «Светлая личность» сильно уступает их предыдущему роману, и не стали включать ее в четырехтомное собрание сочинений 1938 года. Повторное издание повести состоялось лишь в 1961 году.

Д

ва больших сатирика чувствовали себя заложниками своих неповторимых романов и, как ни старались, не могли освоить иные формы и жанры. А вывести еще одну яркую галерею обуреваемых стяжательством мелких людишек, существующих «параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи», они так и не сумели. Для обоих это была настоящая творческая трагедия

из вымышленного провинциального города Пищеслава, в человека-невидимку. Если в «Двенадцати стульях» и затем в «Золотом теленке» общая картина тогдашней действительности близка к реальной, то в этой повести разящий авторский смех дополнился фантастическим гротеском. Щедрая фантазия писателей питалась абсурдными явлениями «перегибов» строительства социализма. Так, местный пищевой агрегат производил по три миллиона пельменей в час, которые некому

«Кризис жанра» Ильф и Петров преодолевали неустанным творческим поиском своего голоса, своей «песни». В 39-м они взялись за цикл новелл «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска». Их фирменный сатирический гротеск, проявившийся в «Светлой личности», достигает здесь предельной концентрации в мрачных тонах. Любопытно, что среди жителей придуманного авторами города встречается характерный персонаж, которого зовут Васисуалий Лоханкин.

Он гробовщик, пугающий мирных колоколамцев пророчествами о грядущем конце света, когда разверзнутся «хляби небесные», и произойдет всемирный потоп.

Атмосфера коммунального быта «Вороньей слободки» будет впоследствии перенесена вместе с уморительным названием коммуналки, а также не менее уморительными фамилией и именем гробовщика в роман «Золотой теленок». Подобных жемчужин ильфо-петровского юмора рассыпано по страницам новел-

листического цикла немало. Однако, увы, ими дело и ограничилось. Задумав в «Светлой личности» советский вариант «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, писатели еще в процессе работы поняли, что до уровня той социальной сатиры не дотягивают, и даже не сдали готовые новеллы в печать.

Попробовали они себя затем в серии рассказов «Тысяча один день, или Новая Шахерезада», опубликованной в журнале «Чудак» за 1929 год. Публикации предшествовала

шуточная реклама: читателям сообщалось о предстоящем выходе «сказок советской Шахерезады сочинения Ф. Толстоевского». Причем роль сказочницы была возложена на делопроизводительницу конторы по заготовке когтей и хвостов (узнаете «Рога и копыта» из «Золотого теленка»?) Шахерезаду Федоровну Шайтанову, которая, подражая своей сказочной предшественнице, красочно повествует о «подвигах» бюрократов, хамов и приспособленцев.

Реклама анонсировала гораздо больше сатирических миниатюр, чем их оказалось в журнале. Соавторы постепенно охладели к своему очередному детищу и отказались продолжать серию. Эти творческие неудачи повергали их в серьезную депрессию, вызывали сомнения, смогут ли они дальше писать. Позже Евгений Петров вспоминал: «Мы пишем историю Колоколамска. Шахерезаду. Творческие мучения. Мы чувствовали, что надо писать что-то другое. Но что?»

Итогом их трудных поисков стал «Золотой теленок».

Книга увидела свет в 1931 году, едва ли не превзошла мастерством первую часть дилогии об Остапе Бендере и окончательно обессмертила имена ее авторов, представших в продолжении истории похождения «великого комбинатора» в полном блеске таланта. Но здесь уже, говоря словами Гоголя, сквозь «видимый миру смех» прорывается затаенная горечь и печаль. Читая и перечитывая роман, невольно ловишь себя

на мысли, что Остап симпатичнее всех, кого он водит за нос. И в финале его по-настоящему жалко. Обобранный до нитки в отчаянной схватке с хищными румынскими пограничниками, он возвращается на постылый советский берег, с которого бежал за границу, неся на себе превращенный в драгоценности заветный миллион, и произносит, ни к кому не обращаясь, сакраментальную фразу: «Не надо оваций. Графа Монте Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы». Но вряд ли его недюжинная натура и разносторонние способности нашли бы себе достойное применение в безликом, переполненном прохиндеями всех мастей «рае» Страны Советов, «страны непуганых идиотов», по определению Ильфа. Остап Бендер, как он выразился на обочине достопамятного автопробега, «чужой на этом празднике жизни»...

«Золотой теленок» вошел в ряд культовых произведений сверходаренных писателей, так и не вписавшихся в новую жизнь. Олеша, Зощенко, Эрдман, Ильф и Петров...

Внешне их жизнь в зените славы была вполне благополучна. В 33-м году они совершили европейское турне, встречались с видными деятелями литературы и искусства, получили от французской фирмы «Софар» предложение написать сценарий для только зарождавшегося звукового кино. Работу авторы выполнили в десятидневный срок. Сценарий был хорошо принят заказчиком.

Ильф в письме жене сообщал: «Сценарий вчера сдавали... смеялись очень, падали со стульев». Тем не менее, фильм по этому сценарию в духе традиционных французских кинокомедий так и не был снят, а сама рукопись сценария куда-то затерялась.

Пытались соавторы-юмористы сотрудничать и с отечественным кинематографом. В свое время написали интертитры для знаменитого немого фильма Якова Протазанова «Праздник святого Йоргена». Позднее сочинили сценарий «Барак» про передовика-строителя Битюгова, ре-

тине целых две роли, она не вошла в список творческих удач Ильфа и Петрова.

В середине 30-х годов писатели получили от мюзик-холла, остро нуждавшегося в обновлении репертуара, заказ на написание современной комедии. В результате была создана трогательная пьеса «Под куполом цирка», которая практически без изменений перешла затем в сценарий культового фильма Григория Александрова «Цирк» с Любовью Орловой в главной роли. Во время работы между режиссе-

изнь каждого из этих двоих писателей оборвалась трагически и слишком рано. Быть может, в другую эпоху они были бы способны на большее. Но нам, читателям, достаточно и двух их замечательных романов, разобранных на цитаты и переходящих в числе любимых книг от поколения к поколению

шившего взять на буксир отстающую бригаду. Картина с участием Михаила Яншина (того самого мхатовского актера, любимого ученика Станиславского!) под названием «Черный барак» вышла на экраны в 1933 году, но особого зрительского успеха не имела из-за «несколько схематичного», по мнению критики, «подхода к людям и событиям». То же было и со сценарием фильма «Однажды летом» (1936). Несмотря на уйму забавных приключений героев фильма и отличную игру Игоря Ильинского, сыгравшего в кар-

ром-постановщиком и авторами сценария возникли серьезные разногласия. В письме директору «Мосфильма» они указывали, что по причине режиссерского вмешательства в сценарий «значительно уменьшились элементы комедии и значительно увеличились элементы мелодрамы». Дело кончилось тем, что Ильф и Петров попросили убрать свои фамилии с титров фильма.

Два больших сатирика чувствовали себя заложниками своих неповторимых романов и, как ни старались, не могли освоить иные формы

и жанры. Даже водевиль. А вывести еще одну яркую галерею обуреваемых стяжательством мелких людишек, существующих «параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи», они так и не сумели. Это была творческая трагедия. И истоки ее крылись в том, что при окончательно утвердившемся к середине тридцатых годов сталинском режиме оставалось место исключительно беззубому, но никак не обличительному, едкому юмору и уж тем более не острой социальной сатире.

В 1935–1936 годах писатели совершили большое автомобильное путешествие по Соединенным Штатам и выпустили затем книгу очерков «Одноэтажная Америка», которая долгое время оставалась

эталонной в нашем познании США. Книга изобилует традиционным ильф-петровским юмором, полна точных наблюдений над характером и привычками американцев.

А всего год спустя Илья Ильф умер от обострившегося туберкулеза. Изданные после его смерти «Записные книжки» были единодушно оценены критиками и читающей публикой как выдающееся литературное произведение, в одном ряду с известным, тоже посмертно изданным дневником Юрия Олеши «Ни дня без строчки».

Сколько здесь остроумнейших зарисовок, сюжетных ситуаций, задумок, поразительных фраз. «Ночь. По улице бежит Иван Приблудный. В зубах у него шницель»... «Глаза кота, как мишени»... «В квартире, густо унавоженной бытом, сами по себе выросли фикусы»... «На стол был подан страшный, нашпигованный сплетнями гусь»... «Сам себе писал множество писем, чтобы досадить почтальону»... «Все талантливые люди пишут разное, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком»... «Откуда у русского человека фамилия Попугаев?»... «Сумасшедший, которому запретили иметь детей, и у которого желание иметь детей стало манией»... «Стригли и брили газон»... «Меня все время выталкивали из разговора»... «Тяжело и скучно в стране непуганых идиотов»... «Полк римских легионеров вошел в Одессу... Легат посмотрел картину «Спартак» и приказал сжечь одесскую кинофабрику. Как

настоящий римлянин он не выносил халтуры».

В «Записных книжках» Ильфа мы находим немало фразеологических и фабульных заготовок к «Двенадцати стульям» и «Золотому теленку». Судя по всему, именно Ильф был главным в их творческом тандеме. Евгений Петров, оставшись без любимого друга и соавтора, написал еще ряд не особо примечательных киносценариев (причем в соавторстве), идеологически выдержанную пьесу «Остров мира», вступил в 1940 году в Коммунистическую партию и с первых дней войны стал фронтовым корреспондентом «Правды» и «Совинформбюро». В 42-м, возвращаясь из осажденного Севастополя, он погиб и был посмертно награжден орденом Ленина. В том же году вышел его «Фронтвой дневник», относящийся к лучшим образцам советской военной публицистики.

Жизнь каждого из этих писателей оборвалась трагически и слишком рано. Быть может, в другую эпоху они были бы способны на большее. Нам, впрочем, достаточно и двух их замечательных романов, разобранных на цитаты и переходящих в числе любимых книг от поколения к поколению.

В 1972 году на «Мосфильме» была снята сатирическая комедия о Москве и москвичах 20-х — 30-х годов «Ехали в трамвае Ильф и Петров» режиссера Виктора Титова. В основу фильма легли фельетоны, рассказы

и записные книжки авторов «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца». Картина собрала целую плеяду выдающихся советских актеров — И. Смоктуновского, О. Табакова, Л. Дурова, М. Глузского, З. Гердта. А композитор Никита Богословский, написавший музыку к фильму, даже сыграл в нем небольшую роль тапера. Смешной получился фильм, своеобразная дань памяти замечательным прозаикам-юмористам.

Их именем астроном Крымской обсерватории Н. Карачкина назвала открытый ею в 1982 году астероид. Но, наверное, все же лучший им памятник стоит в Одессе, на легендарной Дерибасовской. Самый необычный памятник в мире. Потому что любой желающий может на него усестся. Ведь это — бронзовый стул. Один из тех, двенадцати...

БРОНИРОВАННОЕ МЕСТО

Рассказ будет о горьком факте из жизни Посиделкина.

Беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен.

В общем, произошло то, что уже бывало в истории народов и отдельных личностей — горе от ума. Дело касается поездки по железной дороге.

Конечная цель усилий Посиделкина сводилась вот к чему: покинуть Москву, чтобы через два дня прибыть в Ейск на целительные купанья в Азовском море. Все устроилось хорошо: путевка, отпуск, семейные дела. Но вот — железная дорога... До отъезда оставалось два месяца, а билета еще не было.

«Пора принимать экстренные меры, — решил Посиделкин. — На городскую станцию я не пойду. И на вокзал я не пойду. Ходить туда нечего, там билета не достанешь. Там, говорят, в кассах торгуют уже не билетами, а желчным порошком и игральными картами. Нет, нет, билет надо достать иначе».

Это самое «иначе» отняло указанные два месяца.

— Если вы меня любите, — говорил Посиделкин каждому своему знакомому, — достаньте мне билет в Ейск. Жесткое место. Для лежания.

— А для стояния не хотите? — легкомысленно отвечали знакомые.

— Бросьте эти шутки, — огорчился Посиделкин, — человеку надо ехать в Ейск поправляться, а вы... Наверное, у вас есть знакомые, которые все могут. Да нет, вы не просто обещайте — запишите в книжечку. Если вы меня любите!

Но все эти действия не успокаивали — так сказать, не давали полной гарантии. Посиделкин опасался конкурентов. Во всех прохожих он подозревал будущих пассажиров. И действительно, почти все прохожие как-то нервно поглядывали по сторонам, словно только на минуту отлучились из очереди за железнодорожными билетами.

«Худо, худо, — думал Посиделкин, — надо действовать решительнее. Нужна система».

Целый вечер он занимался составлением схемы. Если бы его сейчас поймали, то, несомненно, решили бы, что Посиделкин — глава большой подпольной организации, занятой подготовкой не то взрыва железнодорожного моста, не то крупных хищений в кооперативах открытого типа.

На бумажке были изображены кружочки, квадратики, пунктирные линии, цифры и фамилии. По схеме можно было проследить жизнь и деятельность, по крайней мере, сотни людей: кто они такие, где живут, где работают, какой имеют характер, какие слабости, с кем дружат, кого недолюбливают. Против фамилий партийных стояли крестики, беспартийные были снабжены ноликами. Кроме того, значились в документе довольно-таки странные характеристики:

«Брунелевский. Безусловно, может».

«Никифоров. Может, но вряд ли захочет».

«Мальцев-Пальцев. Захочет, но вряд ли сможет».

«Бумагин. Не хочет и не может».

«Кошковладельцев. Может, но сволочь».

И все это сводилось к одному — достать жесткое место для лежания.

«Где-нибудь, да клюнет, — мечтал Посиделкин, — главное, не давать им ни минуты отдыха. Ведь это все ренегаты, предатели. Обещают, а потом ничего не сделают».

Чем ближе подходил день отъезда, тем отчаяннее становилась деятельность Посиделкина. Она уже начинала угрожать спокойствию города. Люди прятались от него, но он их преследовал неутомимо. Гнался за ними на быстроходных лифтах, перегрузил ручную и автоматические станции бесчисленными вызовами.

— Можно товарища Мальцева? Да, Пальцева. Да, да, Мальцева-Пальцева. Кто спрашивает? Скажите — Леля. Товарищ Мальцев? Здравствуйте, товарищ Пальцев. Нет, это не Леля. Это я, Посиделкин. Мальцев, вы же мне обещали. Ну да, в Ейск, для лежания. Почему некогда? Тогда я за вами заеду на такси. Не нужно? А вы действительно меня не обманете? Ну, простите великодушно!

Завидев нужного ему человека, Посиделкин, презирая опасность, бросился в самую гущу уличного движения. Скрежетали автомобильные тормоза, и бледнели шоферы.

— Значит, не забудете, — втолковывал Посиделкин, стоя посреди мостовой, — в Ейск, для лежания. Одно жесткое.

Когда его отводили в район милиции за нарушение уличных правил, он ухитрялся по дороге взять с милиционера клятву, что тот достанет ему билет.

— Вы — милиция, вы все можете, — говорил он жалобно.

И фамилия милиционера с соответствующим кружочком и характеристикой («Может, но неустойчив») появлялась в страшной схеме.

За неделю до отъезда к Посиделкину явился совершенно неизвестный гражданин и вручил ему билет в Ейск. Счастью не было предела. Посиделкин обнял гражданина, поцеловал его в губы, но так и не вспомнил лица (стольких людей он просил о билете, что упомянуть всех было решительно невозможно).

В тот же день прибыл курьер на мотоцикле от Мальцева-Пальцева. Он привез билет в Ейск. Посиделкин поблагодарил, но деньги выдал со смущенной душой.

«Придется один билет продать на вокзале», — решил он.

Ах, напрасно, напрасно Посиделкин не верил в человечество!

Схема действовала безотказно, как хорошо смазанный маузер, выпускающая обойму за обоймой.

За день до отъезда Посиделкин оказался держателем тридцати восьми билетов (жестких, для лежания). В уплату за билеты ушли все отпускные деньги и шестьдесят семь копеек бонами на Торгсин.

Какая подлость! Никто не оказался предателем или ренегатом!

А билеты все прибывали. Посиделкин уже прятался, но его находили. Количество билетов возросло до сорока четырех.

За час до отхода поезда Посиделкин стоял на гранитной паперти вокзала и несмелым голосом нищего без квалификации упрашивал прохожих:

— Купите билетик в Ейск! Целебное место — Ейск! Не пожалеете!

Но покупателей не было. Все отлично знали, что билета на вокзале не купишь, и что надо действовать через знакомых. Зато приехали на казенной машине Брунелевский, Бумагин и Кошковладельцев. Они привезли билеты.

Ехать Посиделкину было скучно.

В вагоне он был один.

И, главное, беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен. Просто у него оказались слишком влиятельные знакомые. А чудное правило — покупать билеты в кассе — почему-то было забыто. □

Иван Тереверзин

Вечных чувств обещать не буду,
Просто твердо скажу: «Я твой!..»
Но красивых глаз изумруды
Навсегда сохраню душой.

Сколько раз я любил до дрожи,
А порой и до горьких слез!
Будто с ранней весною схожий,
Где на радость раскаты гроз.

А теперь, в этот раз, родная,
Я хочу лишь заветно знать,
Что не зря все рассветы рая —
На тебя решил поменять...

Может быть, потому я ожил,
Распахнулся душой, как поля,
И всегда мне была дороже
Песнь синичья, чем клич журавля.

Я совсем не хочу обидеть —
Ни тебя, ни любовь свою, —
Просто надо грядущее видеть,
Как на самом последнем краю...

Боль вновь ударила нежданно,
Враз стало мне не до любви,
Не до печали богоданной,
Когда покой царит в крови...

Хотел бы я молчать, да только —
Рвет душу на куски судьба,
И что ни напишу, все горько,
Как будто точно мне — труба...

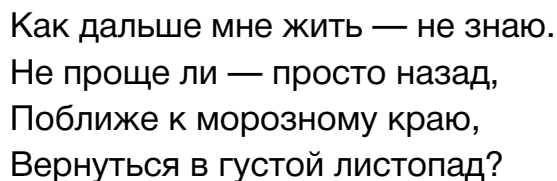
А жить-то вдохновенно надо —
Каким бы злом не стала жизнь,
А если уж смертельно падать,
То так, чтоб вновь подняться ввысь...

Да-да, в ту ярко-золотую,
Где только счастье обретешь,
Где душу черту ни в какую
И в страшном сне не продаешь.

И твердо собираясь с духом,
Превозмогаю напрочь боль.
Земля мне точно будет пухом,
Но прежде... я верну любовь...

Все спутал, к чертовой матери:
И радость, и грусть, и весну!..
Как будто на быстром катере
Влетел в грозовую волну.

Забылся? Иль лишнюю рюмку
Я взял на широкую грудь?
Да просто с тоскою в обнимку
Проспал к вечным звездам путь.

И так поступлю, поскольку
Лишь в страхе земном за жизнь
Живется настолько звонко,
Что слышит мой голос высь...

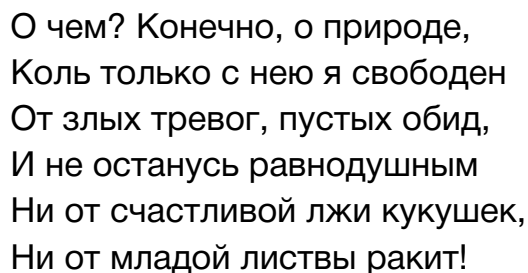
Вдруг как будто я враз постарел,
Так мне стало совсем одиноко!
И, угрюмое вспомнив, запел,
Что душой не взлечу, будто сокол.

Вот что значит уйти от любви,
В чьих лучах сокровенных грелся,
И безумною страстью в крови
Вдохновлялось седое сердце.

Только это со мной не впервой —
Значит, можно уверовать снова:
Буду вечно я молод душой —
И не важно, что только от слова!

Нет, жизнь не кончилась навек,
Еще, уверен, мне осталось
Не только зреть летящий снег
И утренних рассветов алость,
Но и — о! — счастья горних дней!
Любить вздохом, страдать до плача,
Чтобы любить еще сильнее!
И в жизни нет другой удачи,

А жарко солнечные пятна
На тропке, что бежит занятно
Меж сосен, восхитят мой взгляд —
Жизнь вряд ли назову счастливой,
Но без душевного надрыва
Я встречу огненный закат!

Прощай, заветная отрада,
С которой восставал из ада!
Все, что печалило, прощай!
Но будущее с морем песен,
Где я так звонко интересен,
Огнем свет-образов встречай!

Не мучай, не мучай душу обидой,
Подумаешь, кто-то, себя ненавидя,
Работу по чести сделать не смог.
О нем позабудь, как можно, скорее,
Чтоб вновь вдохновенно прийти к хорею,
Его ведь тебе продиктует Бог!

И пусть через кровь и пусть через муку,
Но ты пересилишь черную выюгу
Зависти, подлости, боли и лжи!
О счастье не думай, но с каждым шагом
К нему приближайся, светясь отвагой,
На жарком выдохе смелой души!

Мне хотя бы дожить до старости,
Ведь я только лишь начал жить,
И к себе преисполнен жалости,
Что врагов не могу простить...

Ах, какой неслучайный случай,
Но что будет со мной в тот час,
Когда, милая, напрочь измучась,
Оборвем нашу светлую связь?!

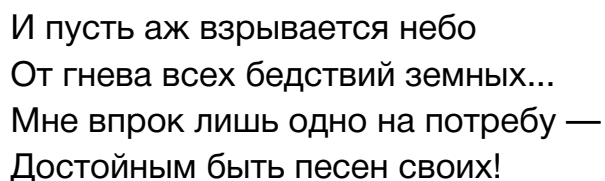
Не умру, не продамся я черту,
Не напьюсь до слезливых соплей,
Но с надорванной напрочь аортой
Буду самым смурным из людей...

Но люблю я тебя до счастья,
Потому что так звезды сошлись!
Значит, надо и в злом ненастье
Мне в мольбе уповать на высь...

Исполнюсь надеждой на счастье,
Чтоб верно свой век доживать...
Он короток, как сладострастье,
Но горек, как «кузькина мать».

И это ведь здорово, братцы,
С утра до утра биться в кровь —
Ни боли, ни зла не пугаться
В жестокой борьбе за любовь!

Да надо иметь дух железный,
Но в том-то и суть, что он есть!
Иначе я был бы — последний
Из тех, кто забыл свою честь...

В фонарном свете снег лучист,
кружась, летит на твердь земную,
а как морозно воздух чист —
не надышусь им ни в какую!

И пусть почти весь небосвод
Стеной закрыли злые зданья,
Ведь я с луною наперед
Себе назначил час свиданья...

И в нимбе ярком, световом
Вот она всходит, словно пава...
Как счастлив я! С каким огнем
Кричу ей, милой: «Слава! Слава!»

И мне в ответ, — о, что за жизнь,
О, что за радость-озаренье! —
Луна бессмертным светом высь
Зажгла в небесном вдохновенье.

А снег морозный — Боже мой! —
В ее лучах искрится, пышет!..
Как будто высшей красотой
В моей душе знак сердца вышит!

И сколько б я луною вновь
И вновь не любовался страстно,
Все ярче к ней моя любовь —
Навеки смерти не подвластна!

Пойду-ка в парке стихи слагать,
Мечтать, да просто насвистывать,
Такая в душе моей благодать
По ранней весне неистова!

Я жизнь люблю! Ее солнечный свет
Озаряет путь на года и версты!
Как будто небо-огонь в ответ
Зажигает всполохами звезды...

О, сколько их! И все до одной —
Серебристые, ярко-лучистые!
Летел бы к ним и летел душой
Сквозь время сумрачно-мглистое.

Только мне от распевов птиц,
От белок, сыплющих искры щедро,
Земля представляется без границ
Рождающим вечные жизни кедром!..

Врастаю в нее корнями глаз —
Как будто в вечное счастье...
И верю, любовь меня заждалась,
Хоть день пошел на ненастье...

Звени, душа! А сердце стучи!
Взгляд полыхай заоблачным светом!
Пришел поэт, чьи стихи-лучи
Исполнены солнцем и ветром!

По капле, по секунде жизнь моя
уходит, как вода в земные дали...
И прошлых лет глухая колея
навечно заросла травой печали.

Мне опереться не на что, мой друг!
И откровенно разрываюсь криком:
да помогите вырваться из мук,
иначе с жизнью рассчитаюсь мигом.

В ответ молчанье утра, ночи, дня,
и даже космос немота сковала.
Лежу один, в палате, без огня,
как будто тьма и есть мое начало...

Ни лучше, ни хуже я жить не смогу!
Душе, как всполоху горящему, верю.
Цветут незабудки на росном лугу
и есть чем питаться голодному зверю.

Я жалостлив так, что и смерть воробья
считаю навеки печальной утратой.
Но вслед за отцами идут сыновья,
идут и идут, чтобы гибнуть в солдатах.

И нету отечества, — чей бы закат
так ни был душе упоительно сладок.
Вдали громяхают грома не попад,
а мнится, что мины взрываются рядом.

О, грусть, о, тревога, о, мука, о, боль! —
от вас никогда не бежал безоглядно.
И точно без слез устою пред судьбой,
хотя она бьет через меру нещадно!

И к славе приду, но безвестным умру, —
от века нерадостна участь пророка...
Но дел моих сад отцветет на ветру,
как будто за пазухой жаркою Бога!

Дмитрий Зелов

Сода... Трудно найти продукт более универсальный: его с успехом применяют от косметологии до кулинарии, от строительства до растениеводства, а уж о чистяще-дезинфицирующих свойствах этого белого порошка, который имеется в доме у каждой хозяйки, не приходится и говорить. Благодаря низкой цене сода доступна каждому, а ее незаметное (но в тоже время незаменимое!) присутствие в нашем обиходе настолько привычно и естественно, что кажется, так было всегда. Между тем, первый завод по производству соды в России был запущен ... лишь в конце XIX века.

Стара как мир, дешева сода...

А как же в нашей стране столетиями обходились без промышленного производства соды, до того момента, когда 21 июля 1883 года в Пермской губернии, в поселке Березники, что на левом берегу реки Камы, купцом Иваном Ивановичем Любимовым был введен в строй первый в Российской империи завод по ее производству?! Попытаемся в этом разобраться.

В природе сода содержится в растении «солянка содоносная» (лат. *Salsola soda*), от названия которой в русский язык и пришло само слово «сода». Эти полукустарниковые, с сочными зелеными мясистыми листьями растения собирали, затем сжигали, а получившаяся из них зола и была той самой нужной людям содой. Конечно, такой способ приготовления был кустарным: весьма трудоемким, затратным, да и растет «солянка» далеко не везде. Поэтому в разных странах ученые-химики многие годы колдовали, подобно средневековым алхимикам, над легким и доступным способом получения соды. Причем из таких компонентов, которых бы имелось в избытке, что могло бы превратить в реальность мечты о производстве соды в промышленных масштабах.

Удача улыбнулась в 1861 году бельгийским химикам, братьям Эр-

несту и Альфреду Сольве, предложившим миру способ производства кальцинированной соды, используемый и по сей день. Как и все гениальное, метод Сольве отличался простотой и незамысловатостью: в насыщенный раствор хлорида натрия (известный в быту как поваренная соль) пропускались бесцветные газы — аммиак и диоксид углерода. Получавшийся в ходе реакции слаборастворимый осадок гидрокарбоната натрия и был той самой пищевой содой. Дело оставалось за малым: отфильтровать, а затем кальцинировать (обезвоживать) путем нагревания до 140–160°C полученный раствор. Во втором случае сода получалась уже не пищевая, а кальцинированная или бельевая (карбонат натрия), название которой говорит само за себя. Простота и относительная дешевизна получения соды из соли, природные залежи которой были издревле известны во многих частях света, снискали методу братьев Сольве множество сторонников по всему свету.

Содовый завод на берегу Камы

Коммерции советник Иван Иванович Любимов (1838–1899) был натурой необычайно деятельной и увлеченной. Этаким «владелец заводов, газет, пароходов» пермского разлива. Только, в отличие от гротескного маршаковского Мистера-Твис-

*Березники. Поселок «Маленькая Бельгия».
Начало XX в.*

тера, с несомненным знаком «плюс». За предшествующее открытие первого в стране содового завода десятилетие он дважды занимал пост городского главы Перми, жертвовал для благоустройства родного города значительные средства.

В 1869 году Любимов, бывший к тому времени уже довольно известным и крупным в своем регионе купцом, приобрел у казны знаменитые Березниковские соляные промыслы. Основанные в самом начале XVII века на землях богатейших людей России Строгановых, ссужав-

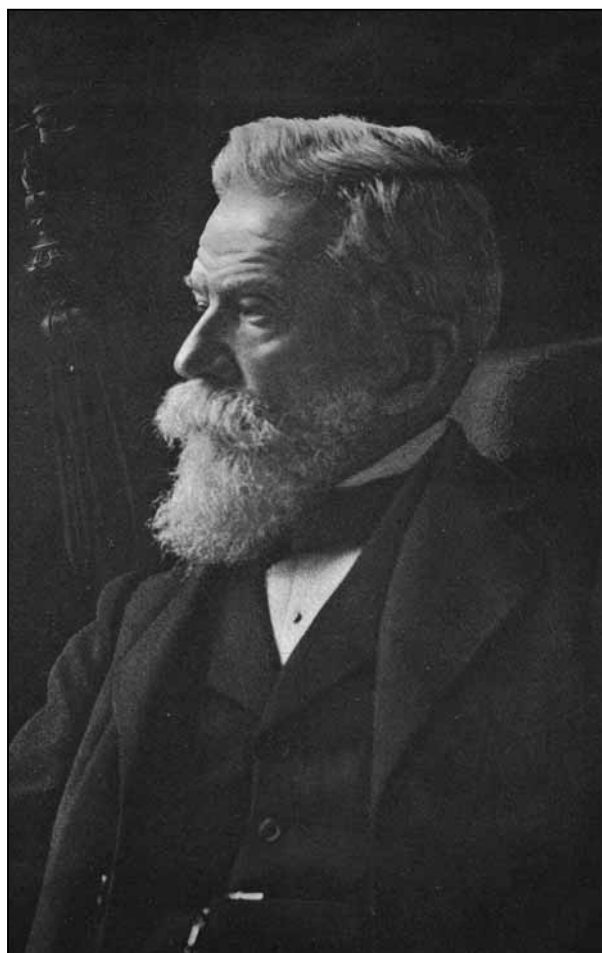
ших в Смутное время деньгами первых Романовых, эти соляные варницы долгое время были центром отечественного солеварения.

Модернизировав средневековую, по сути, добычу соли на современный для того времени лад, Любимов отправился в Бельгию, где сумел подписать 23 февраля 1881 года с европейской знаменитостью, содопромышленником Эрнестом Гастоном Сольве, контракт о строительстве первого в России завода по производству соды с проектной мощностью 6000 тонн в год.

Всего лишь через два года после этого в Пермской губернии, на левом берегу полноводной Камы, напротив знаменитого строгановского солеварного промысла Усолье, Березниковский завод русского купца Ивана Ивановича Любимова дал первый пуд кальцинированной соды по аммиачному способу. Так было положено начало содовой промышленности России.

Конечно, деньги деньгами, но строительство и пуск столь сложного механизма как завод был бы невозможен без команды квалифицированных инженерных кадров. Руководить постройкой первого в России содового завода Любимов назначил талантливого русского инженера-химика Александра Алексеевича Самосатского, который и дал путевку в жизнь березниковскому содовому проекту. Рекомендацию Самосатскому для Любимова предоставил сам Менделеев: ученый-энциклопедист с мировым именем, автор периодической системы элементов живо интересовался вопросом производства отечественной соды, отметив еще в конце позапрошлого столетия, что «ныне нельзя себе представить развития промышленности без потребления соды».

Завод уверенно набирал обороты: всего лишь через три года он выпускал уже 20 тонн соды в сутки, более миллиона пудов в год. А еще через год, для лучшего уп-

Эрнест Сольве

равления и развития завода, Любимовым и Сольве вместе с деловыми партнерами было учреждено российско-бельгийское «Общество для производства соды в России под фирмою Любимов, Сольве и К^о», успешно просуществовавшее вплоть до революции. Вскоре «Общество для производства соды» заложило строительство второго содового завода в своей промышленной империи: им стал заработавший в 1892 году на берегах Северского Донца Лисичанский содовый завод, ставший первым содовым заводом Донбасса.

*Иван Иванович
Любимов*

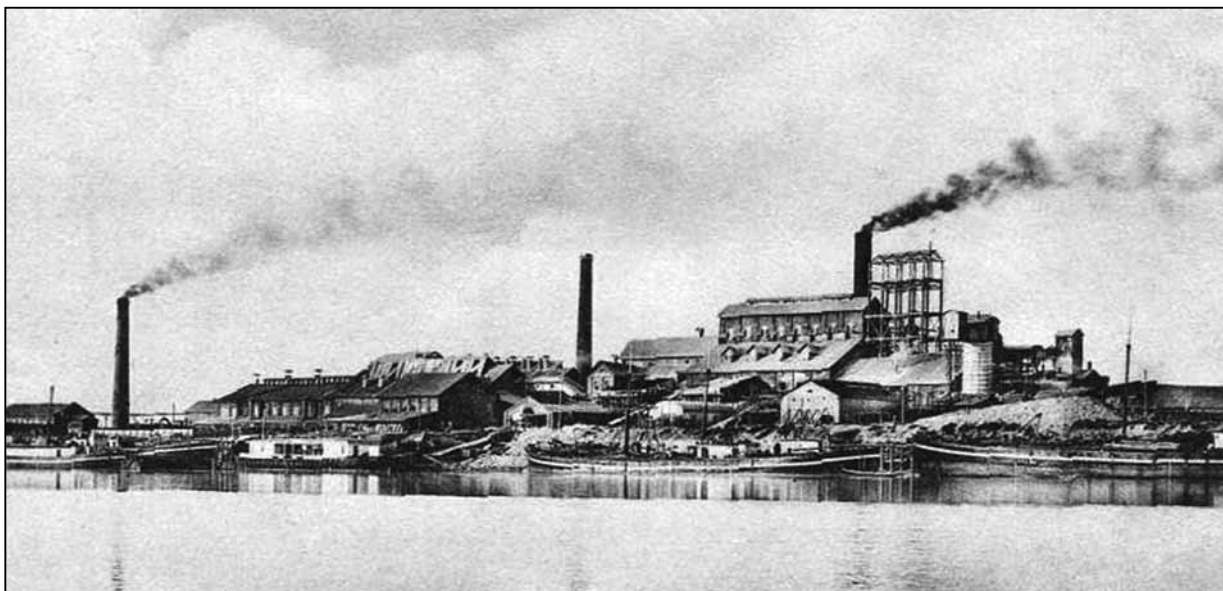
Здесь будет город-сад

Промышленное производство соды в Березниках уверенно росло год от года: как на дрожжах преобразался и хорошел поселок, в котором жили работники завода. Заботясь об образе жизни и культурном досуге рабочих, Любимов заказал ведущему в Перми архитектору Александру Бонавентуровичу Турчевичу проектировку поселения для заводчан. В результате выстроенный в Березниках жилой квартал для своего времени стал уникальным, реализованной на практике мечтой об идеальном жилье для рабочих. Тех, кто оказался в нем впер-

вые, рабочий поселок поражал несвойственный для заводских кварталов чистотой и аккуратностью улиц, налаженной бытовой инфраструктурой, включавшей, помимо жилых корпусов и заводоуправления, школу, больницу и даже самодеятельный театр. Храмом Мельпомены заведовала конторщица Марфа Евграфовна Бенескриптова, золовка инженера-строителя завода Самосатского. В квартирах у рабочих были неслыханные для уральской глубинки конца XIX века блага цивилизации, включая водопровод с горячей водой, душ и ванную.

Не случайно молодой, но уже популярный поэт Борис Пастернак, оказавшийся за год до Октябрьской революции по служебным делам (будущий лауреат Нобелевской премии нанялся работать в контору управляющего Всеволодо-Вильвенскими химическими заводами на Северном Урале Бориса Ильича Збарского, того самого, который занимался потом бальзамированием и сохранением тела Ленина в Мавзолее) в поселке при Березниковском заводе, назвал его «маленькой промышленной Бельгией».

Уже при советской власти заводской поселок вырос в полноценный город благодаря вводу в строй гиганта отечественной химической промышленности — Березниковского химкомбината. Во многом именно благодаря ему в Стране Советов стала развиваться новая отрасль горнодобывающей промышленно-

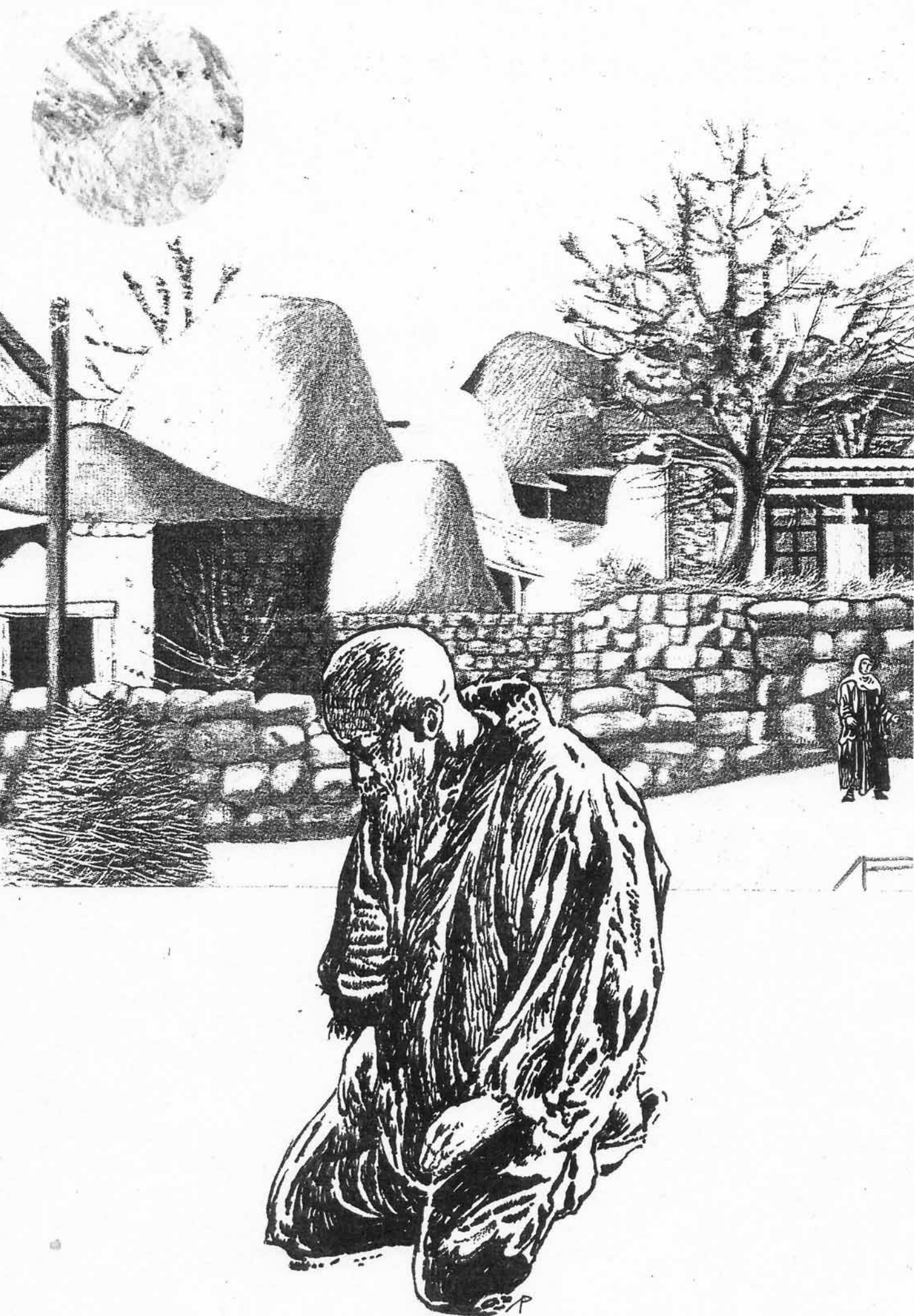
Березниковский содовый завод

сти — калийная. Примечательно, что добыча и производство карбоната натрия (сода) производится непосредственно на территории города. А с разведкой в 1976 году, опять же в черте Березников, Юрчукского нефтяного месторождения пермский город превратился в один из крупных промышленных центров Урала. В результате Березники в современной России стали вторым по величине городом Пермского края после местной столицы.

Возникновение и развитие Березниковского содового завода имело в масштабах страны большое значение. Благодаря пуску первого в России предприятия по производству карбоната и гидрокарбоната натрия в значительной степени была ликвидирована зависимость от импорта, ведь соду раньше доставляли в империю из-за границы. Естественно, втридорога. Примечательно, что

все необходимое для ее производства оборудование было создано на месте отечественными инженерами и рабочими в пермских мастерских Любимова. Растущие же год от года потребности в соде для нужд стекольной, мыловаренной, текстильной и других отраслей отечественной промышленности (о чем пророчески в свое время упоминал Менделеев) в значительной степени удовлетворялись набиравшим оборот предприятием.

Завод в Березниках, несмотря на прошедшие после его запуска в России войны и революции, финансовые и промышленные кризисы, сумел сохранить свой профиль и эффективно работает и в наши дни. Уникальный для своего времени рабочий квартал «Маленькая Бельгия» сохранился (хотя далеко и не в лучшем виде), являясь, тем не менее, одной из достопримечательностей города. ▢

ДЕРВИШ

(Четыре встречи)

*Во имя Аллаха
Всемилоостивого и милосердного!
Хвала Аллаху, Повелителю миров;
Всемилоостив и Милосерден Он один,
Дня судного один Он Властелин.
Лишь пред Тобой колени преклоняем
И лишь к Тебе о помощи взываем:
«Направь прямой стезею нас,
Что Ты избрал для тех,
Кто милостью Твоею одарен,
Но не для тех, на ком Твой гнев
И кто в неверии блуждает».*

Окончив читать молитву и ритуально омыв ладонями лицо, дервиш не спешил подняться с садждада. Конечно, молельный коврик не предназначен для отдыха, но отмолившийся не счел эту задержку большим грехом. Он поднял лицо к небу, чувствуя, как горячие солнечные лучи уже начинают припекать его темную кожу. Однако утренний ветерок еще оставался прохладным и мягко оглаживал щеки, щекотал завитки отросшей бородки... Хотелось насладиться этими недолгими оставшимися минутами, пока накатывающая жара окончательно не вытеснит остатки ночной прохлады, не загонит ее клочки в глухие подвалы, глубокие ущелья, темные пещеры.

Дервиш привык к жаре, однако умел ценить любой дар Небес. Даже такой ничтожный, как утренний ветерок.

Наконец он поднялся, привычно свернул садждад, просунул в петли веревки давным-давно отрегулированной длины, закинул сверток за спину. Ему не полагалось иметь никакого личного имущества, однако моленный коврик навряд ли можно в полной мере считать собственностью человека... Что ни говори, а намазлык лучше всегда иметь при себе, чем всякий раз искать, куда преклонить колени во время молитвы — ибо не пристало истинному мусульманину, обращаясь к Аллаху, стоять на голой земле!.. Во всяком случае, дервиш не считал неизменное наличие при себе коврика грехом.

К тому же, как и подобает странствующему суфию, он без колебания был готов отдать его по первой же просьбе любому просящему. Как и любой другой предмет, находящийся у него, включая одежду и обувь, — все, что есть у дервиша, ему не принадлежит, он всего лишь временно его использует.

Истинный дервиш никогда ничего ни у кого не просит — сам же, не имея ничего, легко расстается с любым предметом, оказавшимся у него.

...Дорога вела за горизонт. Куда именно?.. Дервиш не знал. Его это не интересовало. Он просто шел по дороге.

Встреча первая

— Дай ему поесть!

— У нас самих продуктов не хватает...

— Поделись, сынок... Святой человек... Аллах велел делиться с дервишами...

— Много их нынче — попрошаек-то по дорогам бродит...

— Не они же виноваты, что война идет — мы ведь тоже милостью Аллаха живем... Да и не простой попрошайка это. Суфий! Разве не видишь?..

— Вижу, вижу...

Мальчишка вздохнул, взял чистую пластмассовую миску, пластмассовой же ложкой выгреб в нее из котелка немного густого варева. Ложки-тарелки не жалко — можно и помыть. А вот еду приходится экономить — неведомо, когда придет следующий гуманитарный караван.

— Не жалея, сынок, положи еще немного! — Судя по голосу, в матери тоже боролись те же чувства, что и у мальчишки: и невесть откуда заявившегося дервиша нужно накормить, и собственных детей не обделить. —

Странник, видать издалека пришел... И сколько еще предстоит пройти ему, одному Аллаху ведомо...

Дервиш принял миску спокойно, едва не равнодушно. И за еду принялся размеренно, будто и не терзал его голод.

В городах истинно верующие мусульмане иногда устраивали для оседлых дервишей кормление вскладчину. Дервишу странствующему пристало жить только милостью встречных.

Он смотрел на теснившиеся близ источника палатки — палатки европейского вида, не традиционные шатры кочевников. Выходит, это лагерь беженцев — один из многих, появившихся в последнее время. Здесь обосновались люди, которым негде больше жить. Дома, в которых они обитали, в которых проживали их отцы и деды, которые неведомо когда построили их предки, оказались разрушенными. Или же людей вынудили их покинуть...

Кто?.. Дервиш не знал. Да и не интересовался.

Он не различал гяуров — кто из какой страны приехал, кто каким богам поклоняется и какие цели преследует. Дервиш просто знал, что они — чужие. Они — другого мира.

Они, гяуры, разрушали, жгли, убивали. Они же, гяуры, привозили продукты, палатки, медикаменты. Лечили тех, кого сами же ранили! Они вынуждали мирных жителей бежать из насиженных мест, а потом помогали им обустроить временное пристанище в других местах.

Зачем?..

Дервиш этого не понимал. Раньше он над этим задумывался. Потом понял, что бесполезно.

Так угодно Аллаху.

Некогда, давно, очень давно, когда он еще не стал дервишем... Даже суфием-философом не являлся...

В те давние времена он учился в светской школе. И больше думал о земном, а не о божественном.

А потом пришла война. Бомба попала в его дом, и он остался в живых — единственный из всей родни. Вот тогда впервые задумался о мире и войне, о миссии человека в этом мире.

Жить ему оказалось негде... И он просто отправился куда глаза глядят, не понимая, кто и за что разрушил его дом и убил его родных. Молодой человек, раздавленный горем, утративший представление о том, ради чего живет, просто шел от войны. Куда?.. Да куда глаза глядят!

Но чем дальше и дольше он шел, тем меньше понимал происходящее.

Он всюду видел войны, войны, войны... Смерть, кровь, разрушения...

Иногда он приходил в местность, где люди не убивали друг друга, где жили мирно и в достатке. В местность, казавшуюся ему раем, и на

какое-то время оставался там... Но потом и туда непременно приходила война.

Войну словно искусственно кто-то раздувал, разбрасывая угольки конфликтов по душам людей.

Мусульмане воевали с мусульманами, откуда-то появлялись гяуры, которые помогали одним мусульманам убивать других правоверных...

«Бурлящий регион», — услышал он как-то слова, сказанные в одном из мест, по которым бродил. И впрямь, бурлящий...

Наверное, это ему лично настолько не везло, — рассуждал странник. Ведь должно же оставаться на земле место, где люди просто живут, сами никого не убивая, и чтобы их никто не убивал. Где люди строят, а не разрушают, где бросают в землю зерно, а не закладывают мины, где родители не боятся за своих детей...

Если такого места на земле нет, то зачем устроен этот мир?..

Он многие годы искал такое место. Не находил. И продолжал искать.

Он слушал, о чем говорят люди. Он слышал рассказы о том, что вот в этой земле раньше жили не в пример лучше, богаче, спокойнее. Но потом пришли чужие — и принесли с собой смерть и разрушения.

И люди вынуждены были оставлять нажитое, насиженные места и куда-то уходить — в неведомое!

*О, сколько же оставили они
Садов и родниковых вод,
Засеянных полей,
Величественных зданий,
И изобилие, в котором забавлялись!
Таким (был их конец)!
И это все Мы отдали в наследие
другому люду.*

Значит, имелась в мире какая-то сила, которая насылала на мусульман этих «чужих»?.. Это дервиш еще мог понять — в существование Иблиса верил. Он не понимал другого: почему эта чуждая сила столь многолика. Где-то в качестве разрушителей выступали разноликие гяуры, где-то единоверцы-мусульмане, где-то вообще неведомо кто... Почему простого мусульманина эти разрушители не оставят в покое? Этого дервиш не мог понять и продолжал искать место, где мусульманину живется мирно и хорошо.

Что он сделает, когда найдет такое место?.. Когда-то, когда он не чувствовал себя дервишем, он хотел найти такое место, чтобы в нем поселиться, жениться, просто жить. Сейчас он уже слишком привык стран-

ствовать — и просто хотел убедиться, что такое место есть в подлунном мире. Это стало целью его бесконечного пути.

Однако цель так и оставалась недостижимой.

...Дервиш поел, оставил миску с ложкой. Прислонился спиной к корявому стволу невысокого деревца, в чахлой тени которого присел, и прикрыл глаза. Можно немного отдохнуть.

Задремал.

...Его разбудил шум. Оказалось, это приехали чужие.

В этот раз мусульмане. Из разрушителей. Их дервиш узнавал по черной одежде и зеленой ленточке, повязанной на голове.

Они действовали ловко, быстро, сноровисто.

Прошли по всему лагерю, заглядывая в палатки и собирая мальчишек. Дервиш уже обратил внимание, что взрослых мужчин в лагере почти нет — очевидно, они или сами ушли еще раньше, или мобилизовали их... Кто, куда, зачем — страннику было все равно. Да и теперь он не задумывался о том, куда и зачем забирают мальчишек.

Он думал о другом. По какой причине люди, проживавшие в палатках, остались без крова, он не знал. Кто разрушил их дома — не ведал. Но кто бы ни сделал это, он способствовал тому, чтобы эти мальчишки, оставшиеся без отцов и без защиты, попали в ряды к черным разрушителям.

Люди, разрушившие поселок, сделали так, что спасшиеся оттуда подростки пополнили ряды агрессивной части мусульман! Из разрушения непременно рождается ненависть, возмездие.

Разрушение порождает новое поколение разрушителей.

Эта мысль поразила дервиша.

Однако она никак не отобразилась на его неподвижном лице. Странник продолжал наблюдать.

Мальчишек погрузили в небольшой грузовичок и увезли. На дороге остались плачущие матери.

Встреча вторая

— Отнеси ему поесть!

— Да ладно!.. Дармоедов кормить!.. Если бы он пояс шахида надел и в лагерь гяуров отправился — вот тогда бы я его накормил напоследок...

— Не гневи Аллаха!.. Дервиш, святой человек...

— Аллаху служат оружием. А эти — бродят, бродят... Толку от них!..

— Каждый служит, как может. Аллаху каждая служба важна... И не нам с тобой судить... Отнеси, не ленись...

Молодой парень в черной форме нехотя поднялся, принял от товарища миску с густым варевом, отнес дервишу.

— Поешь, святой путник! — поставил он миску.

Дервиш не ответил, смотрел на подошедшего, не мигая.

Боевику стало неудобно. Он понимал, что дервиш не мог слышать его разговор с товарищем — далековато тут. Но тут вдруг показалось, что путник знает о том, что он сказал...

— Прости нам наши слабости! — смущенно пробормотал боевик и поспешно удалился.

Дервиш отвел глаза от попятившегося боевика, взял миску, принялся есть. Он привык к тому, что его повсюду встречают по-разному.

Вдруг он поймал на себе взгляд проходившего мимо мальчишки. Малец показался знакомым. Кажется, тот подавал ему миску в каком-то поселке... Или в том лагере беженцев, в который приезжали чужие в черном...

Наверное, так.

Взглянув на него, дервиш продолжал неторопливо есть. Любая встреча предначертана Аллахом!

А мальчишка поспешил дальше. Он тоже узнал дервиша. И тоже подумал о предначертанности встреч. Зачем-то ж Аллах свел его с этим странником уже во второй раз!

В чем смысл жизни бредущего в неведомое суфия?.. Куда он идет?.. Зачем?.. И что ищет?..

Сколько всего он видит! Но никому ничего не рассказывает. И зачем тогда он видит?..

Так угодно Аллаху!

*Благословен будь Тот,
В руках Которого — вся власть над миром,
Кто всемогущ над всем и вся!*

Молодость нечасто надолго задумывается над подобными вопросами. Она спешит жить!

Мальчишка учится стать подрывником.

Инструктор с пестрой многоцветной ленточкой на рукаве показывает, объясняет. Говорит он по-арабски коряво, но понятно. Впрочем, понятно-то понятно, да не совсем. Слова вроде как знакомые, а смысл их подчас ускользает. Мальчишка понимает не все, даже, сказать точнее, понимает немногое... Зато внимательно следит за тем, как ловко у гяура-инструктора орудуют пальцы.

— Вот это — капсюль-детонатор, — показывает гяур алюминиевый цилиндрок. — Берем огнепроводный шнур — он белого цвета! Запомни, бача, только белого!.. Красный шнур — детонирующий, к нему, бача, вообще не прикасайся! Мы с тобой потом будем с ним работать учиться...

Инструктор раньше служил в Афганистане, потому всех местных мальчишек называет «бача». Равно как врагов — других гяуров, неизменно называет «шурави». Хотя, как знал наш мальчишка, на свете уже нет Шуравистана, но для инструктора именно это слово служит определением для всех гяуров враждебного лагеря.

Между тем инструктор показывает, как правильно надевать детонатор на кончик белого шнура, тремя пальцами ловко удерживает его, правой рукой берет в руки какие-то щипчики...

— Это обжим, — показывает инструктор. — Делаем им вот так — закрепляем капсюль, чтобы не соскочил... Получается зажигательная трубка...

Идет занятие. Мальчишка следит внимательно. Он уже знает, что ошибка или невнимательность в подрывном деле чревата самыми неприятными последствиями. В лучшем случае — оторванными пальцами.

— Мины можно снабжать элементами неизвлекаемости. И еще элементом необезвреживаемости... — продолжает сыпать непонятными словами гяур. — Мы с вами об этом еще поговорим...

Неграмотного мальчишку, проживающего в XV столетии по хиджре, приобщают к технологиям XXI столетия от Рождества Христова.

Встреча третья

— Отнеси ему поесть!

— Всю эту голытьбу «третьего мира» не накормишь...

— Жалко... Человек...

— Дикарь!

— Наши предки такими же были, пока белые не пришли. Мои — бизонов по прерии пешком гоняли, твои — в Африке по пальмам сидели...

— Но-но, латинос, не забывайся!..

— Да ладно тебе! Мы с тобой в стольких передрягах побывали — нам ли обижаться друг на друга!.. Ну ладно, не хочешь — сам отнесу...

— Ладно уж...

Здоровенный негр принял у своего сухощавого юркого напарника миску с густым варевом.

— А тут ничего запретного для него нет? — хохотнул он, кивнув на пищу. — У них ведь много запретов в еде...

— Пусть сам разбирается! — махнул рукой похожий на мексиканца морпех. — Или Аллах ему подскажет...

Они рассмеялись.

Дервиш равнодушно принял миску, скользнув глазами по лицу и нашивке на рукаве подошедшего. Сколько разного люда, и сколько разных значков на рукавах приехало на его землю!

И принялся есть.

— Хоть бы поблагодарил, — проворчал негр, вернувшись к товарищу.

— Он поблагодарит, — заверил тот. — Когда будет молиться, поблагодарит Аллаха, давшего ему пищу. Потому что ты сейчас был не самым собой, а только рукой Аллаха-Дарителя, то есть Аль-Ваххаб.

— Хорошо хоть рукой...

— Не богохульствуй!..

— То есть я только что был ваххабитом? — весело удивился негр.

И они заговорили на эту тему. Впрочем, недолго — скоро финал по бейсболу, а это важнее.

Дервиш спокойно ел. Принять пищу от неверного — не грех!

*Все то добро, что жаловал
Аллах пророку
От жителей окружных сел,
Принадлежит Аллаху и пророку
И тем, кто близок по крови,
Сиротам, путникам и нищим,
Чтоб меж богатыми из вас
Сие добро не расходилось.*

Он не думал сейчас о том, что в предложенной пище может оказаться что-то запрещенное Аллахом для правоверных. Если он об этом не знает, значит, грехом не считается.

Он смотрел вдаль.

В стороне от дороги, по которой он шел, и возле которой раскинулся временный лагерь военных, виднелась древняя глинобитная постройка. Дервиш знал, что это мазар святого ходжи Сейида. Сейид прославился своими духовными подвигами сколько-то веков назад — дервиш мало что помнил про святого. Знал только, что родом ходжа происходил из поселка, расположенного в двух десятках километрах отсюда — святой возвращался домой, когда его подстерегли враги... Похоронили ходжу на месте му-

ченической гибели. И с тех пор ежегодно соплеменники приходят к мазару поклониться его памяти.

Поселок тот недавно принял помощь международных организаций и изгнал прочь сторонников мусульман в черном.

Дервиш смотрел на поле. Он видел, что тот самый мальчишка, которого он случайно видел уже дважды, отправился туда, на поле. Проходя мимо путника, малец вежливо поклонился дервишу, показав, что тоже узнал его.

Мальчишка нес на спине тяжелый мешок.

Дервиш знал, что в мешке, и чем занимаются мальчишки на поле, тоже знал. Это называется минированием местности.

Но зачем?.. Этого он не понимал. Мусульмане в черном воюют против гяуров. Они защищают ислам. В конце концов, можно понять, когда правоверные воюют между собой — люди испокон веков убивают друг друга! Можно даже понять, что истинные мусульмане привлекают к борьбе с врагами ислама гяуров!.. Наверное, можно представить, что и гяуры могут идти на союз с правоверными в борьбе со своими врагами!..

Однако то, что видел дервиш сейчас, никак не вписывалось в его понимание. Гяуры в союзе с непримиримыми мусульманами минировать местность против мусульман, которые хотят мира и ради этого пошли на союз с другими гяурами, которые также хотят мира! Как это можно понять?..

Стоп! — одернул себя дервиш. Не его это дело — думать о таком. Каждый на белом свете совершает поступки сам — каждому и ответ держать!

Встреча четвертая

— Отнеси ему поесть!

— Да не положено вроде... Вдруг он шахид какой... Рванет себя — костей не соберешь!

— Ага, ради тебя — единственного и неповторимого — станет он себя подрывать!.. Не жматься, отнеси — вишь, худой какой!..

— Они тут все худые — солнце лишний жир вытапливает...

— Этот, видать, странник какой-то нищий — видишь, весь ободраный... Как его... Каландар.

— Вшивый, наверное... В лишаях да коросте... Брезгую я...

— Так не от хорошей жизни, небось, в странники подался... Тут ведь как и везде: кто-то жирует, а кто-то в нищете.

— Это точно... Ладно, давай отнесу.

Солдат принял у товарища пластмассовую миску с густым варевом, положил сверху ломоть ноздреватого пахучего (только ночью испекли!) хлеба, направился к дервишу. Тот скользнул взглядом по его лицу, по нашивке на его рукаве, принял миску, пристроил на колени.

Глаза у гяура были голубыми, волосы светлыми. Некогда, по преданию, именно так выглядели ассирийцы. И по тем же преданиям, именно так должны выглядеть посланцы Иблиса на Земле.

Дервиш отдавал себе отчет, что только по внешности судить о человеке нельзя. И все же... Въевшееся в его представление о мире поверье смущало.

Между тем, поколебавшись, солдат сходил и принес кружку горячего чая и еще одну миску, с несколькими сухими пресными галетами и парочкой кусочков сахара. Поставил рядом со странником прямо на землю.

...Солдаты с расстояния смотрели, как он ест — размеренно, неторопливо, спокойно. И все же чувствовалось, что человек голоден, и эта размеренность дается ему с некоторым усилием.

— Вот ведь тоже не бедная страна, — задумчиво сказал один. — Почему ж столько нищих тут?..

— А у нас? — ответил второй. — Тоже «трубы» на всех хватило бы. Да только если кто сел у краника — станет ли со всеми делиться?..

— Вот-вот... Ленин и Сталин пытались поровну на всех разделить — а оно вон как вышло. Только народу сколько зазря полегло...

— Горбачев с Ельциным все развалили...

— Брось ты!.. Система сама выгнила изнутри. Потому и рухнула...

— Путин исправляет...

— Да не больно-то у него получается...

— Но надеяться надо!

— Надо. А что остается-то...

Этот разговор они вели уже давно. Каждый раз иными словами. Только суть оставалась одна.

Подошел старший. Послушал немного ленивый треп. Усмехнулся.

— Вас, политологов, не спросили... Ладно, пошли работать!

...Дервиш уже поел. Он откинулся к стволу дерева, из-под прикрытых век наблюдал, как солдаты, растянувшись в цепочку, медленно идут по направлению к мазару ходжи Сейида.

Казалось бы, он уже давно отвык не то, что удивляться, даже слегка недоумевать. А тут — не смог удержаться.

Мазар мусульманского святого. Мусульмане через пару дней должны прийти сюда поклониться его праху и памяти. Мусульмане заминировали подступы к месту упокоения ходжи: мальчишки устанавливали мины, взрослые контролировали, а гяуры обучали их этому ремеслу.

Теперь — с другой стороны. Гяуры с другими нашивками на рукавах сами разминируют местность, подвергая себя опасности. А мусульмане сидят за их спинами, ожидая, когда те выполнят свою работу, чтобы можно было привести своих соплеменников и единоверцев к мазару мусульманского святого.

Как это понять?..

Дервиш прикрыл глаза. Дремал ли он, размышлял ли над неразрешимым парадоксом — со стороны было не понять.

Но если бы кто мог послушать его мысли, наверное, здорово подивился бы.

Странник благодарил каждого, кто принес ему поесть. И мальчишку, и боевика в черном, и темнокожего солдата, и солдата белобрысого...

*Тому, кто с добрыми делами явится (пред Ним),
Добром (воздастся) большим в десять раз.
Тому же, кто придет со злою (ношей),
Воздастся злом, ему подобным...*

Дервиш благодарил каждого.

А удачи желал только одному.

И вовсе не потому, что тот к вареву добавил еще и чай.

Примечания

Бача — так в Афганистане называли мальчишек.

Гяур, кафир — не верующий в ислам.

Дервиш, каландар — мусульманский аскет. Бывают странствующие, а бывают проживающие в обители или даже в своем доме.

Иблис — низвергнутый с Небес ангел, восставший против Аллаха.

Мазар — кладбище, древняя усыпальница.

Медресе — среднее мусульманское учебное заведение.

Саджжад, намазлык — молельный коврик.

Суфизм — течение в исламе, проповедующее аскетизм и повышенную духовность.

Шурави — так в Афганистане называли советских военнослужащих. □

Перевод из Корана **Валерии Пороховой**.

Кофемолка

Феликс разгадал весь кроссворд, кроме одного слова. «То, от чего женщины сходят с ума», — значилось в описании.

— Шесть букв, третья «б»! — Он задумчиво почесал карандашом затылок. — Что это может быть?

Если успеть до шести вечера принести разгаданный кроссворд в редакцию, то можно было рассчитывать на приз — кофемолку.

Кофе Феликс не пил, но знал, что в кофемолке можно молоть много других полезных продуктов. Сахар, например, или макароны. Зачем — это уже другой вопрос.

Короче, халявная кофемолка очень будоражила его воображение.

— То, от чего женщины сходят с ума, — повторил Феликс, глядя на потолок, словно пытаюсь прочесть там ответ.

В женщинах он был не силен. Как женился в семнадцать лет, так и жил с Наташкой, не греша изменами. Неинтересны ему были измены. И вот теперь какой-нибудь ухарь мог заполучить кофемолку только потому, что гулял «налево» и лучше знал женщин в принципе, а не отдельно взятую Наташку.

Феликсу стало обидно. Он позвонил Вовке и спросил у приятеля:

— От чего женщины сходят с ума?

— От ревности, — не задумываясь, ответил Вовка.

— Не подходит, — покачал головой Феликс. — Шесть букв, третья «б».

— Ну, не знаю, — буркнул Вовка. — По мне — так восемь букв, третья «в».

Получалось, что Вовка, со своей патологически ревнивой Тамаркой, знал о женщинах еще меньше, чем Феликс, хотя изменял жене направо-налево.

— Ты кофемолку, что ли, хочешь выиграть? — усмехнулся приятель.

— Хочу, — смутился Феликс, словно его застали на месте преступления.

— Ну, удачи тебе! — захохотал Вовка и повесил трубку.

Феликс поплелся на кухню.

«Кто знает о женщинах лучше, чем сама женщина?» — решил он.

Жена ловко лепила котлеты, и, обваливая их в панировочных сухарях, весело напевала.

— Натах, ты меня любишь? — издалека начал Феликс.

— Периодически, — пропела Наталья. — Например, когда ты мусор выносишь. Или картошку жарешь.

— И все? — поразился он. — А когда не любишь?

Наталья начала загибать пальцы:

— Когда на рыбалку едешь, когда футбол смотришь, когда пиво чесноком заедаешь, когда грязные носки в угол ставишь, когда чайные пакетики на цветы вешаешь, когда ботинки кремом для лица чистишь, когда в ванной орешь «Абцаз!», когда пепел стряхиваешь в аквариум, когда мою маму зовешь «Помпадура», когда кошку замачиваешь вместе с рубашками... — Пальцы на руках кончились, и она замолчала.

— Да-а! — протянул пораженный Феликс. — Так и до развода недалеко.

— Далеко, — отмахнулась жена. — Главное, ты по бабам не бегаешь.

— Не бегаю, — согласился он и приступил к главному:

— А вот от чего ты сошла бы с ума?

— От отпуска в Анталье, — закатила глаза Наталья, сразу же забыв про котлеты.

— Шесть букв, третья «б», — подсказал Феликс.

— Ребенок, что ли?! — перепугалась жена. — Нет, мне пока нашего Никитки хватает. Если и надумаю дочку родить, то не раньше, чем годика через три!

Феликс развернул газету, посмотрел в незаполненный столбец и уверенно произнес:

— Не подходит «ребенок». Во-первых, одна буква лишняя, во-вторых, от него в переносном смысле с ума сходят, и, кстати, не только женщины!

— Ты кофемолку хочешь выиграть? — засмеялась жена, бросая на сковородку котлеты. — Зачем она нам?

— Макароны дробить, — обиделся Феликс на ее веселье. — Весь Голливуд макароны в кофемолках дробит!

— Зачем?

— А хрен его знает.

До шести часов вечера оставалось четыре часа.

Феликс решил прогулять собаку. На собачьей площадке можно было встретить много людей самых разных профессий и самого разнообразного житейского опыта. Газету с кроссвордом он прихватил с собой.

Первой ему повстречалась Ираида Семеновна с болонкой. Ираида Семеновна была профессором университета, доктором социологических наук, и, по мнению Феликса, должна была знать абсолютно все.

— Скажите, Ираида Семеновна, — заискивающе обратился он к ней, — от чего женщины сходят с ума?

— О! — обрадовалась возможности поговорить профессор. — Это очень философский вопрос, мой дорогой! Гендерная психология стоит во главе всех социальных проблем и явлений! Ведь что такое восприятие жизненных ситуаций, различаемое по половому признаку? Да это целый мир! Давайте рассмотрим такой аспект...

Болонка на поводке у Ираиды Семеновны завывала. Очевидно, она не любила, когда хозяйка замирала на одном месте и, пускаясь в долгие рассуждения, забывала ее выгуливать.

— ... аспект понимания удовольствий у мужчин и женщин очень различен, я бы сказала, полярно противоположен, несмотря на общность некоторых моментов.

— Это все понятно, — заскучал Феликс. — Но мне нужно только одно слово! Шесть букв, третья «б»!

— Вы кофемолку, что ли, хотите выиграть? — расхохоталась профессорша.

Весь город знал об этой чертовой кофемолке!

— Хочу, — неохотно признался он. — В принципе, она мне ни к чему, но азарт, сами понимаете...

— Шесть букв — это что-то короткое. Увы, мой дорогой, я такими штампами мыслить не умею, — призналась Ираида Семеновна и поволокла свою болонку в кусты.

Вторым на собачьей площадке попался дедок с овчаркой. Феликс знал, что в прошлом дед был военным летчиком. Хотя что-то, но он должен был знать о «гендерной психологии», как выражалась Ираида Семеновна.

— Скажите, от чего женщины сходят с ума? — без долгих вступлений пристал Феликс к бывшему летчику.

Дедок оглядел его с ног до головы и поучительно поднял палец:

— Это, молодой человек, зависит от того, что за женщина! Молодые девчонки в сексе вообще ничего не понимают, с ними можно без церемоний и без фантазий. А вот женщины постарше...

— Шесть букв, третья «б»! — выкрикнул Феликс.

— Что-то я такой позы не знаю, — нахмурился дед. — А это точно с женщинами надо делать?

— Нет, с кофемолкой, — обозлился Феликс и пошел домой, потому что больше на собачьей площадке никого не было.

На лавочке возле подъезда сидела сплетница-склочница баба Валя. Говорили, что ей лет сто, но выглядела она на семьдесят.

— От чего женщины сходят с ума? — наудачу спросил ее Феликс.

— А тебе зачем? — насторожилась баба Валя. — От Наташки «налево» собрался?

— Кофемолку хочу выиграть! — потряс он у нее перед носом газетой.

— А-а, ну тогда от отсутствия информации, — успокоилась баба Валя.

— Шесть букв, третья «б», — вздохнул Феликс.

— Может, вобла? — оживилась старушка. — Я вот как воблу с пивом вижу, так сразу с ума схожу!

— Шесть букв! А «вобла» — пять! — разозлился Феликс.

— Так с пивом же! — возмутилась бабка. — Слушай, а зачем тебе кофемолка, ты же кофе не пьешь?

— Откуда вы знаете?

— Есть источники! — Баба Валя многозначительно посмотрела на небо, словно давая понять, что информацию получает от самого Господа Бога.

Феликс убежал — от греха подальше. Кто их знает, этих столетних бабок, которые сходят с ума от воблы с пивом и знают твои вкусовые пристрастия...

До шести вечера оставалась два с половиной часа.

В подъезде ему попала Людка Нехлюдова. Ей едва исполнилось двадцать пять, она была красоткой и меняла мужиков, как перчатки.

— От чего женщины сходят с ума? — набросился Феликс на Людку.

— А вот от таких усипусичек, — облобызала Людка его дога. Дог в ответ тоже лизнул ей лицо, чудесным образом не повредив косметику.

— Шесть букв, третья «б», — уточнил Феликс.

Людка задумалась, что, очевидно, ей было несвойственно, потому что на гладком лбу немедленно появились морщины.

— Не знаю, ничего не подходит. Евро, доллары, виллы, шубы, бриллианты, олигархи, конфеты, букеты... — пошла она по ниспадающей. — А зачем тебе?

— Макароны молоть, — рискуя прослыть идиотом, ответил Феликс.

— Так ты попробуй сразу муку купить, чего мучиться? — посоветовала Людка.

Из дома Феликс позвонил теще:

— Мама, от чего женщины сходят с ума?

— Ты с Наташкой поссорился? — насторожилась та.

— Ни с кем я не ссорился. Я кроссворд разгадываю.

— Бездельник! — возмущенно воскликнула теща. — Лучше бы ремонт в ванной сделал!

— Я уже сделал. Так вы не знаете?

— Господи, — вздохнула теща, — от чего мы только с ума не сходим! Басков не подходит?

— Нет.

— А Киркоров?

— Тоже нет. Третья «б».

— Бабкина, что ли? Ну, это большая натяжка!

— Ну, уж точно не Бабкина, — буркнул Феликс и бросил трубку.

До шести часов вечера оставалось сорок минут. Спрашивать больше было решительно не у кого. Разве что у рыбок в аквариуме, но это было бессмысленно и грозило определенным диагнозом.

От безысходности Феликс набрал «Секс по телефону», номер которого вычитал в той же газете, где отгадывал кроссворд.

— От чего женщины сходят с ума? — спросил он у чувственного дыхания на том конце провода.

— Вы хотите оральный секс? — простонала девица.

— Дура, я кофемолку хочу! — выкрикнул Феликс и бросил трубку.

Нет, решительно никто в мире не знал, от чего сходят с ума женщины! Ни профессор, ни летчик, ни бабка на лавке, ни первостатейная красотка Нехлюдова, ни теща, ни бабник Вовка, ни телефонная девка легкого поведения, ни даже жена Наташка.

То ли вопрос в кроссворде был сформулирован некорректно, то ли ответа на него просто не существовало.

До шести вечера оставалось пятнадцать минут...

Феликс поплелся в ванную и по пути заглянул в детскую. Девятилетний Никитос, закусив губу, резался в компьютерную игру. Феликс хотел спро-

сать сына, сделал ли он уроки, но вместо этого вдруг повторил навязший в зубах вопрос:

— От чего женщины сходят с ума?

— От любви, па, — не отрываясь от игры, ответил Никитос. — Женщины сходят с ума только от любви!

— Елки! — треснул себя по лбу Феликс. — Точно, «любовь»! Шесть букв, третья «б»!

Он сбегал за газетой, вписал в пустой столбец слово и спросил у сына:

— И откуда ты это знаешь, Никитос? Ни летчик, ни профессор, ни баба Валя не знают, тебе же всего девять лет, а ты знаешь!

— Из Интернета, па. Интернетом надо пользоваться, а не бабой Валею. Только неправильная у тебя газета и неправильный кроссворд! Дело в том, что ОТ любви больше мужики с ума сходят, а женщины БЕЗ любви умом трогаются.

— Елки... — прошептал Феликс, пораженный правильностью рассуждений девятилетнего сына. — Это тоже... того... Интернет говорит?

— Ну, и Интернет тоже, — уклонился от прямого ответа Никитос, увлеченно расстреливая компьютерного монстра.

До шести вечера оставалось четыре минуты.

Феликс решил позвонить в редакцию и попросить, чтобы его дождались.

— Газета «Досуг», — ответил приятный женский голос.

— Неправильная у вас газета и неправильный кроссворд! — неожиданно для себя заявил Феликс любимой газете.

— Что? — удивилась девушка.

— Да пошли вы со своей кофемолкой! Я макароны целиком сварю! — вдруг заорал он. — Ничего вы не понимаете в женщинах! Они БЕЗ любви с ума сходят! БЕЗ, а не ОТ!

— Что?! — испугалась девушка. — Кто такой «без»?

— Заберите кофемолку себе, — пожалел ее Феликс и пожелал всего доброго.

Вечером Наталья пришла в спальню довольная.

— Ты выиграл кофемолку? — спросила она. — Я узнала, почему весь Голливуд молотит в ней макароны! Если развести полученную муку водой и наложить на двадцать минут на лицо, кожа станет просто волшебной!

— Натаха, — сонно пробормотал Феликс, — пусть голливудские мымры себе рожи макаронами мажут, а ты у меня и так красавица.

— Значит, не выиграл, — вздохнула жена, ныряя к Феликсу под одеяло. — А что это за слово-то было?

— Любовь! — улыбнулся Феликс.

— Любовь! — захохотала Наталья. — Ни за что бы не догадалась! □

Ирина Опимах

Софья

В Русском музее среди многих картин Ивана Крамского есть и этот портрет — большой, парадный, красивый. На нем — его дочь, Софья Крамская. Роскошные волосы, тонкая талия, элегантное платье, серьезное лицо, но главное — глаза, в которых сквозит мысль, способность чувствовать, переживать. У этой девушки еще все впереди, и пережить ей пришлось немало...

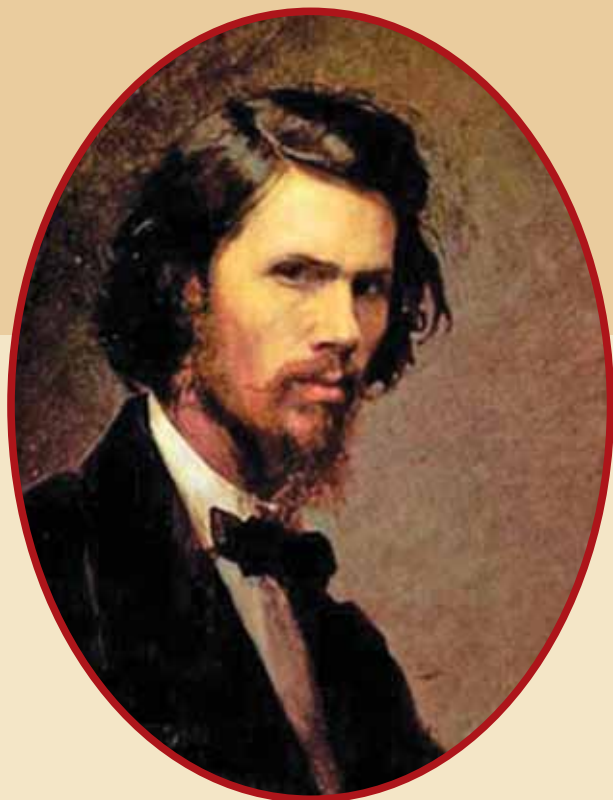
*Софья Ивановна Крамская,
дочь художника*

Крамская

художница, дочь художника

В 1863 году Иван Крамской женился. История его женитьбы — настоящий роман. Его избранница, Софья Николаевна Прохорова, была «дамой с прошлым». До встречи с Крамским она жила в гражданском браке с неким господином Поповым, который при этом имел законную жену, и его нисколько не смущало, что время свое ему приходится делить между слегка надоевшей супругой и очаровательной мадемуазель Прохоровой. А потом он и вовсе ее, мадемуазель Прохорову, бросил — отправился за границу, видно, искать новых впечатлений. Софья осталась одна, без денег, да еще с подпорченной репутацией. И тут она познакомилась с Крамским, которому оказались совсем не важны все ее обстоятельства жизни. Он влюбился — да и как было не увлечься этой красавицей! Вот она, на картине 1866 года («За чтением»), читает книгу, вся погружившись в мир ее героев. Крамской сделал Софье предложение, кото-

*Иван Николаевич
Крамской*

рое было принято, и женился на ней, о чем никогда не жалел. Софья Николаевна оказалась любящей, преданной женой и прекрасной матерью их детей. А их было шестеро! Пять мальчиков и только одна девочка, родившаяся 21 августа 1867 года. Крамской, конечно же, любил всех своих детей, но к девочке, которую называли Соней в честь матери, относился с особенной нежностью. Она часто сидела в его мастерской, наблюдая за этим поразительным волшебством — рождением картины.

Справа:

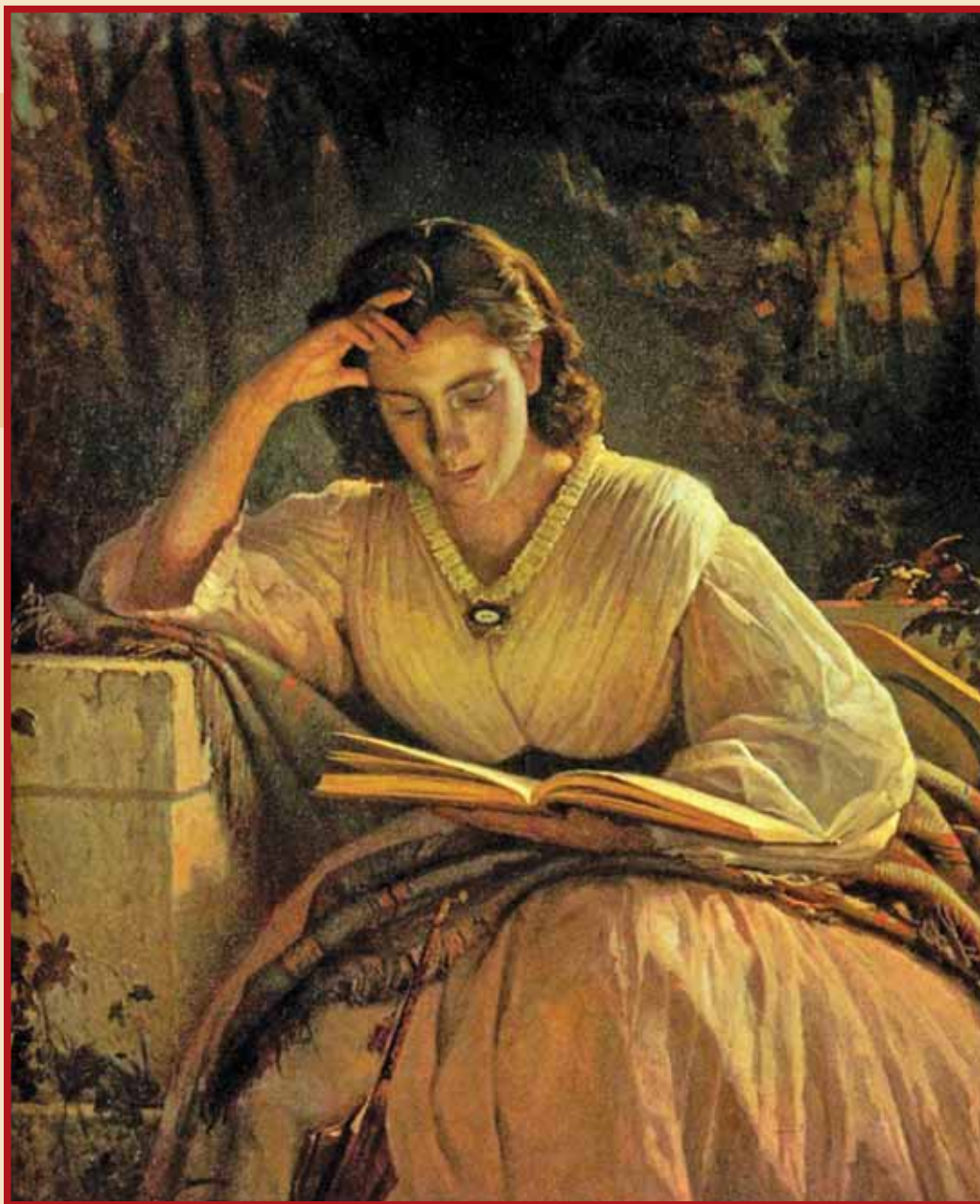
***И.Н. Крамской.
Портрет Софьи
Николаевны
(жены художника)***

***И.Н. Крамской. Портрет
Софьи Крамской в детстве***

И тоже понемногу начала рисовать. Отец, заметив у дочери явные способности, стал ее первым учителем. Она была хорошей ученицей — быстро схватывала все, что он старался ей поведать об этом трудном ремесле, живописи, а еще она была послушной моделью. Крамской много писал свою Соню-маленькую. И хотя считалось, что она, если не дурнушка, то далеко не красави-

ца, он видел ее глубокие, умные серые глаза, и она казалась ему прекрасной.

Она выросла и — хорошела. Подруга ее детских и юношеских лет, дочка Павла Третьякова Вера (в замужестве Зилоти), вспоминала: «Соня была некрасива, но с умным, энергичным лицом, живая, веселая и необычайно талантливая к живописи... В 16–17 лет Соня... похоро-

шела, волосы отросли. Фигура у нее стала длинная, тонкая. Она прекрасно танцевала. Ее веселость, остроумие и *entrain* (притягательность, обаяние) привлекали к ней много поклонников». А среди них были такие тонкие ценители женской красоты, как ученик ее отца Илья Репин, восхищавшийся ее грациозной фигуркой. Всерьез за ней ухаживал и Альберт Бенуа, но ей тогда было всего

16, а ему — 30, и он казался Сонечке стариком».

И вот тут она познакомилась с молодым врачом Сергеем Боткиным, представителем известной медицинской династии, умным, симпатичным молодым человеком. Он ей очень понравился, они стали встречаться, и уже вскоре Крамские и Боткины праздновали помолвку. Счастливый отец невесты даже написал

портреты — парные, ведь они теперь были пара! — Сонечки и Сергея.

Но свадьбы не случилось. Неожиданно для всех Сергей страстно влюбился в подругу Сони Сашу Третьякову, вторую дочку П. Третьякова. Это было ужасно! Соня тяжело переживала, не хотела никого видеть, потеряла интерес к жизни. Такую мы и видим ее на картине «Портрет с кошкой», написанной отцом после разрыва помолвки дочери, — опустошенной, разочарованной. И действительно, как теперь жить, когда тебя могут предать самые близкие — жених, подруга... На этом портрете Соня выглядит совсем не так, как на том, парадном...

(Сергей Сергеевич Боткин, профессор медицины и лейб-медик, умер очень рано — в 1910 году, в 50 лет от инсульта. А его брат, Евгений Боткин, тоже врач, был расстрелян в 1918 году вместе с царской семьей).

Но жизнь продолжалась, все было впереди, ведь она еще так молода. Ну и, конечно, живопись помогала — помогала заполнить пустоту, простить Сашу (кстати, Соня нашла в себе силы и сохранила с ней хорошие отношения.) А еще рядом были родители — мать, когда-то пережившая свою драму, и отец, такой близкий по духу, талантливый, готовый научить ее всему, что умел сам в искусстве. «Между Соней и ее отцом была редкостная дружба, переходившая в обоюдное обожание», — писала Зилоти. На картине «Автопортрет» (1884 г.) он изо-

бразил себя и ее, Соню, — и это очень символично: она с ним рядом — и в жизни, и в искусстве.

В том же 1884 году Крамской решил увезти Соню за границу — новые люди, новые впечатления... Все это непременно должно излечить ее от тоски. Заодно можно будет и самому подлечиться — в эти годы Крамской уже был серьезно болен, барахлило сердце. Во Франции Соня с увлечением писала чудесные пейзажи, натюрморты — ведь вокруг все было так красиво, так живописно! «Дочка моя, известная... ветреница, начинает подавать мне серьезные надежды, что уже есть некоторый живописный талант», — писал Крамской. Он чувствовал, что жизнь его идет к концу, а Сонечка все одна, нет у нее семьи. Он очень волновался за нее, словно предчувствовал, что расторгнутая помолвка — лишь начало ее трагической судьбы. Незадолго до смерти Иван Николаевич говорил: «Девочка, а как сильна, как будто уже мастер. Подумаю иногда, да и станет страшно... личная жизнь грозит превратиться в трагедию».

24 марта 1887 года выдающегося русского художника Ивана Крамского не стало — он умер, как жил, работая, с кистью в руке: писал портрет известного московского доктора Карла Раухфуса. Художник внезапно упал, и подбежавший к нему Раухфус уже ничего не мог сделать — Крамской был мертв.

Соне пришлось учиться жить без отца...

*И.Н. Крамской, пишущий
портрет своей дочери*

Он ее многому научил, и, прежде всего, — работать. А еще она понимала, что хорошо бы продолжить свое образование — в частности, в живописи. И Соня, окончив частную женскую гимназию, начала заниматься рисованием под руководством А.Д. Литовченко, друга отца и члена Общества передвижников, акварелью — под руководством другого передвижника — А.П. Соколова, давал ей советы и А.И. Куинджи.

В начале 1890-х годов она училась в Париже, в этой художественной Мекке того времени, где ее опекал и поддерживал старинный приятель отца скульптор М.М. Антокольский. У Сони все получалось, и вскоре ее работы стали появлять-

ся на выставках и в России, и за рубежом. Ей были интересны разные жанры — и портрет, и бытовые сценки, и натюрморт. Особенно ей удавались портреты — все-таки она была дочерью своего отца! Ей заказала портрет сама Мария Савина, и этот портрет, с большим черным веером, оставался в доме актрисы до самой ее смерти. Заказывали ей свои портреты даже члены царской семьи — император, императрица, царевич и великие княжны. (Кстати, Крамской тоже неоднократно писал представителей царского семейства: в 1883–1885 годах работал над альбомом, посвященном коронации Александра III, в 1885 году разрабатывал памятник

Александр II, а в 1860–1890-х годах давал уроки рисования дочерям венценосных родителей.)

Наконец в жизнь молодой художницы снова вошла любовь, и на сей раз все закончилось счастливо — она вышла замуж за Георгия Федоровича Юнкера. Юнкер был юристом и служил присяжным поверенным в Петербургском Совете, а в свободное время занимался историей декабристского движения и писал большой труд, так и оставшийся неизданным.

В 1908 году в Острогжске Воронежской губернии, на родине Крамского, открылась большая галерея. Конечно же, она была посвящена знаменитому уроженцу города. Здание спроектировал брат Софьи Николай, руководил строительством сын художника-передвижника

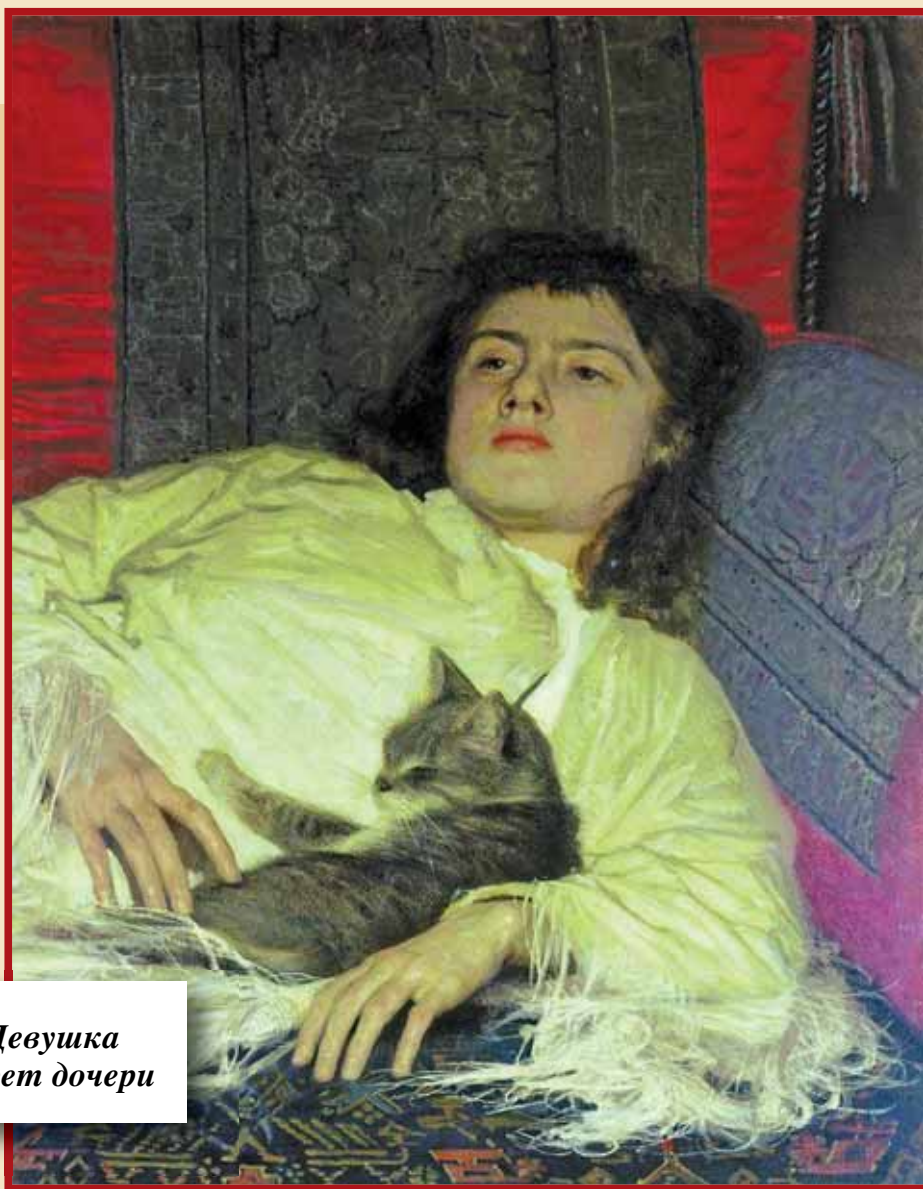
П.А. Брюллова (племянника Карла Брюллова) В.П. Брюллов. В основу коллекции легли более 20 картин художника, подаренные галерее его семьей. Софья Юнкер-Крамская принимала самое активное участие в создании галереи, для нее было очень важно это большое дело. Она подарила галерее и много своих работ, и среди них — портрет отца. Но через два месяца эта ее работа была похищена! К счастью, существовала авторская копия портрета — она находилась в одной из петербургских частных коллекций, и Софья добилась того, чтобы эта копия оказалась в Острогжском музее. Свои работы прислали друзья и ученики Крамского — Репин, Куинджи, Ярошенко и другие. Софья очень много сил и времени отдавала музею, доставала деньги, занималась пополнением коллекции. Галерея во многом была ее детищем, ей так хотелось, чтобы память об отце жила, чтобы люди могли видеть его картины, наслаждаться его искусством... (В 1942 году в музее случился пожар, многие картины погибли, но Софья Ивановна об этом уже не узнала...)

В 1916 году умер ее муж, которого она очень любила. А потом началась революция, Гражданская война. В 1919 году умерла мать — удары следовали один за другим.

Но она не сдавалась. Приходилось идти на какие-то компромиссы — просто чтобы не помереть с голоду. В 1918 году она поступила на работу в художественно-рестав-

Слева:

И.Н. Крамской.
Портрет
Сергея
Боткина

**И.Н. Крамской. «Девушка
с кошкой». Портрет дочери**

рациональные мастерские Главнауки. Софья была глубоко верующим человеком, а тут ей пришлось иллюстрировать разные книжки, пропитанные атеистическим духом, к примеру, «Историю религии», готовившуюся в издательстве «Атеист»! Это было трудно, но она продолжала работать. При этом помогала, как могла, своим старым знакомым, оказавшимся в еще более отчаянном положении, чем она, — устраивала их на работу, находила для них уроки...

Наверное, все это и стало основанием для ее ареста — и ее нескрываемая религиозность, и желание помочь друзьям, бывшим дворянам, носителям славных аристократических фамилий. За ней пришли 25 декабря 1930 года. Обвинение предъявили по статье 58-II УК РСФСР — контрреволюционная пропаганда. Мол, эта уже не молодая женщина участвовала в создании «контрреволюционной группировки из бывшей знати, ставившей

себе целью проведение своих людей в разные советские учреждения на службу для собирания сведений о настроениях...»

Софья Ивановна была приговорена к 3 годам ссылки в Сибирь. Нерв-

ное потрясение вызвало инсульт. С тяжелым параличом ее привезли в тюремную больницу, а через четыре месяца, слегка подлечив, отправили по этапу в Иркутск. Начиналась ее лагерная одиссея. Плохо двигав-

Слева:

***С.И. Юнкер-Крамская.
Великий князь
К.К. Романов
в роли Гамлета***

С.И. Юнкер-Крамская. Портрет актрисы М.Г. Савиной

шавшая, почти полупарализованная, она добралась до Иркутска, через три недели уже была в Канске, а еще через месяц — в Красноярске. Ослабевшая, почти не способная двигаться, она написала Калинин — просила о смягчении наказания, однако письмо осталась без ответа. И тогда, 15 октября 1931 года, лежа в Красноярской больнице, Софья Ивановна обратилась за помощью

к жене Горького Екатерине Павловне Пешковой. (Среди ссыльных было известно, что та помогает политзаключенным.) С трудом держа ручку, она описывала свое тяжелое положение, перенесенные во время ссылки две операции. Говорила, что всегда, всю свою жизнь работала, и сейчас, в ссылке, — тоже: в Иркутске иллюстрировала учебники и колхозные журналы, в Канске была

фотографом и ретушером в местной газете. В Красноярске с ней случился второй удар, отнялась левая часть тела. Если нельзя вернуться домой в Ленинград, — просила она, — то пусть ее хотя бы оставят в Красноярске до поправки здоровья и дадут работу, ведь правая рука действует, не разбита параличом. В отчаянии в конце письма она признавалась: «Я могла делать ошибки в своих суждениях, могла что-нибудь не так правильно оценивать, могла криво судить о положении вещей, но преступления я не совершала никакого — горячо любя свою страну, после смерти мужа (он был финляндским подданным) я сознательно переменила свои бумаги на русские, подписав тогда уже отказ от каких бы то ни было претензий на имущество. Было даже смешно поступить иначе. <...> Помогите мне! Я написала просьбу о помиловании М.И. Калинину. Я прошу Вашего содействия. Я оправдаю милость, если мне она будет дарована, могу уверить в этом Вас. Я честно проработала 40 лет. Тяжко последний, быть может очень короткий срок, чувствовать себя так наказанной... Я собрала последние силы, чтобы написать Вам все это...»

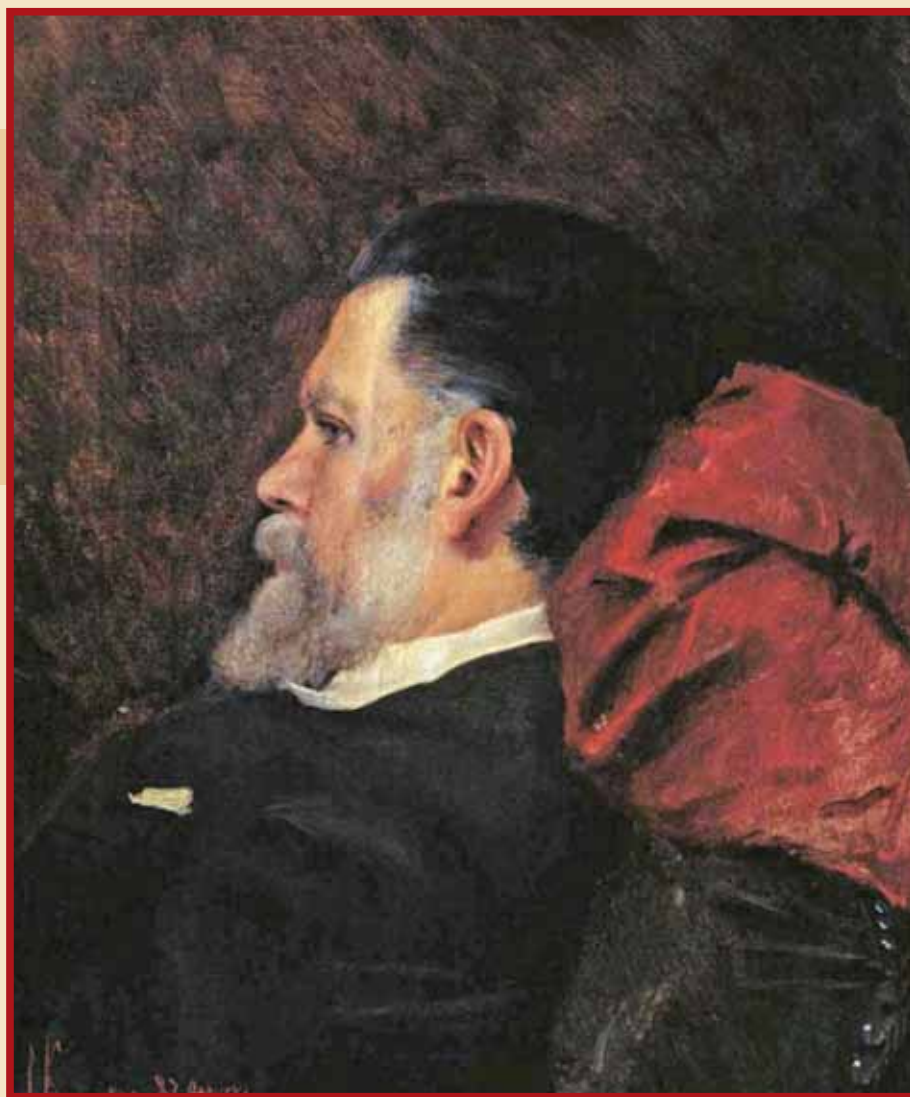
Возможно, Пешкова все-таки помогла дочери великого Крамского: 28 февраля 1932 года было возбуждено ходатайство о пересмотре дела Юнкер-Крамской в связи с неизлечимой болезнью, а также в связи с тем, что ссыльная «не представляет... социальной опасности».

И вот счастье — 25 марта 1932 года Софья Ивановна вернулась в Ленинград.

31 июля 1932 года она снова написала Е.П. Пешковой, сообщив, что собирается работать и дальше, насколько позволит здоровье. Но в следующем году она умерла при странных обстоятельствах — от сепсиса, как говорилось в официальных документах. Ее смерть осталась тогда незамеченной. Братья, которые, конечно, ее очень любили и горевали, особенно не распространялись о судьбе сестры — видно, не хотели, чтобы в определенных органах власти их имена связывали с родственницей, оказавшейся столь недружественной сталинскому режиму.

В 1937 году, готовясь к празднованию 100-летия со дня рождения Ивана Николаевича Крамского, сотрудники Третьяковской галереи в Москве много общались с сыновьями художника. Однажды вспомнили и о его любимой дочери, Софье Ивановне. Год был страшный, а потому понятно, что ее братьям совсем не хотелось рассказывать об аресте и ссылке сестры. Они, наоборот, всячески старались скрыть трагические подробности последних лет ее жизни, а потому многие годы считалось, что детей Крамского репрессии не затронули. В отделе рукописей Третьяковской галереи хранится письмо Анатолия Ивановича Крамского, написанное в конце 1930-х: «Моя сестра умерла 4 года назад, она уколола себе палец при очистке селедки и заболела

*С.И. Юнкер-Крамская.
Портрет Ивана
Николаевича
Крамского,
отца
художницы*

общим заражением, от которого и умерла». Эту же версию поддерживал другой брат Николай Иванович Крамской: «...последние три года перед смертью для нее были очень тяжелыми, и смерть от отравления рыбным ядом ужасна».

Откуда в селедке оказался яд? Неужели Софья Ивановна была отравлена? И если да, кому она мешала, эта пожилая, очень больная женщина? А может, просто рыба была протухшая? Такое тоже вполне вероятно. Однако все же эта история с селедкой выглядит довольно стран-

но и вызывает некоторые вопросы. Только вот ответы на них вряд ли будут найдены.

В 1989 году Софью Ивановну Юнкер-Крамскую, как и многих других замечательных людей, ставших жертвами сталинского режима, полностью реабилитировали — за отсутствием состава преступления. Ее имя, ее творчество были возвращены культуре России, страны с такой трагической, такой страшной историей, страны, которая бывает порой так жестока и безжалостна к своим лучшим гражданам... ▢

Георгий
Кричевский

Михаил

Ефремов

У нас немало известных актерских династий. Янковские, Табаковы, Кончаловские, Яковлевы, Райкины... Причем в большинстве случаев дети и внуки достойно несут прославленные фамилии. Михаил Ефремов по праву занимает в этом ярком ряду одно из первых мест. Он настолько многоликий и разноплановый, обладает такой мощной харизмой и неподражаемой манерой игры, что при его появлении зрители начинают улыбаться от предвкушения чего-то необычного, праздничного, веселого.

Михаила Ефремова, голосом и лицом удивительно похожего на легендарного отца, давно уже перестали с ним сравнивать, настолько он оригинален, самодостаточен и виртуозен, хотя любит утверждать, что является лишь «бледной отцовской тенью». От Олега Николаевича к Михаилу перешли едкая ирония, «юморное» фрондерство, сатирический темперамент и обостренное чувство социальной справедливости.

А еще ему, уже перевалившему за пятьдесят, по-прежнему свойственно мальчишеское озорство и готовность к эксперименту.

СЫН ЗА ОТЦА

Михаилу Олеговичу, родившемуся в Москве 10 ноября 1963 года, можно сказать, повезло. Отец — выдающийся актер и режиссер, мать — прима «Современника» Алла Покровская, де-

душка по материнской линии — знаменитый оперный режиссер Борис Покровский. Изнанку трудной актерской профессии Миша познал чуть ли не с пеленок (вместе с запахом кулис)

и иллюзий относительно нее не питал. Посетив со школьной экскурсией таксопарк, одно время мечтал стать... таксистом, грезил «моторами и железками».

Воспитанием мальчика занимались преимущественно дедушка с бабушкой, жившие на соседней лестничной площадке. Отец же был для него неким «высшим судьей», как он сам признавался, которому Миша каждую неделю писал отчеты о школьных делах и событиях в жизни. Желанием продолжить семейную традицию не горел, однако гены взяли свое, и ранний театральный дебют Ефремова-сына с успехом состоялся в постановке Художественного театра «Уходя, оглянись!» Не заставил себя ждать и успешный кинодебют. В 13 лет Миша сыграл главного героя в драматическом фильме «Дни хирурга Мишина».

Примечательно, что ту же роль сыграл в детстве на сцене театра его отец.

Подобно ему, Миша еще мальчишкой играл, как жил, как дышал — без напряжения. В 1978 году на экраны страны вышел фильм «Когда я стану великаном». И вновь у 15-летнего Михаила Ефремова — центральная роль невзрачного, щуплого, но обаятельного хулигана Пети Копейкина, безнадежно влюбленного в красивую одноклассницу. Зрителей привлекло и удивило точно переданное юным актером сочетание в задиристом подростке мальчишеской наивности и мужской глубины, житейской умудренности. Над этим хорошо поработал Ефремов-папа...

И еще в одной картине сумел отличиться в школьные годы его талантливый сын — это фильм «Все наоборот». Миллионы советских зрителей

Слева:

*К/ф «Когда
я стану
великаном»*

*К/ф
«Дни хирурга
Мишкина» —
первая роль
Михаила
Ефремова
в кино*

Внизу:

*С отцом,
Олегом
Ефремовым*

буквально покорила трогательная история двух девятиклассников — Андрея и Наташи, поверивших в настоящую любовь, сродни вспышке пламени. Андрей Лоскутов стал для Миши Ефремова поистине знаковой ролью. Тем более что родителей его избранницы сыграли Олег Табаков и Светлана Немоляева. Разумеется, опыт совместной работы в кадре с такими корифеями не прошел для Михаила бесследно.

Так, совершенно естественным путем, с немалым творческим багажом за плечами, он очутился после окончания средней школы в Школе-студии МХАТ. Учился легко, с блеском, не без студенческих выхонок. А со второго курса был призван в армию и на общем основании отправлен в авиационную часть под Вышним Волчком. Правда, через полгода начальство все же решило, мол, неза-

*К/ф
«Виват,
Гардемарины»*

чем пропадать таланту, и доверило ему постановку торжественных концертных программ к праздничным датам.

Отслужив, Михаил вернулся в Школу-студию на курс к В. Богомолу. Диплом открыл ему возможность возглавить в 1978 году молодежный театр-студию «Современник-2». Дело пошло. На спектакли с участием М. Ефремова, Н. Высоцкого, В. Невинного-младшего, М. Евстигнеевой, Е. Митты билеты было не достать. Но все же в 1991 году молодежный театр-студия распался. Осталосьработанное мастерство, понимание своей актерской природы.

Приход Михаила в труппу МХТ им. А.П. Чехова во главе с Ефремовым-старшим казался естественным и законным. Чужого места он не занимал,

плодотворно прослужив в первом театре страны следующие восемь лет.

Проблемы возникали на почве злоупотребления спиртным и разногласий с папой-худруком. Сестра Анастасия вспоминала, что Михаил боролся не с ним, а с «жуткой театральной системой». Не устраивали, видите ли, ершистого актера многие управленческие вопросы. Дошло до открытого противостояния. В 1999 году на заседании худсовета Михаил, не выдержав, ударил финдиректора, после чего вынужден был уйти из театра.

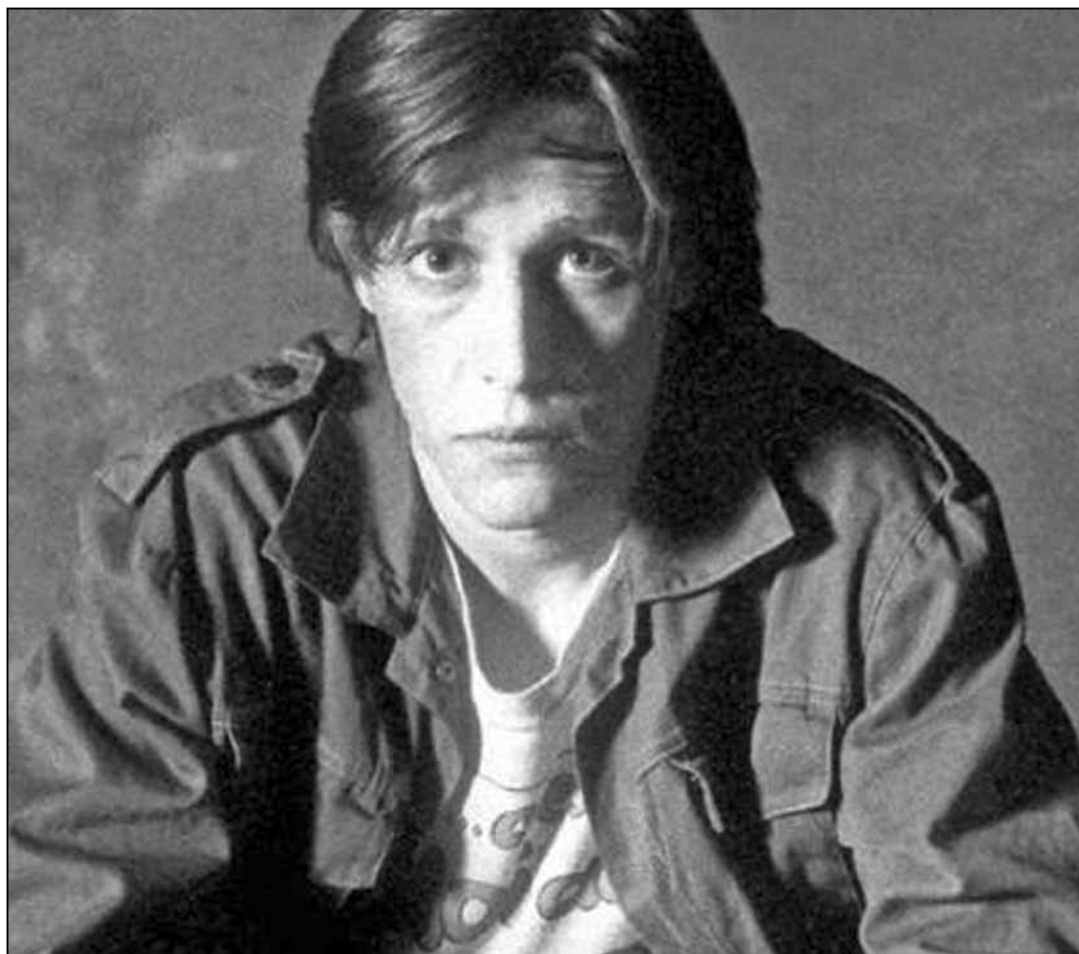
Оказавшись на распутье, молодой актер, по совету сына Александра Митты, с которым играл в молодежной студии, принял в 2000 году предложение маститого режиссера принять участие в его масштабном сериале «Граница. Таежный роман». Пер-

сонаж Ефремова-младшего, непутевый, разбитной офицер Алексей Жгут, балагур и выпивоха, проигравший огромные по тем временам деньги — целых 20 тысяч рублей, идеально пришелся на актерскую личность Михаила, и был ему по-человечески близок. Зрительская аудитория приняла ефремовского героя «на ура», он немало способствовал общему успеху сериала, после которого к актеру пришла широкая популярность.

Надо сказать, что сам Михаил Олегович от приписываемых ему заслуг отрекся, заявляя, что за столь выразительного персонажа надо благодарить авторов сценария. Так или иначе, роли он теперь мог выбирать

и стал все чаще появляться на экране. При этом вел бурную личную жизнь. Записной сердцеед и многодетный отец, Михаил в студенческую пору был влюблен в «маленькую Веру» Наталью Негоду. Затем пару лет встречался с сокурсницей Натальей Ионовой. Поговаривали также о его романе с Натальей Залесской. После выпуска из МХАТовского училища жил в гражданском браке с литературным редактором «Современника» Асей Воробьевой, которая подарила ему сына Никиту, ныне талантливого продолжателя их актерской династии.

Стоит заметить, что ради Ефремова Ася бросила мужа Антона Табакова, разрушив тем самым не только

свой брак, но и крепкую мужскую дружбу двух ярких отпрысков королев сцены и экрана. Затем женой Михаила стала замечательная актриса Евгения Добровольская, чьей любви он добивался на протяжении двух лет, завязав ради нее со спиртным. В 1991 году у супругов родился сын Николай. Однако шесть лет спустя их брак тоже распался из-за неверности Ефремова, во многом повторявшего в этом плане путь своего отца. Николай же, как и его старший сводный брат, успешно реализовал себя на актерском поприще (в частности, его хорошо запомнили в роли Николки Турбина в сериальной экранизации булгаковской «Белой гвардии»).

Фильм Глеба Панфилова «Романовы. Венценосная семья» не только осчастливил Ефремова интересной ролью, но и свел с его будущей, тре-

тьюей по счету супругой Ксенией Качалиной. Брак этот просуществовал четыре года. Сейчас Ксения живет в Индии, где воспитывала их с Михаилом общую дочь Анну-Луизу, которая со временем вернулась в Москву к отцу.

После «Романовых» Ефремов снялся в нашумевших криминальных боевиках «Антикиллер», «Антикиллер-2» и «Убойной силе». Режиссеры охотно взялись эксплуатировать его комедийный дар. Михаил же не заикливался на каком-то определенном амплуа, хотя комические роли оставались его «коньком». Впрочем, и их он старался играть так, что в «фирменной» ефремовской буффонаде нет-нет, да и проглядывали грустные, а то и обличительные нотки.

Актер запомнился нам на экране во многих смешных образах. В «Супертеще для неудачника» они с Дми-

Слева:

*К/ф
«Граница.
Таежный
роман»*

*К/ф
«Романовы.
Венценосная
семья»*

трием Харатьяном даже преображались по ходу авантурного сюжета в кокетливых дамочек. И эта трансформация, и в тот раз, и потом, получилась у Ефремова уморительной. А рядом — неожиданный образ в «Статском советнике», непростой, хоть и комедийный персонаж — асессор Евстратий Мыльников, начальник группы филеров. Ефремов здесь не теряется на фоне фонтанирующего эффектными кунштюками Никиты Михалкова в дуэте с магнетическим Олегом Меньшиковым.

В проникновенной мелодраме В. Сторожевой «Небо. Самолет. Девушка.», являющейся римейком нашумевшего в свое время фильма 1968 года «Еще раз про любовь» (по пьесе Э. Радзинского «104 страницы про любовь»), он играет командира экипажа воздушного лайнера, безна-

дежно влюбленного в стюардессу, героиню Ринаты Литвиновой. В той давней ленте с Татьяной Дорониной эту роль, как всегда впечатляюще, исполнил Олег Ефремов, и сын, нельзя не признать, вновь выдержал нелегкое сравнение с гигантом-отцом.

Переход к крупным, зачастую центральным ролям в приметных картинах и телесериалах, произошел у зрелого Михаила Ефремова вполне органично, обнаружив новые грани его актерского таланта. Начальник УВД Дорохов в криминальном боевике «Охота на пиранью», капитан Ланевский в военной драме «Грозные ворота», товарищ Роберт в сатирической утопии «Парк советского периода», начальник тюрьмы в «Параграфе 78», Омельченко в четырехсерийном российско-британском историческом фильме «Ленинград»,

адвокат Терещенко в сериальной экранизации антисталинского романа Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок»... Кого только не переиграл в кино этот неиссякаемый на сочные актерские краски мастер! Он был на экране Львом Толстым и полицмейстером, продавцом мандаринов и администратором гостиницы, священником и завхозом-стихотворцем, адмиралом и даже... Гитлером.

Количество, как известно, не всегда переходит в качество, и опасность «заиграться» на штампах подстерегает всякого артиста. Чрезмерно, пожалуй, жадный до киноролей, Ефремов также не избежал подобной опасности. В более или менее удачных картинах какие-то персонажи (особенно коварные энквэдешники) получались у него убедительно, но достаточно традиционно, а какие-то становились настоящими творческими достижениями.

Так произошло в небольшом эпизоде знакового фильма «Dukhless», где он на грани гротеска воплотил собирательный образ бездушного прожженного банкира Кондратова. А еще раньше в «9-й роте», в сценах с участием лихого старшины-сверхсрочника сумел выразить очень важные черты характера бойца, прошедшего «ад Афгана». В великолепном актерском ансамбле масштабной, как всегда, картины Никиты Михалкова «12» восьмой присяжный, певец-юморист, опоздавший из-за затянувшегося заседания на гастрольный «чес», в ефремовском исполнении не уступает главным сольным партиям фильма. Вот он цинично хохмит и паясничает, а затем неожиданно обрушивает на нас откровенно-надрывный монолог, и мы уже видим этого человека совершенно в ином свете.

Слева:

*К/ф
«ДyxLess»*

*К/ф
«12»*

Внизу:

*С женой
Софьей
Кругликовой
и младшими
детьми*

За этот фильм Михаил Ефремов в 2007 году был удостоен премии киноакадемии «Золотой орел» в номинации «лучшая мужская роль в кино». Два года спустя ему вручили специальный приз жюри кинофестиваля «Окно в Европу» за роль в фильме

«Кошечка». Не обошли актера наградами и другие престижные киносмотр. Главное же — зрительская любовь к нему по-прежнему не идет на убыль.

Сольная (да еще какая!) партия досталась недавно Ефремову в полю-

бывшемся всем многосерийном телефильме Валерия Тодоровского «Оттепель». Роль популярнейшего, кампанейского и сильно пьющего пожилого кинорежиссера, который защищает молодого напарника от студийного худсовета и минкультаовского начальства, стала для Михаила Олеговича подлинной находкой, позволившей ему развернуться во всю ширь. Примечательно, что еще раньше актеру довелось сыграть в сериале «Фурцева» собственного отца, которому он как доставалось за крамольные театральные постановки от благоволившей ему министра культуры.

Не будет преувеличением признать, что весь сериал во многом держится на Ефремове. Зрители с нетерпением ждали его появления в кадре, сочувствовали незадачливому Федору Андреевичу, за колоритной фигурой которого угадыва-

ются некоторые конкретные советские комедиографы послевоенного периода.

В типичности и типажности кроется один из секретов притяжения экранных ефремовских героев. Сегодня он нашел для себя новые возрастные ниши и вновь оказался востребован отечественной кинорежиссурой. Тем более что творческой энергии и энтузиазма ему по-прежнему не занимать.

Этому, безусловно, способствовало окончательное (хочется надеяться) обретение актером жизненной пристани, большой и дружной семьи. Его последней избранницей стала звукорежиссер Софья Кругликова. После 15 лет любовных отношений они в мае 2016 года обвенчались. За прошедшие годы Софья родила супругу двух дочерей — Веру, Надежду, и сына Бориса. Актер говорит, что

Слева:

К/ф
«Супертеща
для неудачника»
(Ефремов
переодет
женщиной)

К/ф
«День выборов»,
в роли лже-
священника

совершенно счастлив, и с головой погружен в работу.

Осенью 2016-го года состоялась премьера необычного телевизионного мини-сериала «Пьяная фирма» (режиссер Г. Константинопольский), в котором Ефремову отведена роль бывшего врача, а ныне заштатного охранника, владеющего секретом мгновенного выведения из запоя. Заработать деньги для него не проблема, проблема — взрослая очаровательная и остро нуждающаяся дочь, даже не догадывающаяся о существовании отца. Вообще этот захватывающий авантюрно-комедийный сериал собрал первоклассный актерский состав: Е. Боярская, М. Башаров, Ю. Колокольников, Е. Цыганов, А. Михалкова, И. Апекимова. Не удивительно, что телезрители встретили новый сериал «на ура».

В том же году Михаил Ефремов, помимо всего прочего, успел сы-

грать в семейной комедии режиссера О. Карас «Хороший мальчик», параллельно снялся в детективном сериале «Гражданин Никто», сыграв неуловимого убийцу Игоря Осадчего, который впал в кому и проснулся через 20 лет. Только что состоялась премьера очередных «Гардемаринов» режиссера Светланы Дружининой с Ефремовым в роли адмирала Мордвинова...

Казалось бы, куда больше! А кипучая энергия актера не иссякает. Его имя регулярно появляется в самых разнообразных проектах. Он с успехом выступает в интересных антрепризах, поставил несколько спектаклей в Художественном театре и в «Современнике», в течение нескольких лет вел одну из самых популярных программ «Жди меня».

Человек достаточно открытый и общительный, Михаил Олегович умеет

*К/ф
«Кошечка»*

Справа:
*Михаил
Ефремов
и Лиза
Боярская
на съемках
«Пьяной
фирмы»*

скрывать за щитом иронии личное, сокровенное, этим тоже напоминая своего отца. В одном из интервью на вопрос, кем он ощущает себя в большей

степени — комиком либо трагиком, Ефремов ответил: «Пока комиком, но боюсь — недолго осталось. Возраст. Над стариками смеяться некрасиво».

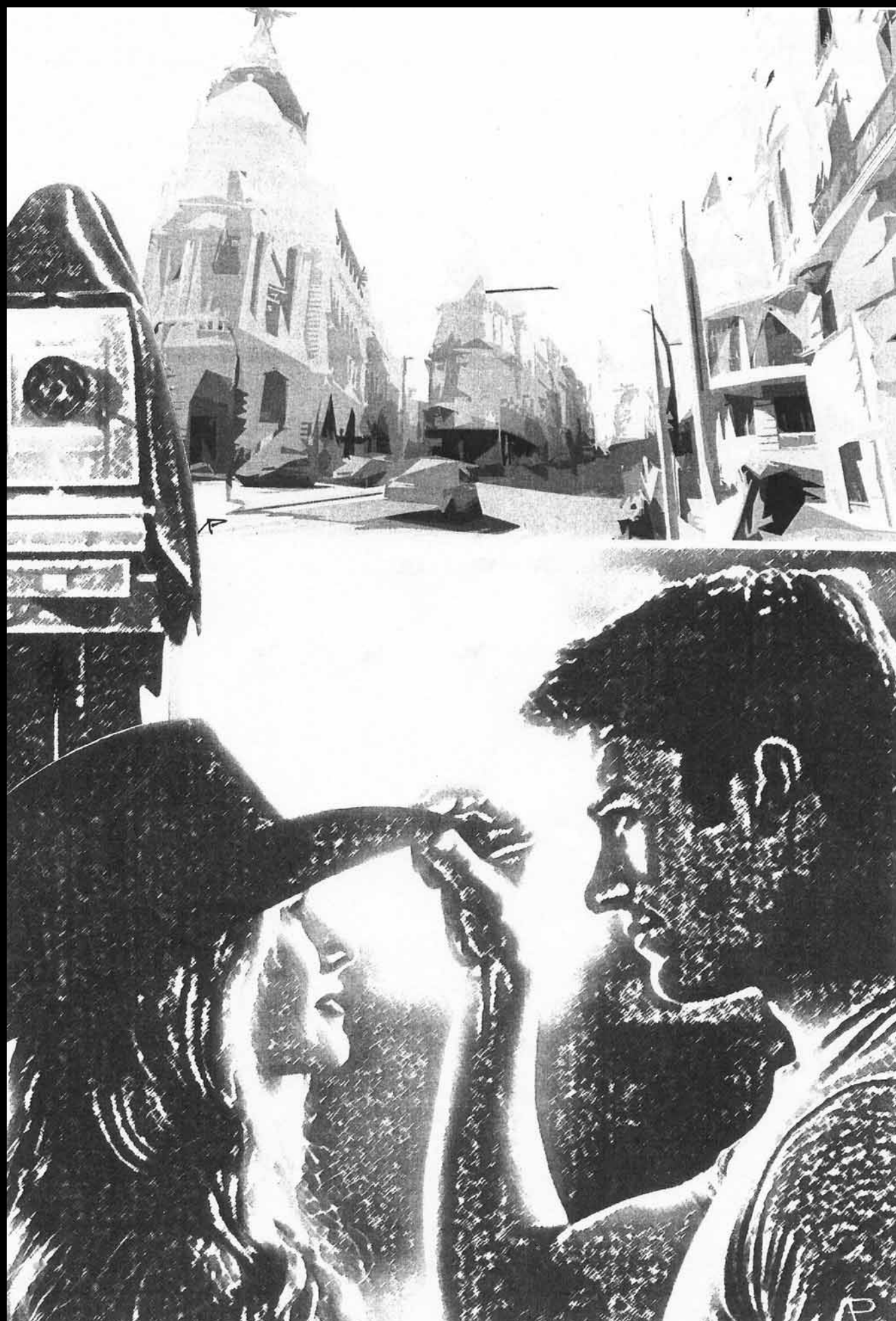

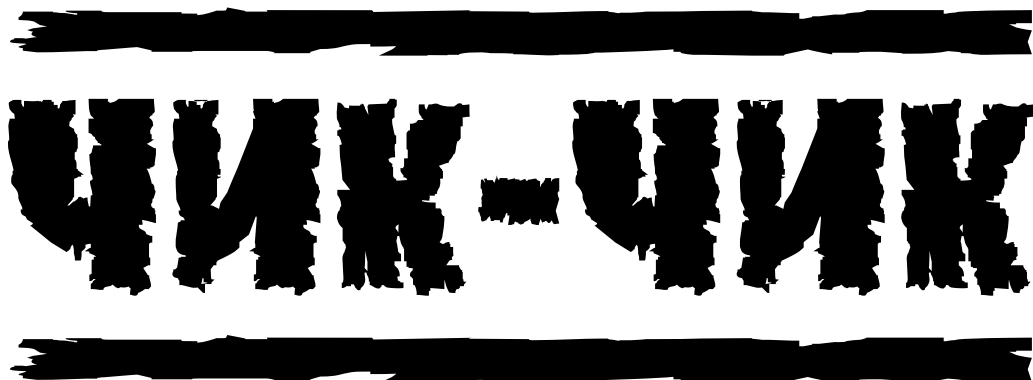
А когда его спросили, что ему особенно нравится в женщинах, и что бы он хотел в них исправить, артист ответил, что больше всего ценит в женщинах их очевидную неисправимость.

Он четко различает репутацию и имидж, которым отнюдь не обделен. «Репутация — это то, что внутри, что важно. А имидж — это внешнее, имитационное, это не важно». Умению дорожить репутацией и беречь ее Михаил Ефремов, безусловно, научился у отца. Как и многому другому. Прежде всего — истовому отношению к избранной актерской профессии. Он не гнушался сниматься в музыкальных клипах, ведь то были яркие, отлично срежиссированные клипы, и в каждый (вспомним хотя бы знаменитую агутинскую «Границу») Ефремов привносил пусть мимолетный, но такой выразительный, неповторимый образ.

Он не открывает, кого еще хотел бы сыграть в кино и в театре, отшучивается, боясь, по актерскому обычаю, сглазить. Утверждает, что всегда играет самого себя. Даже в картине «Кризис среднего возраста». Между прочим, такого кризиса не признает. Считает, что он может случиться в любом возрасте. «Мой возрастной кризис, — смеется Михаил Олегович, — продолжался до тридцати лет, пока я позорил родителей. Потом одумался. И уже держал перед глазами отцовскую планку. Чтобы помнить, кто я есть на самом деле».

Думается, актер тайком примеряет на себя заветные, теперь уже возрастные роли классического репертуара. Ждет их. Верим, дождетсЯ, находясь в расцвете творческих сил и будучи неизменно востребованным. Недаром же он Ефремов. □

Держа за руку двухлетнюю Любашу, она быстро шла по телескопическому трапу от самолета в здание аэровокзала. Из этого «хобота», разумеется, было не видать Иберийские земли, но сердце уже набирало обороты в предвкушении знакомства с ними. Муж, навьюченный сумками, наконец, догнал их и пошел рядом.

На паспортном контроле новым оказалось то, что у Инны суровый испанец отсканировал отпечаток указательного пальца.

— Вот ни у кого не брали отпечатки пальцев кроме тебя, — недовольно пробурчал Севастьянов.

— Я виновата, что ли? — искренне удивилась Инна наездом со стороны мужа.

— Потому что нельзя быть красивой такой! — убирая паспорта, подмигнул ей Севастьянов.

— Ян — болван, — покачала головой Инна, — опять со своей ревностью!

Вообще-то по документам ее муж значился как Михаил. Но поскольку двух его близких друзей звали также, дабы избежать путаницы, Севастьянова стали называть Севастьяном, которое постепенно сократилось до Яна и прижилось даже в собственной семье.

Возле выхода виднелась вереница белых такси. Как выяснилось, куда бы ты ни направлялся, такса отсюда одна — тридцать евро.

— На Гран Виа, — обратился Ян к одному из таксистов. — Ду ю спик инглиш?

Тяжеловес-испанец с нечесаной копной волос кивнул и взял у Севастьянова чемодан. Ян тем временем стал набирать номер телефона хозяйки,

у которой они собирались снимать квартиру, а Инна уже возилась с Любашей на заднем сиденье такси.

— Ну что? — спросила она у мужа.

— Пока ничего. Номер не отвечает.

— Может, телефон неправильно выписал?

— Правильно, перепроверял.

— Тогда, наверное, добавочные цифры какие-нибудь надо набирать. Код города или еще чего-то.

— Нет, я все правильно набираю. Гудки же идут.

— Звони еще раз!

— Да я звоню...

Но сколько Ян ни пытался дозвониться, его усилия были тщетны. Волнение супругов нарастало. Инна, в начале пути оживленно смотревшая по сторонам, теперь совершенно не интересовалась, что там за окном.

— Похоже, мы попали... — Она всегда раньше времени драматизировала ситуацию и нагнетала обстановку. — Спроси у водителя, может, и впрямь что-то не так набираем!

— И что я спрошу? Правильно ли набираю номер хозяйки квартиры?

В голове Инны уже сформировалась четкая картина. Все понятно. Их кинули. Они заплатили ветру за девять ночей в столице Испании. С этим предстоит еще разбираться. А сейчас-то что делать? Во-первых, нужно успокоиться. Хотя каждый раз, когда Инна говорила себе «нужно успокоиться», она начинала нервничать еще больше. Во-вторых, срочно искать жилье. Сколько у них с собой денег? Они взяли только на еду и развлечения. Допустим, на гостиницу или апартаменты хватит, а жить-то девять дней на что?

Любашу родительские заботы не волновали. Она мирно посапывала у матери на руках. Инна тоже чувствовала некую сонливость, видимо, сказывался долгий перелет.

Наконец таксист остановился возле высокого дома с множеством заведений на первом этаже. Сосредоточенный испанец, молчавший всю дорогу, посветлел, когда Ян расплатился с ним.

— Дорогая, вот она, Гран Виа! — указал рукой на широкий проспект Севастьянов.

— Да, большая, — кивнула Инна. Оглядевшись по сторонам, она увидела бомжа, лежащего на тротуаре, и добавила: — Если что, места всем хватит.

— Не паникуй! Сейчас все выясним.

Они вошли в единственный подъезд с массивной кованной железной дверью. К ним навстречу сразу же выбежала консьержка-толстушка и стала быстро тараторить на испанском. Поскольку Севастьяновы не знали

языка, они попробовали заговорить с ней по-английски, потом по-французски, но толстушка не знала ни того, ни другого, русского, разумеется, тоже. Несколько раз упомянув странное имя хозяйки «Соледад» и показав распечатанные квитанции, супруги поняли, что дело принимает серьезный оборот. Консьержка слыхом не слыхивала о таком жильце.

— Ян! — вдруг воскликнула Инна. — Помнишь, там, в примечании, что-то было сказано про парикмахерскую? Спроси у этой тетки. Кажется, ключи в парикмахерской могут быть. Я припоминаю.

Севастьянов что-то попытался объяснить консьержке, но та лишь разводила руками.

— Чик-чик! — Взяв одной рукой прядь волос, двумя пальцами другой Инна сделала жест, намекающий на стрижку. — Парикмахерская, чик-чик. Там ключ. — Она достала из кармана пальто ключ от их дома в России, приставила его к двери лифта, повернула, якобы открывая им дверь, затем снова показала на волосы: — Чик-чик!

Консьержка поняла, о чем речь, заулыбалась.

— Чик-чик! — повторила она и, зазывая пухлой рукой за собой, стала подниматься по лестнице.

Севастьянов пошел следом, а Инна с ребенком остались внизу возле вещей. Вскоре на лестнице показались Ян, консьержка и седой субтильный испанец невысокого роста.

— Твой «чик-чик» сработал! — Ян радовался тому, что проблема решена. — Все же язык жестов — международный язык.

Оказалось, что ключи и впрямь были в парикмахерской под названием «Соледад». Муж Соледад, хозяйки квартиры, владелец парикмахерской, впустил Севастьяновых в бронированные ими апартаменты. Они оказались великолепной студией с дизайнерскими решениями. Светлая, зеркальная, с высокими потолками квартира очень впечатлила гостей. Испанец, сносно изъяснявшийся по-английски, показал, как чем пользоваться.

Когда за хозяином закрылась дверь, Инна, раскинув руки, навзничь упала на широкую кровать.

— Кажется, жизнь налаживается! — глядя на довольную жену, произнес Севастьянов.

— Знаешь, дорогой, здесь действительно очень хорошо. И это жирный минус.

— Почему?!

— Потому что отсюда уходить никуда не хочется!

Владельцы квартиры оказались отнюдь не жлобами. Шкафы ломились от запасов еды, холодильник изобиловал фруктами и напитками, даже

стойка рядом с кофемашиной была забита капсулами с различными видами кофе.

— Ну что, для начала перекусим, чем бог послал? — Глава семейства стал выкладывать на стол щедрые дары.

— Думаешь, можно? — насторожилась Инна. — В гостиницах за это приходится отдельно доплачивать.

— Он сам сказал, все ваше, пользуйтесь. То есть, все включено!

Накормив Любашу привезенным с собой в баночках овощным пюре и попивая кофе с печеньями и шоколадом, Севастьяновы принялись обсуждать планы.

— Предлагаю сегодня лечь пораньше, как следует отдохнуть, а завтра с утра в плотную заняться окрестностями. — Ян подлил еще кофе жене в чашечку в виде сердца.

Инна кивнула.

— Тогда я сейчас на разведку. Поищу, где тут продукты поблизости, а вам, девочки, разобрать чемоданы. Задача ясна?

— Так точно!

Проводив мужа, Инна усадила дочку за рисование, а сама принялась выгружать вещи из сумок и распределять их по местам.

Вернулся Ян не скоро, зато их ожидал роскошный ужин. Жареное мясо с зеленью, клубника со сливками, овечий сыр и многое другое. И все это ушло под красную «Риоху» и искрящуюся «Каву». Любаша, поев местного творожка, мгновенно уснула.

— Еда должна быть простой и вкусной, — проговорил Севастьянов, отрезая от мяса небольшой кусок.

— Как жизнь, — философски заметила Инна.

На следующий день все проснулись рано, включая Любашу. Она прыгала от одного родителя к другому и заливалась смехом.

Наскоро позавтракав, Севастьяновы отправились знакомиться с городом. Закрыв за собой массивную подъездную дверь, они вышли на главную улицу Мадрида. Всюду текла река жизни — неиссякаемый поток машин и бесконечное движение людей.

— А здорово иной раз побыть в толпе, потолкаться, — заметил Севастьянов, объезжая коляской очередного встречного китайца.

— Да, пожалуй. Заряжает, — согласилась Инна. — Однако для степенных прогулок это, увы, не подойдет.

— Вот когда остепенимся, тогда и будем степенно гулять, — хохотнул Ян, направляя на жену видеокамеру.

Тем не менее, Севастьяновы останавливались часто, перед каждым красивым зданием. Архитектура Гран Виа очаровывала и завораживала пышным оформлением в разных стилях. Ян успевал запечатлеть все на видеокамеру, но больше всего его увлекало снимать красавицу-жену среди ярких высоких зданий и сооружений.

— А все-таки жары нет, — заметила Инна и потуже завязала дочери вязаную шапочку с помпончиком. — Как-никак, ноябрь. Мне кажется, что мы в ущелье. Высоченные горы — дома. А вот это, — окинула она взглядом улицу, — бурная река.

Площадь Испании стояла в окружении небоскребов и платанов. По центру — памятник Сервантесу, разумеется, с Дон Кихотом и Санчо Пансой.

Любашу наконец-то выпустили из коляски, и она с ликованием бегала по площади, привлекая внимание многочисленных туристов. Каждый норовил с ней сфотографироваться, особенно китайцы, отчего-то считающие, что это испанский ребенок, то есть местная достопримечательность.

Пробыв довольно долго на площади Испании, Севастьяновы двинулись дальше. Вскоре они вышли к роскошным садам Сабатини, но решили посетить их чуть позже. Хотелось увидеть Королевский дворец. Они шли по брусчатке вдоль садов. Старый испанец, сидя на тротуаре, что-то неловко наигрывал на аккордеоне, а Любаша, которую вел за руку отец, услышав музыку, вырвалась и стала танцевать. Испанец заулыбался и стал всем своим видом показывать, что он играет для нее.

Проходя к дворцу мимо Восточной площади, они увидели галерею статуй и решили завернуть, чтобы посмотреть на них. На углу площади стоял пожилой испанец с деревянной коричневой коробкой на больших колесах, из которой торчало дуло фотоаппарата. На черном зонте прищепками были прикреплены несколько черно-белых снимков.

— Камера-обскура, не иначе! — воскликнула Инна, разглядывая непонятную установку. — Это что, фотограф?

— Наверное... — Яна больше интересовали скульптуры.

Жалобный вид испанца привлек на какое-то время внимание Инны. Что-то несчастное, даже трагическое таилось в нем.

«Чем-то он напоминает хозяина квартиры, такой же subtilный и невзрачный. Где же они, красавцы и красавицы нации?»

Севастьяновы прохаживались вдоль белых известняковых скульптур первых испанских монархов. Их обогнала большая галдящая группа с экскурсоводом — пожилой женщиной, выглядевшей очень усталой. Они остановились возле одной из статуй. Экскурсовод рассказывала по-английски, что статуи изготовили для установки на карнизе Королевского дворца,

поэтому и смотрят они сверху вниз. Когда уже несколько скульптур поставили на карниз, королеве Изабелле приснился сон с падающими статуями, после чего их установку прекратили.

Туристы щелкали затворами фотоаппаратов, замирали в радостных позах селфи группами и в одиночку, снимали на видеокамеры. Ян тоже время от времени доставал из кармана камеру, в то время как Инна присматривалась за дочкой, норовящей куда-нибудь да забраться.

День разгулялся, и от утренней хмурости не осталось и следа. Ветер стих, солнце, хоть и порциями, но выдавало свое тепло, и каждый раз, когда оно показывалось, жизнь вокруг становилась богаче на эмоции.

Пройдя по периметру площади, Севастьяновы вновь вышли к тому углу, откуда начали осмотр. Фотограф по-прежнему скучал. Пока Ян гонялся за Любашей, Инна с любопытством взглянула на зонт с фотографиями пар в шляпах в стиле ретро.

— Хочешь? — подходя к ней, спросил Ян.

— Даже не знаю. Дорого, наверное, — пожала плечами Инна.

— Давай сфоткаемся! Смотри, как забавно! — Севастьянов с интересом принялся разглядывать черно-белые снимки. — А что, довольно художественно. Давайте все втроем снимемся.

С молчаливого согласия жены он обратился к фотографу. Тот как-то разом оживился, засуетился. Выяснилось, что ни английского, ни русского фотограф не знает. Севастьянов же не знал испанского. Зато они оба говорили по-французски.

Фотограф указал на два стула перед старинной диковинкой. Севастьяновы двинулись к ним все втроем, но фотограф попросил без ребенка, поскольку необходима неподвижность при съемке. Любашу усадили в коляску и на всякий случай пристегнули. Фотограф надел на головы Инны и Яна широкополые черные шляпы.

— А тебе идет! — взглянув на мужа, воскликнула Инна. — Настоящий кабальеро!

— А ты бы видела, как ты хороша! — Ян любовался женой. — Нет, тебе определенно идут шляпы. Давай купим у него эту!

Фотограф наклонился к своему ящичку, засунул в него голову и вдруг выкрикнул:

— Умоляю! Не двигайтесь!

Севастьяновы вздрогнули и замерли.

— Чик-чик! — выглянул из-под своего прибора фотограф. — Чик-чик! — повторил он и снова спрятался.

Севастьяновых разобрал смех, они еле сдерживались, чтобы не расхохотаться во весь голос.

«Надо думать о чем-нибудь приятном, тогда хорошо получусь, — промелькнуло у Инны. — Какая же я все-таки красивая...»

А уличный фотограф Хосе весь день думал о русской паре с ребенком. О статной красавице и ее благородном мужчине. Ему казалось, что в них он увидел то, что искал много лет. Он с нетерпением ждал вечера, чтобы прийти домой и выяснить, так ли это. Но именно сегодня, как по заказу, повалил народ, и Хосе вынужден был работать дотемна, с досадой глядя на очередную пару и думая при этом: «Не могли до завтра подождать!»

«А может, я ошибаюсь? — вертелось у него в голове. — Сколько раз уже не оправдывались мои надежды».

Решив, наконец, что он больше не в состоянии мучиться от с недавних его сомнений, фотограф, проводив последнюю пару, быстро свернул свое рабочее место на углу Восточной площади и зашагал домой. Идти было недалеко. С недавнего времени он жил на Гран Виа. По его мнению, это была лучшая улица Мадрида.

Зайдя в подъезд и вкатив свой аппарат в лифт, Хосе нажал на кнопку своего этажа. Отчего же все вокруг так медленно делается? Вот и лифт еле-еле ползет. Пытаясь открыть дверь квартиры, он пару раз уронил связку ключей, потом в темноте никак не мог попасть нужным ключом в замочную скважину. Напряжение нарастало с каждой секундой, с каждым движением. Не закрывая на задвижку входную дверь и оставив на пороге ящик на колесах, он бросился, было, завершать сегодняшнюю работу, начатую на улице, но вдруг остановился и подошел к фотографии на столе. Бережно взял в руки витиеватую серебряную в позолоте рамку и долго-долго смотрел на снимок.

И пусть эта русская красивее и изысканнее его Деборы, а русский благороднее его самого! Что из этого? Наверняка у них нет того, что было, есть и будет у них с Деборой. Любви, самой настоящей, чистой и безупречной. Деборы нет, а любовь есть. Она в нем, в Хосе, в каждой его косточке, прожилке, мысли.

Не выпуская фотографию из рук, он сел на стул, откинулся на спинку и закрыл глаза. Дебора, Дебора...

Когда они познакомились, ему только-только исполнилось двадцать. Но он уже тогда слыл хорошим фотографом. Хосе даже ездил в Петербург перенимать опыт у знаменитого фотографа Карла Буллы. Фотографический павильон его отца был в городе весьма популярен, и народ в него валил валом. Со временем специальное ателье художественных портретов перешло Хосе по наследству.

Когда Дебора пришла в ателье, чтобы сфотографироваться, Хосе, увидев ее, опешил. Это была та самая девушка, которую он когда-то нарисовал в своем воображении.

Тогда-то они и сфотографировались вместе. Хосе, взглянув на их с Деборой лица... Впрочем, и без фотокарточки он уже точно знал, что пришла любовь. Пришла с небес. И принесла звезды в его сердце.

Они прожили счастливо два недолгих года. А потом в мае Дебору поразила «испанка». Король Альфонс XIII тогда тоже заразился этой болезнью. Но он выжил, а Дебора нет... За один только май того года в Испании заболело восемь миллионов человек, то есть сорок процентов населения.

Сотни лиц прошли через него. Но ни разу Хосе не встретил той великой любви, как у них с Деборой.

Порой фотография выдает то, что человек прячет от других и даже от самого себя. Она обнажает твою сущность. Что такое фотографирование? Светопись. Сколько света в тебе, столько и покажет снимок. Нет, Хосе не мог сказать, что ему попадались одни только негодяи, много было добрых, светлых, прекрасных людей. Не в этом дело.

Часто подходили к нему пары, весело щебечущие, мило воркующие, обнимающиеся, заглядывающие друг другу в глаза. Снимал их с радостью. А вдруг? Но при проявлении — тоска и безысходность. И никакой любовью там и не пахло. Тупик. Или, наоборот, холодные степенные люди на снимках получались с долей теплоты. Что только он не перевидал — увлечения, страсти, измены... Редко, но все же попадалось зарождение любви или ее излет, но это тоже было совсем не то, что он искал. Правда, такие снимки он хранил. И все же...

Поначалу Хосе думал, что дело в нем. Однако как фотограф он был безупречен: добивался нужных тонов между белым и черным, акцентировал все детали монохромного изображения с плавными контрастными переходами и без усталости оттачивал искусство композиции и фотографические приемы, совершенствуя свой фотографический почерк. Нет, дело было не в нем.

После смерти жены Хосе задался целью найти тех людей, которые способны любить. Слыша фразу: «У нас любовь, какой мир не видывал», они с Деборой усмехались. Сильнее их любви больше не было и не будет во всем мире. И каждый его «чик-чик» — тому подтверждение.

С этой мыслью Хосе встал со стула, поцеловал фотокарточку, поставил ее на место и принялся за работу.

Он склонился над снимком русской пары. В воде на плотной белой бумаге в расплывчатом круге все отчетливее становились лица мужчины и женщины. Да, это было именно то, что искал уличный фотограф...

Встав по обыкновению рано, Севастьяновы, наскоро позавтракав, отправились на прощальную прогулку с городом. Сегодня они улетали обратно к себе в Россию. Чемоданы были упакованы еще с вечера, такси заказано. Они в очередной раз собирались пройти знакомым маршрутом через площадь Испании к садам Сабатини, к Восточной площади, Королевскому дворцу, собору Альмундены.

Севастьяновы каждый день приходили сюда, на угол Пласа де Ориенте в надежде встретить уличного фотографа. Фотографируясь, они условились прийти на следующий день и получить фотографию, но ни на следующий, ни в какой другой испанца на месте не было. Они спрашивали о нем и у прохожих, и у конного патруля, но все только разводили руками, говоря, что не знают, о ком идет речь.

Вот и сейчас угол Восточной площади был пуст.

— Куда он подевался? — расстроено спросила Инна. — Уезжаем ведь сегодня. Мы его здесь караулим, а он, может, в другом месте работает, а сюда случайно разок забрел?

— Но за фотографией он велел сюда приходить, — возразил ей муж. — Да и окрестности мы здесь все обтоптали, а его не видели. Прячется, наверное.

— Зачем это ему? Он ведь на нас деньги бы заработал. Для чего фотографировал-то?

— Не получилось, поди, вот и не появляется.

— Да ну, стал бы он из-за этого от нас бегать. Не получилось и не получилось, сказал бы: «Извините, братцы». Мы ничем ему не обязаны. Все равно бы оплатили при получении. К тому же уговор был, если нам не понравится, мы не берем.

Накрапывающий дождь постепенно усиливался. Это был первый дождь за время их пребывания. А прогнозировали...

В Королевском дворце Севастьяновым еще не удалось побывать, поэтому и решили зайти его осмотреть, заодно укрыться от дождя. Желаящих посетить дворец, на удивление, раз-два и обчелся, поэтому очередь двигалась быстро. Довольно скоро Севастьяновы оказались по ту сторону ворот официальной королевской резиденции.

— Смотри, а на карнизе постаменты для тех самых статуй, что сейчас в сквере стоят. — Инна, задрав голову, разглядывала дворцовый карниз.

Любаша бегала по Оружейной площади перед парадным входом дворца, облицованного гранитом, подставляя дождевым струям свое кукольное личико. Ей вовсе не хотелось уходить с улицы, но взрослые упорно тащили ее внутрь здания. Ребенок смирился с приказаниями родителей только тогда, когда увидел высокую парадную лестницу. Карабкаться по лестницам было Любашиной страстью, и она полностью отдалась этому занятию.

Паласио Реаль де Мадрид, или Восточный дворец, утопал в роскоши фламандских гобеленов, хрустальных люстр, фресок, часов, портретов, картин, зеркал, мебели различных стилей...

— Эти Бурбоны — прямо как сороки. Тащили к себе все, что блестит, — проворчала Инна, переходя в очередной зал.

— Помпезен, как вся средневековая Испания, но согласись, милая, впечатляет. — Ян с сожалением пощупал камеру в кармане. Проводить съемку во дворце запрещалось.

Они прошли в парадный обеденный зал. В пояснительных табличках на испанском и английском языках значилось, что «...зал был открыт в 1879 г. по случаю бракосочетания Альфонса XII со второй супругой Марией-Кристиной, вмещает 145 приглашенных. Украшен фламандскими гобеленами XVI века, хрустальными люстрами из бронзы, северским фарфором и фресками кисти Менгса и Байеу».

— Очень красиво! — Инна с удовольствием разглядывала все экспонаты.

— Ням-ням, — вдруг сказала сидевшая в коляске Любаша. Очевидно, вид посуды на нее подействовал. — Кусать!

— Кушать будешь потом. Потерпи, дочка! — продолжая осматривать зал, успокоила ее Инна.

Севастьяновы всегда брали с собой еду для Любаши, поскольку часто пускались в путешествие на долгие часы. Вот и сейчас в сумке лежали кусочки сыра и пакетики с фруктовым пюре.

— Есть хочууу! — принялся канючить ребенок.

— Давай дадим Любаше сыра, а то сейчас начнет вопить на всю округу, — предложил Ян и, когда Инна молча кивнула, полез за едой.

Любаша, заполучив заветный сыр, повеселела. Она тотчас же откусила от него кусочек, оставив еще на один укус. Это не ускользнуло от всевидящего ока охранника. Молодой черноволосый парень подлетел к коляске и стал махать руками:

— Запрещено, нельзя!

Севастьяновы, догадавшись, о чем идет речь, сделали вид, что не поняли испанца, и пожали плечами.

— Здесь нельзя есть, — повторил охранник, переходя на английский. — Запрещено!

— Это же столовая, — возразил Севастьянов, на что парень энергично закачал головой и почти перешел на крик:

— Нельзя!

— Ребенку можно! — твердо проговорил Ян.

Испанец горел желанием отнять этот несчастный кусочек сыра у ребенка и, еле сдержавшись, указал на выход.

— Отведите меня к королю, я все ему выскажу! — негодовал Ян. — Скажу, Ваше величество, ваши плебеи так любят вас и ваши побрякушки, но так ненавидят маленьких детей!

— Да что с ним разговаривать, — обратилась Инна к мужу по-русски. — Козел он!

Когда Севастьяновы вышли из парадной столовой, и Любаша все-таки доела сыр, они решили вернуться обратно и досмотреть интерьер, но злобный испанец их не впустил, сказав, что, раз вышли из зала, снова заходить нельзя. Такие правила.

— Да и ладно, — буркнул Ян. — Зато Любаша в королевской столовой обедала! Вот!

— Он единственный недружелюбный испанец, который встретился на нашем пути. — Инна наклонилась к дочери и поцеловала ее. — Это же ребенок, понимать надо. А что, было бы лучше, если бы Любаша орала от голода?

— Подумаешь, Королевский дворец! Безвкусный, да и вообще... Обшарпанный какой-то. Более чем скромное жилище монархов. Не то, что наш Зимний или, к примеру, Версаль, — презрительно огляделся по сторонам Ян.

— Да, не с иголочки он, ремонтировать бы пора, — поддержала мужа Инна. — Посещение-то не бесплатное, денежки должны быть на ремонт.

Когда они вышли на улицу, оказалось, что дождь не закончился, а, наоборот, еще больше усилился. Однако нужно было срочно возвращаться домой, поэтому Севастьяновы, натянув капюшон на коляску, понеслись во весь дух. А выдохнули, только когда очутились в подъезде своего дома на Гран Виа.

До приезда заказанного такси оставалось совсем мало времени. Севастьяновы поторапливались. Они вымокли под мадридским дождем, и им было необходимо переодеться, особенно в этом нуждалась малышка. Пришлось распаковывать один из чемоданов, где лежала куртка Инны и осеннее пальтишко Любаши. Яну переодеться было не во что.

— На мне высохнет, — решил он, имея в виду свой черный плащ.

— Пожалуй, и я не буду убирать пальто, а то в сложенном состоянии оно весь вид потеряет. — Инна, сидя на корточках, в задумчивости смотрела на вытащенную из недр чемодана ярко-розовую куртку с рюшками по вороту. — Да, поеду в пальто. Высохнет. А вот волосы придется посушить.

Она собралась идти в ванную, где лежал фен, и вдруг заметила на ветвистом светильнике фотографию.

— Что это? Ой... — Инна даже не сразу поняла, что это она с мужем. Другие люди, другая эпоха, другой взгляд. Потрясающий эффект старины... И все-таки это были они. Непохожая похожесть. Откуда здесь этот снимок? Когда они уходили утром, его не было. Кажется, не было. Да нет, точно не было, они бы увидели.

— Обалдеть! — Ян подошел к столу и встал за спиной жены. — Откуда она?

— Понятия не имею, думала, ты мне объяснишь. Мы так хорошо никогда не получались. — Инна не сводила глаз с фотографии.

— Я вообще не видел снимка лучше этого, — тихо проговорил Севастьянов.

С каждой секундой впечатление усиливалось. Красавица, в широкой шляпе, которая безукоризненно шла ее круглому лицу, в светлом пальто с бантом на шее, смотрела на мир женственно и в то же время твердо. «Да, я такая! — говорила она. — Красивая, умная и вообще — самая-самая!» Такое впечатление создавалось потому, что она была со всех сторон окутана любовью яркого лихого господина в шляпе набекрень и в черном плаще. Из приоткрытого рта под усами буквально доносилось: «Я люблю ее!» И теплый, струящийся из глаз свет незримо подтверждал это. И оба они в облаке их любви, спокойствия и гармонии.

Невзрачный испанец сотворил чудо — он сфотографировал счастье.

— Только ради этого снимка стоило приехать в Мадрид. — Ошеломленный Севастьянов не мог насмотреться на загадочный черно-белый снимок.

— Приехать и уехать, — засуетилась Инна. — Друзья мои, счет идет на минуты. Сейчас такси приедет.

Тем временем Любаша забралась на стул и пыталась дотянуться до снимка, повторяя:

— Покажи Юбе, покажи Юбе!

Наконец ей показали фотографию, но она решительным жестом пригнула ее к себе.

— Нет, нет, дочка! — Ян осторожно забрал ее из рук ребенка.

— Покажи Юбе, покажи Юбе! — закапризничала малышка.

— Любе показывали, но Люба ручками хочет смотреть, а не глазками!

Инна сняла дочь со стула и принялась ее одевать.

— Одно не пойму, откуда здесь этот снимок? — проговорила она, пытаясь утихомирить вертевшуюся Любашу, которая никак не хотела одеваться.

— Да, странно. Хотя... Может, ее хозяин принес? Ну, конечно, он, у кого еще ключи от квартиры? — Ян с силой застегнул молнию на чемодане.

— А как она к хозяину попала?

— Фотограф принес. Но опять же, как он узнал, где мы живем, и кто владелец этой квартиры?

— Да... Загадки. Так надо позвонить хозяину и выяснить!

Но телефон хозяина был вне зоны доступа.

— Скорее всего, он куда-то уехал. Не зря же попросил нас оставить ключи на столе и захлопнуть дверь. — Ян раздумывал, куда бы положить фотографию так, чтобы та не измялась. — Подожди, а деньги! Мы же не заплатили!

— Бли-ин, точно! Что делать? И сколько она стоит, не помнишь?

— Нет, не помню. Да и как ему передать?

— Так же, как и он, через хозяев.

В кошельке Севастьяновых лежали последние сто евро, двумя банкнотами по пятьдесят. Одну они оставили в кошельке, надо было расплачиваться за такси, другую положили под ключи с запиской: «Передайте, пожалуйста, эти 50 евро фотографу. Спасибо за гостеприимство. Всего доброго!»

Всю обратную дорогу домой Севастьяновы время от времени доставали фотографию и любовались ею.

— Я когда фотографировался, то думал о том, как я тебя люблю! — Ян с нежностью смотрел то на жену, то на ее отображение.

— Это видно! — улыбнулась Инна и погладила его по руке.

— А ты?

— Примерно то же самое! — засмеялась она.

— Отличная фотография! Просто отличная! — Сосед Севастьяновых, сорокалетний холостяк, с неподдельным восторгом рассматривал монохромную фотографию. — Такая художественная... Я бы даже сказал, высокохудожественная! Как будто и впрямь из прошлого века. Вы здесь

прямо как дворяне! Кстати, это до семнадцатого года или после? — пошутил он.

— До, — засмеялся Ян, — в шестнадцатом дело было.

— Ну, покажите еще, что вы там наснимали.

Сосед, никогда не бывавший за границей, стал тщательно рассматривать испанские снимки на ноутбуке.

— О, похожая фотография! Тоже в шляпах!

— Угу... — взглянула через его плечо на снимок Инна. — Щелкнули сами себя, когда нас фотограф прихорашивал.

— Нет, после семнадцатого, — заулыбался сосед, вспомнив свою шутку.

— В смысле? — не поняла Инна.

— Глянь на дату.

Она посмотрела на цифры внизу снимка: 06.11.1936 13:13

— Ян, ты не правильно дату ввел, когда настраивал фотоаппарат.

— Что, милая? — заглянул в комнату Севастьянов, нарезавший на кухне закуску, чтобы угостить соседа привезенным испанским вином. — Как не правильно? Вспомни! Пятого ноября мы прилетели в Мадрид. Шестого отправились гулять и сфотографировались. Седьмого должны были забрать фотографию...

Сосед, тем временем, продолжал рассматривать снимки. На остальных фотографиях, причем на всех до единой, значился 2016 год.

Ночью Хосе не спал. Его возбуждение сменилось философскими размышлениями. Этот снимок передал истинную сущность той русской пары. Было радостно и грустно одновременно. Радостно оттого, что после долгих поисков он увидел звезды в сердце этих русских. Грустно же, потому что их с Деборой любовь, оказывается, не единственная во Вселенной.

— Странные эти русские! — вслух проговорил Хосе. — Чего им в своей стране не сидится? У нас тут такие дела творятся...

Испанец поставил фотографию на металлические ветви светильника. Сегодня надо отдать ее.

Он понял, что уже наступило утро, а значит, надо сходить купить хлеба, масла и еще чего-нибудь, а потом идти на работу. Да, у него такая работа — искать любовь. Несмотря ни на что. Зачем? Он и сам не мог ответить до конца на этот вопрос.

«Где ты, «пятая колонна»?» — спрашивал себя Хосе, идя по Гран Виа и заглядывая в лица редких прохожих.

Еще в начале октября генерал Мола передал по радио, что возьмет Мадрид к седьмому ноября. Помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн, он располагает еще «пятой колонной» в самом Мадриде, которая в решающий момент ударит с тыла.

Сегодня было уже седьмое, а город повстанцы так и не захватили.

Хосе был ни за тех, ни за других. Ни за мятежников, ни за республиканцев. Ему хотелось просто быть фотографом. Искать любовь, которая все же встречается.

Однако его планам не суждено было сбыться. Он погиб при авианалете на город 7 ноября 1936 года. В ноябрьские дни счет жертв среди мирного населения исчислялся сотнями. Бомбежки превзошли все мыслимые границы, превратив испанскую столицу в огненный ад. 7 и 8 ноября 1936 года, в самые тяжелые дни обороны Мадрида, с неба на жителей города сбрасывали листовки. В них значилось следующее: «Петроград выстоял в 1919 году один. Сделаем то же самое!»

«И тут опять русские...» — думал Хосе, умирая.

«Какому фотографу?» — недоумевал хозяин мадридской квартиры, которую снимали Севастьяновы, зайдя следующим утром за ключами и увидев на столе записку и пятьдесят евро. □

Когда изучаешь биографию этой женщины, так и тянет заглянуть в конец, словно это увлекательнейшая книжка, окончание которой не терпится узнать. Ее жизнь и впрямь напоминала сказку — не в смысле того, что все было легко и прекрасно, а в смысле необычности происходящего, в смысле чудес, которые то и дело случались с нашей ге-

Агнес Гонджа Бояджиу — таким трудновыговариваемым было ее имя при рождении — появилась на свет 26 августа 1910 года в городе Скопье — сейчас это территория Македонии. Своим днем рождения она, правда, считала 27 августа — день, когда ее крестили.

Родители Агнес были албанцами, семья считалась вполне обеспеченной, так как отец был совладельцем строительной фирмы. У девочки были старшие брат и сестра — Лазарь и Агата. Семья вообще была очень дружной, они никогда не ссорились, только слегка подтрунивали друг

НЕСКАЗОЧНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОЙ ВОЛШЕБНИЦЫ

роиней. Сама она объясняла все чудеса одним — Верой. Для нее она была именно такой — Верой с большой буквы. После смерти ее причислили к лику блаженных — случай не уникальный, но все же далеко не частый. Но здесь как раз причисление к лику святых не выглядит неуместным. Речь идет, разумеется, о матери Терезе.

над другом. Так, Агнес, которая в детстве была толстенькой и помладенчески розовощекой, называли «Гонджа» — «бутон цветка».

Но в 1919 году семью постигло горе — погиб отец Агнес. Мать, чтобы «вытянуть» троих детей, работала, не покладая рук. При этом она

была очень набожной католичкой, и ежедневно вместе с детьми ходила в костел. Младшая дочь любила там бывать — ей очень нравилось и молиться, и петь.

Когда Агнес впервые оказалась в Черногории, у иконы Пресвятой Девы Марии, она почувствовала

что-то, что потом назвала «призывом к служению Богу». Однако ей было всего двенадцать, и пока рано было думать о том, чтобы стать монахиней.

Окончив среднюю школу, девушка задумалась о своей судьбе. В это время она общалась с братством Благословенной Девы, у которого была миссия в Индии. Агнес заинтересовалась этой страной. Она чувствовала, что хочет служить, но не могла понять, то ли это, чему она должна посвятить свою жизнь. Тог-

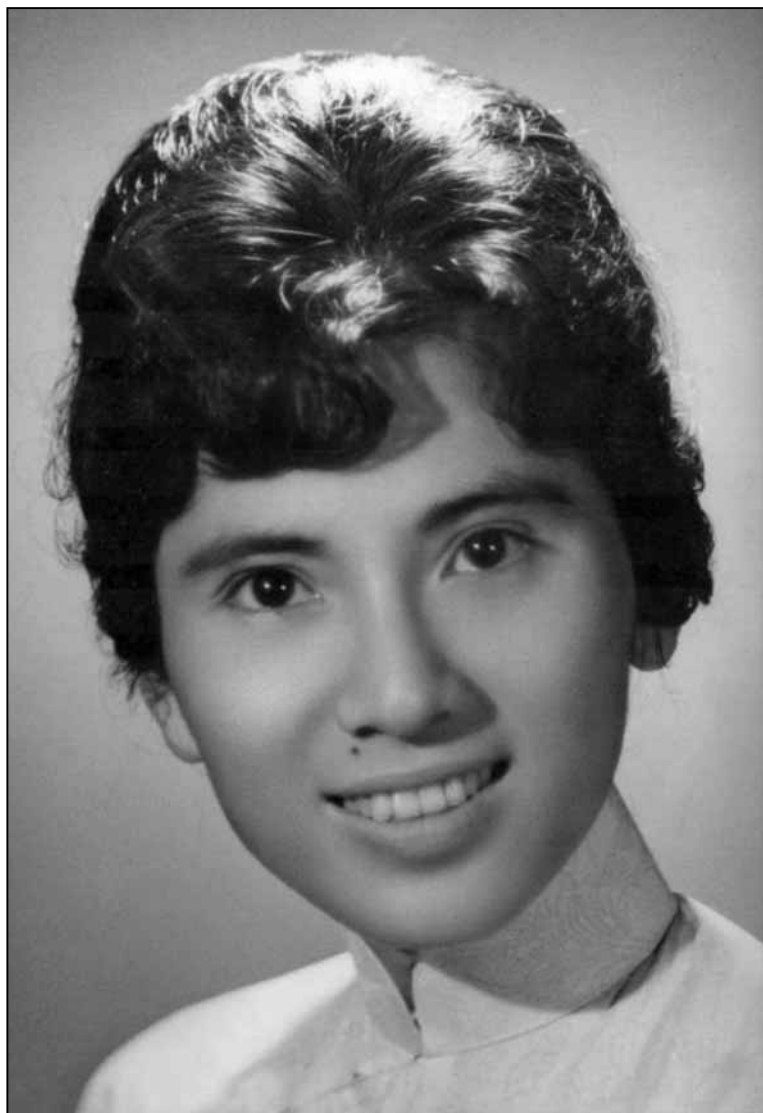
Ее направили ухаживать за больными в Бенгале, затем — преподавать историю и географию в школе для девочек. Спустя несколько лет, в совершенстве овладев бенгальским и хинди, она стала директором бенгальского отделения школы, и в то же время сменила имя Агнес на Терезу — в честь Святой Терезы де Лизье, не гнушавшейся выполнять самую грязную и неприятную работу. Как показала жизнь, трудно было сделать более подходящий выбор.

❖ ❖ ❖ **В** 1949 году Тереза получила гражданство Индии, а еще через год — разрешение Ватикана на создание ордена сестер милосердия. К трем обычным монашеским обетам — нищеты, целомудрия и поста — в ордене Терезы был еще и четвертый — всеми силами служить бедным и страждущим, ничего не требуя взамен

да она решила посоветоваться со священником. Тот ответил: «Прислушайся к своей душе. Радость в твоей душе — тот самый компас, который укажет тебе дорогу в жизни».

Размышляя над советом священника, девушка поняла: она хочет стать миссионеркой в Индии. Это оказалось не так просто: сначала нужно было вступить в женский орден, имевший миссию в Индии. Такой нашелся только в Ирландии, и Агнес пришлось поехать в Дублин, а уже оттуда — в Калькутту.

В 1946 году, по воспоминаниям самой матери Терезы, ей «был голос, который велел: «Иди и живи среди бедных, а Я буду с тобой». Настоятельница монастыря скептически отнеслась к такому желанию монахини, не поддержали ее и сестры. Но Тереза была тверда в своем намерении. Пройдя нелегкие бюрократические пути (пришлось даже запрашивать разрешение у Папы Римского), спустя 2 года она, наконец, получила разрешение покинуть орден сестер. Ей было тогда 38 лет.

Тереза купила в лавке за 4 рупии белое сари, пришила к нему голубую кайму, а к плечу приколола распятие. Этот наряд будет с ней до конца жизни.

Окончив курсы медсестер, она поселилась в бедняцком гетто Моти Джил, где стала исполнять волю провидения — жить среди бедных и помогать им. Купала детей, промывала раны, учила малышей буквам, делала много чего еще. У нее не было никаких собственных денег — да и откуда им взяться? Однако всегда находились

средства, чтобы купить лекарства, одежду, еду...

Уже через год у Терезы появилась первая последовательница — одна из ее учениц в школе. Девушка эта была из богатой семьи, но она сменила роскошное платье на белое сари, чтобы взять имя Агнес и помогать Терезе в ее нелегком деле.

Когда помощниц стало больше, один богатый горожанин предложил им верхний этаж своего дома. Тереза знала — помощь всегда появится, главное — усердно молиться,

много работать и не забывать, что Бог очень любит тебя.

В 1949 году она получила гражданство Индии, а еще через год — разрешение от Ватикана на создание нового ордена сестер милосердия. (На тот момент их было всего двенадцать, а сегодня орден насчитывает тысячи последовательниц по всему миру.)

К трем обычным монашеским обетам — нищеты, целомудрия и поста — в ордене Терезы был еще и четвертый — всеми силами служить беднейшим, ничего не требуя взамен.

Именно мать Тереза («мать» приклеилась к ее имени совершенно незаметно и абсолютно естественно) первой основала дом для умирающих — сегодня мы называем их хосписами. Она не могла видеть умирающих людей на улицах (хотя это было обычным для Индии), привозила их в больницы, но там отка-

зывались их принимать, так как умирающие не имели ни полиса, ни денег. Тереза настаивала, добивалась своего, гордясь этой маленькой победой, а потом выходила на улицу — и все повторялось сначала...

И тогда она решила, что сама найдет возможность помогать людям умереть достойно. Город выделил ей место, где можно было обустроить такой дом. Тут следует заметить, что мертвые были неплохим «бизнесом» в Индии — скелеты отправлялись в анатомички, университеты, школы. И Калькутта была мировым лидером по поставкам человеческих скелетов. Мать Тереза же дала людям возможность умереть и быть похороненными по-человечески. Первый дом для умирающих называли «Нирмал Хридай» — «Чистое сердце» в переводе с хинди.

У сестер ордена, который основала мать Тереза, не могло быть ника-

кого личного имущества, кроме сменны сари. Они спали на жестком, питались скромно и по много часов в день помогали беднякам. Когда кто-нибудь из нищих, которого Тереза подбирала на улицах, спрашивал ее, зачем она это делает, она просто отвечала: «Потому что я люблю тебя».

Сестры никого не старались обратить в христианство и помогали всем, независимо от веры и расы, давая умирающим не только последний глоток воды, но и глоток надежды, что они кому-то еще нужны, кем-то любимы.

Мать Тереза первой начала давать приют больным проказой, которая в Индии считалась наказанием Божьим. Больной должен был терпеливо сносить все муки болезни. Тереза же стала объяснять, что это просто болезнь, что эти люди так же достойны любви, как и все остальные. Она организовала кампанию «Прикоснись своей добротой к прокаженному», создала целые деревни, где прокаженные могли работать, жениться, заводить детей. Поскольку проказа — не наследственное, а инфекционное заболевание, монахини учили людей, как предохраняться, а уже родившихся детей уговаривали отдавать в приюты, чтобы ребенок не заразился болезнью от родителей.

В 1955 году мать Тереза основала первый приют брошенных детей «Шишу Бхаван» — «Дом детей». Она находила малышей на улицах, куда их выбрасывали матери, ей отдавали детей и из больниц, где

матери отказывались от них. Тереза собирала всех. Она говорила, что ее любви хватит на всех детей.

Орден матери Терезы стал известен во всем мире. Вскоре появилось и братство, занимавшееся тем же самым, — возглавил его австралийский иезуит отец Андрей.

В 1964 году Тереза была представлена Папе Римскому Павлу VI, который подарил ей шикарный лимузин. Практичная Тереза автомобиль продала и построила дом для умственно неполноценных людей.

Несмотря на огромное количество добрых дел, которые она делала ежедневно, сама мать Тереза считала свою работу «каплей в море». Она не замечала получаемых наград, лишь видела в них практиче-

скую пользу — как с тем самым лимузином. В 1971 году она получила Ватиканскую премию Мира имени Папы Иоанна XXIII и награду «Добрый самаритянин» в Бостоне, в 1972-м — премию имени Джавахарлала Неру за Международное Согласие, в 1975-м Индира Ганди вручила ей бесплатный билет на любой общественный транспорт по всей территории Индии, в 1979-м — Нобелевская премия мира. Ни гроша из всех премий Тереза не потратила на себя — все ушло на помощь нищим, бедным, бездомным, боль-

ным... Она даже отказалась от торжественного обеда по случаю Нобелевской премии: «Я не могу предаваться чревоугодию, когда в мире столько людей голодает и умирает».

Она никогда не сидела без дела, сама открывала новые и новые отделения ордена по всему миру, следила за тем, что происходит на планете, чтобы помочь везде. Когда в мире появился СПИД, мать Тереза стала создавать приюты для больных «чумой XX века». После массовых изнасилований в Боснии, поехала по женским больницам, где уго-

варивала женщин не делать аборты и отдать всех детей ей: «Отдайте их мне, если вы не хотите воспитывать их сами. У меня хватит любви на всех отвергнутых детей».

Сама мать Тереза принимала любую помощь ее ордену — и от принцессы Дианы, и от кровавого диктатора Гаити Жана-Клода Дювалье, и от газетного магната Роберта Максвелла. Когда ее призывали вернуть «грязные деньги», она всегда отказывалась, говоря, что деньги эти пожертвованы от чистого

«Я не всегда понимаю пути Господни. Наверное, эта трагическая утрата значит гораздо больше, чем мы можем предположить».

Она умерла от остановки сердца. Того сердца, что готово было любить каждого брошенного ребенка, каждого нищего, каждого прокаженного.

Ее тело сразу было забальзамировано. В течение недели гроб стоял в Калькутте в соборе Святого Томаса, чтобы все желающие могли прийти и проститься с ней. Когда же на-

матери Терезы было много наград, вплоть до Нобелевской премии мира, но ни гроша из этих премий она не потратила на себя — все ушло нищим, бездомным, больным...

Она даже отказалась от торжественного обеда в честь вручения Нобелевской премии: «Я не могу предаваться чревоугодию, когда в мире столько людей голодает и умирает»

сердца, и не ей, а делу, которому она служит.

Она призывала лишь усердно работать сегодня, ведь вчера уже прошло, а завтра еще не наступило. И если ей не из чего было приготовить еду голодающим, она уповала на провидение, которое, чаще всего, не отказывалось ей помогать.

Матери Терезы не стало 5 сентября 1997 года, через несколько дней после гибели принцессы Дианы, которая тоже немало делала на ниве благотворительности. Узнав о смерти принцессы, мать Тереза сказала:

«Я не всегда понимаю пути Господни. Наверное, эта трагическая утрата значит гораздо больше, чем мы можем предположить».

чались похороны, гроб покрыли национальным флагом Индии и повезли на том же орудийном лафете, на котором везли Махатму Ганди и Джавахарлала Неру. Толпа за гробом растянулась на семь километров.

Мать Терезу похоронили во дворе штаб-квартиры ордена милосердия, ее дома, основанного много лет назад, дома, где каждый может найти приют и помощь. Она осталась там, чтобы к ней по-прежнему приходили, и чтобы она продолжала помогать — чашкой воды или просто знанием того, что где-то тебя любят и ждут. □

Виктор Ом «ТАМО БОРО»

История обладает притягательной силой, и многие оказываются в этом притяжении ее магического круга...

Оказался и художник-постановщик Юрий Иванович Багаев. Ведь в каждой новой работе художнику приходится «погружаться» (как и актеру) в новое историческое время, в атмосферу быта и жизни людей определенной эпохи... И так — от фильма к фильму...

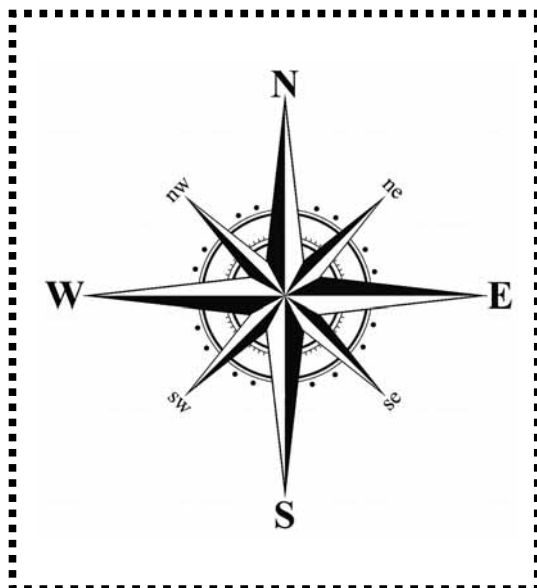
Багаева очень захватила судьба великого путешественника Миклухо-Маклая. Удивительная жизнь, полная рисков, невыносимо тяжелых преодолений неизведанного, словом всего, с чем сталкиваются храбрецы-первопроходцы!

Работа над сценарием фильма длилась более четырех лет, и, наконец, первая ее часть (как теперь считает сам автор) закончена...

Со сценарием уже ознакомились директор Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, праправнук великого путешественника Николай Николаевич Миклухо-Маклай и всемирно известный путешественник Федор Филлипович Конюхов. Оба очень тепло и благосклонно отозвались о нем как об очень своевременном проекте, и оба пообещали помощь в продвижении этой работы.

Юрий Иванович Багаев — петербуржец, выпускник Санкт-Петербургской академии культуры, художник-постановщик телевизионных и художественных фильмов. Он из кинематографической семьи. Его отец — Иван Михайлович Багаев — известный кинооператор, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств, снявший множество замечательных фильмов, так что Юрий, конечно, с отроческих лет жил в атмосфере интересов кинематографа.

Да, сценарий впечатляет и воздействует не только эмоционально, но, что особенно ценно, побуждает искать параллели

с нашим очень беспокойным временем. Думается, актуальность проблем, которые так страшат и беспокоят нас, живущих в 21-м веке, одно из очень ценных качеств этой многогранной работы. Захотелось пообщаться с автором, что вскоре и удалось сделать.

Мы встретились в Доме кино, и Юрий Иванович любезно согласился ответить на мои вопросы — специально для журнала «Смена». Но перед этим достаточно лестно высказался о журнале, а в заключение добавил: «Любил и читал всегда, еще со школьной скамьи. Ваш журнал, как чудобогатырь, даже в смену формации в государстве устоял! Это качество только настоящего, крепкого издания!»

— Юрий Иванович, как все же появилась эта идея — написать киносценарий о великом путешественнике Миклухе-Маклае?

— Здесь я пошел, как говорится, от противного... Сыграла роль черная зависть к феерическим успехам Голливуда и Болливуда. А весьма скромные успехи нашего российского кинематографа навели меня на мысль: «С чего же, собственно... все начиналось?»

...А началось все с противостояния москвитов и бриттов за наш Севастополь. Крымская война вывела пропаганду на совершенно иной качественный уровень. В «Большой игре» («Большая игра» — это геополитическое соперничество между Британской и Российской империями в Южной и Центральной Азии в XIX–XX веках) сразу заблистали шпионские рассказы, дипломатические интриги. Все методы были хороши, в том числе, и манипуляции общественным мнением, которое приобрело самое важное значение.

Удивительно, но в XXI-м веке все остается точно так же...

В следующую «крымскую кампанию», точнее, в русско-турецкую войну, Турция недосчиталась прежних грозных союзников — Англию и Францию, выведенных из игры благодаря созданному в Европе общественному мнению, выгодному для России.

Но ведь, по сути, и нынче ничего не изменилось. Манипуляции с об-

щественным мнением так же, как и раньше, имеют первоочередное значение. И даже инструменты остались те же — пресса, журналистика, только в современных реалиях используются новые носители — телевидение, Интернет и так далее. В «войну теней» втянулись писатели и художники, музыканты и актеры. Естественно, что и кинематограф стал рупором пропаганды.

И вот тут англоязычный мир получил ощутимое превосходство. В советское время благодаря «железному занавесу» удавалось хоть как-то сдерживать натиск «фабрики грез», хотя бы на своей территории. Но в последние 30 лет англо-саксонская пропаганда просто хлынула на киноэкраны безо всяких ограничений... И положение российского кинематографа стало практически патовым...

Сейчас мы, конечно, пытаемся отбиваться редкими киноработами, но это, скорее, попытка «вернуть честь мундира» на внутреннем рынке. О мировой экспансии нашей пропаганды в кино пока и говорить-то рано! Но!..

Если все же начинать, то тут как раз и срабатывает принцип — «от противного». Сценарий «Тамо Боро Рус (Миклухо-Маклай)» — это практически «математический» метод выбора. У англо-саксов такой истории нет и в помине... В ней рассказывается о первой пропагандистской войне, которую Российская империя блестяще выиграла, и она

украшена такими сочными, с точки зрения кассового кино, эпизодами, которые в американских сценариях встречаются лишь в жанре «фэнтези» и комиксов. Это великолепная приключенческая история, с парусно-винтовыми корветами и людоедами Папуа, приключениями и захватывающими моментами, в которой присутствуют и разнообразные авантюры, и даже юмор. Но при этом наша история является абсолютно достоверным историческим фактом.

С одной стороны, Миклухо-Маклай — выдающийся русский путешественник, уникальный ученый, бесстрашный этнограф и гуманист (недаром ведь день рождения Маклая является международным днем этнографа!), а с другой стороны — это авантюрист и дамский угодник...

Интересна и роль Русского императорского географического общества в этой детективной истории. В сценарии целая россыпь неординарных личностей, авантюристов, шпионов и агентов влияния. Их деятельность благодаря Географическому обществу проходила в таких кинематографически насыщенных местах как Папуа, Новая Гвинея, Индонезия, Малайзия, Сиам, Чили, Аргентина, Англия, острова Бали и Суматра. В сценарии затрагивается тяжелая и неравная борьба индонезийских, малазийских, индийских народов за самоопределение и свободу. Поэтому хотелось бы наладить диалог по линии Мини-

стерства культуры этих государств как в поисках дополнительных материалов, так и, собственно, съемок... А поскольку эта история напрямую связана с Русским императорским географическим обществом, военно-морским флотом и 6-м азиатским отделом Генерального штаба, еще хотелось бы получить доступ к архивам ВМФ и Географического общества, потому что просто не хватает информации в открытых источниках, и без помощи архивов разобраться до конца в биографиях некоторых персонажей не представляется возможным.

Но главное — сценарий не теряет актуальности и злободневности: крымские осложнения, попытки изоляции России, клевета и подлог англо-саксонских средств массовой информации. Такой фильм мог бы открыть глаза мировому сообществу на происходящие сегодня события и показать им нашу точку зрения на складывающийся новый миропорядок...

— И как же шла эта непростая работа над сценарием?

— Замысел возник еще в 2013-м... и почти год ушел только на то, чтобы прочесть максимальное для начала работы количество литературы о Миклухо-Маклае... К тому моменту, когда информации о герое уже было собрано и прочитано достаточно, вдруг стало понятно, что сценарий будет совершенно иным, нежели задумывался и виделся мне

*Николай Николаевич
Миклухо-Маклай*

изначально...Каждый новый персонаж практически разворачивал сюжет на все 180 градусов. Так, к примеру, совершенно случайно появился второй главный герой, наш соотечественник, о котором у нас в стране почти ничего не знают, а в Индонезии он чуть ли не национальный герой. Его биографией когда-то занималась историк-востоковед Елизавета Ивановна Гневушева, и ее работа — пока единственный источник информации для сценария, но есть надежда на индонезийское Министерство культуры и голланд-

ские архивы, которые могут предоставить дополнительные и важные сведения о Малигане или «Оранг рус» — как его называли охотники за головами на Суматре.

К счастью, исследователей биографии Миклухо-Маклая достаточно много, и для сценария использовалась вся имеющаяся в открытом доступе на данное время информация. Основным библиографом великого путешественника считается главный научный сотрудник — консультант Центра азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН доктор исторических наук Д.Д. Тумаркин. Использовались также и исследования Погадаева, Анучина, Чуковской, воспоминания участников экспедиции к берегу Маклая, приуроченной к 100-летию путешествия Николая Николаевича, и, конечно, дневники и записи самого Миклухо-Маклая.

Много интересных сведений удалось получить в архиве ВМФ, за что отдельное спасибо директору Государственного исторического архива С.В. Черявскому. Там сохранилось множество интереснейших донесений Миклухо-Маклая в морское министерство, как раз связанных с попыткой колонизации островов «Пацифики». А недавно вышла книга «Неизвестный Миклухо-Маклай» — это переписка путешественника с царствующим домом Романовых, Министерством иностранных дел и 6-го азиатского отдела Генерального штаба, который

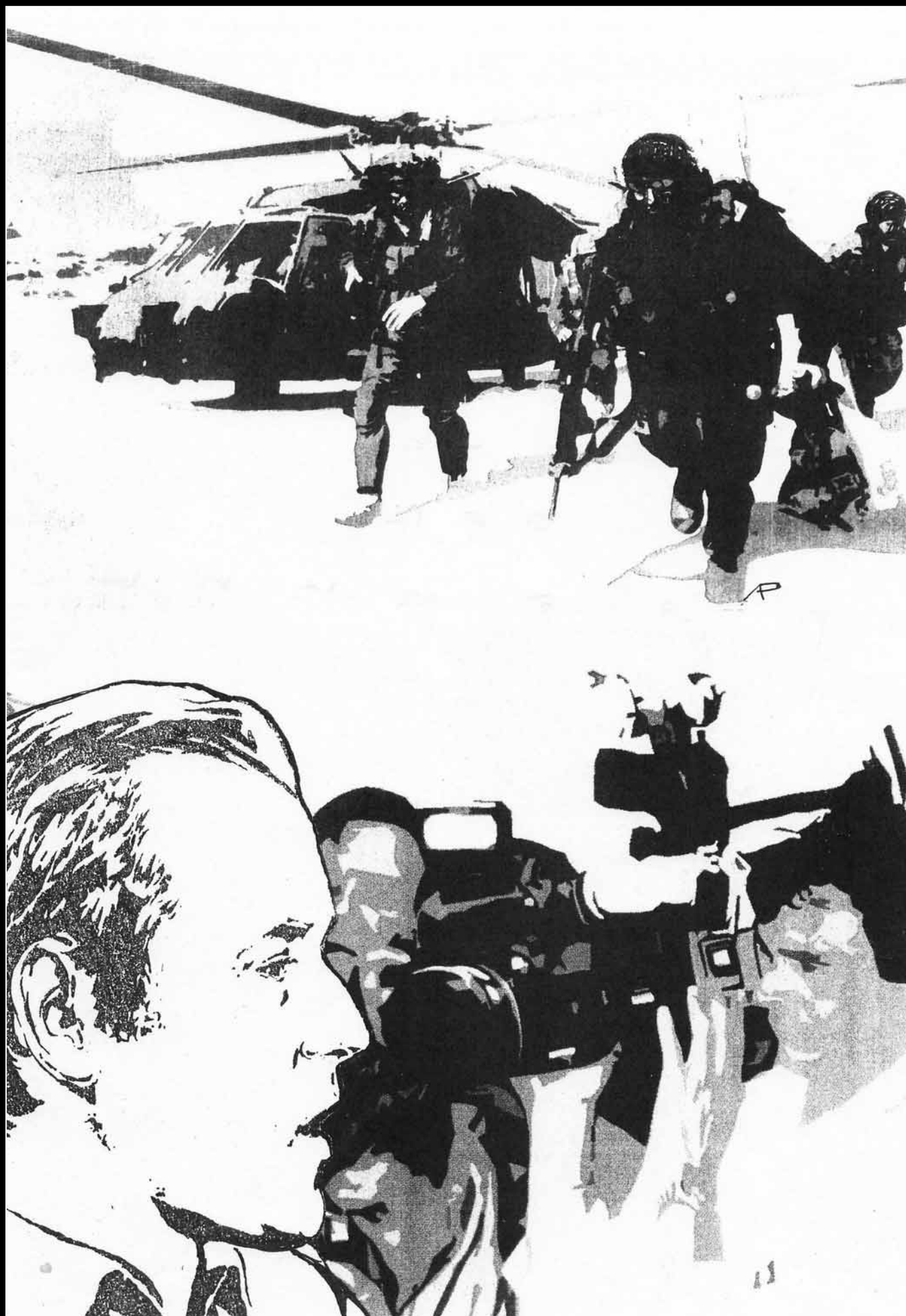
как раз и занимался сбором информации «деликатного свойства». Миклухо-Маклай известен всему миру как великий путешественник, ученый, естествоиспытатель, но жанр, выбранный мною для фильма, предполагал чуть больший интерес именно к его приключениям, авантюрам, громким романам, а также к его «обязанностям» в качестве скаута 6-го азиатского отдела. Это наименее известная часть его кипучей деятельности, но как раз наиболее интересная с точки зрения кинематографа. Поскольку сценарий писался для художественного фильма, определенные исторические неточности в нем присутствуют, и сделаны они осмысленно, чтобы уместиться в рамках выбранного жанра, но суть происходящих исторических событий при этом не искажается. Так что смело можно сказать, что «фильм основан на реальных событиях», и даже немного больше, так как папуасы сохранили тот же жизненный уклад и выглядят абсолютно так же, как и при встречах с Миклухо-Маклаем 150 лет назад. И чем больше читаешь о самом путешественнике, о людях, с которыми сталкивала его судьба, тем отчетливее понимаешь, что снимать фильм исключительно о Миклухо-Маклае — непростительная глупость! В эту историю вплелось так много различных судеб! Она очень многогранна и необычайно кинематографична!

Поистине планетарный масштаб личности Миклухо-Маклая и ряда

персонажей моего сценария, повлиявших на дальнейшую историю многих государств, дают основания ожидать международный интерес к фильму. На данном этапе более-менее законченный вид имеет та часть сценария, которая касается непосредственно путешествий Миклухо-Маклая, и этого пока вполне хватает для работы над первым фильмом. А сколько их может быть, я сейчас даже предположить не смогу, но знаю одно — материалов нашей богатейшей истории хватит не на один, а на несколько сериалов... А вот будут ли они реализованы, во многом зависит от первого фильма!

— А кто будет режиссером картины? И намерены ли вы в процессе работы выступить не только как сценарист, но и как художник-постановщик?

— Я бы, конечно, с удовольствием потрудился и как художник-постановщик... ведь это экзотика... «сладкая жизнь» для любого художника! Необычная, очень яркая и совершенно оригинальная культура, бытовой уклад жизни и краски, совершенно шокирующие своей необычностью! Но все зависит от того, кто станет режиссером-постановщиком и продюсером. Это они решают «кадровые вопросы», и я пока не знаю, кто именно это будет. Продвижение проекта только начинается, так что все горести и радости работы — еще впереди! □

Андрей Быстров

ЛЕТКОКРЫЛЫЙ АНТЕЛ

Часть вторая **Заложник**

1

Белый «форд» свернул на автостраду, ведущую к аэропорту. За рулем сидел мужчина лет тридцати с небольшим. Владимир Хорин, за которым долго и безуспешно охотилась наркополиция многих стран, спешил на рейс «605», вылетающий в Нукус. После третьей пластической операции он в очередной раз сменил имя, и теперь в его кармане лежал паспорт на имя гражданина Латвии Ингмара Лациса. Но в определенном кругу Хорин был более известен под псевдонимом «Беркут». Когда он служил в спецназе, его настоящая фамилия давала повод для многочисленных шуток, хотя подтянутый, прекрасно физически развитый парень ничем не походил на хорька. И конечно, не эти насмешки были причиной ненависти Беркута ко всему миру.

На самолет он успел вовремя. На стоянке возле аэропорта Нукуса его ждал «лендровер» с таким же, как сам Беркут, крепким и тренированным парнем за рулем.

Окончание. Начало в №6, 2017 г.

— Привет! — сказал Хорин, забираясь на переднее сиденье. — Надеюсь, все идет как надо?

— Пока да, — коротко ответил парень.

— За полчаса доедем? — уточнил Беркут, опуская дорожную сумку за спинку кресла.

— Скажем, минут за сорок, если поторапливаться. «Лендровер» — хорошая машина, но эти дороги...

— Ладно... Выжми, что сможешь. Поехали!

На вертолетной площадке, куда через сорок пять минут прибыл «лендровер», шла погрузка продуктов для отправки в лагерь киноэкспедиции Карсавина. Распоряжался пилот Андрей Дальнов, хотя командовать было особо и нечем — рабочие сами знали, как укладывать и крепить ящики с консервами, полуфабрикатами, фруктами, шоколадом, напитками. Второй пилот и штурман отдыхали в хлипком двухэтажном строении на краю летного поля. Когда Андрей в последний раз пересчитал ящики и расписался в бумагах, они подошли к вертолету. Никто из них не обратил внимания на «лендровер», остановившийся за сетчатой оградой. Рабочие и сопровождающий груза уже ушли, и появление двух мужчин стало для летчиков неожиданностью.

— В чем дело? — удивленно посмотрел на них Андрей.

— Таможенная служба, — отчеканил Беркут. — Мы получили сведения, что в вашем грузе находятся не указанные в декларации предметы. Мы должны осмотреть груз.

— Но нас обычно проверяют в Джамии, — удивился летчик.

— Придется отложить вылет, — непреклонно произнес Хорин.

Пока они разговаривали, водитель «лендровера» обошел маленькую группу и оказался за спинами второго пилота и штурмана. В его руке блеснул длинный нож. Молниеносный выпад — и штурман, смертельно раненный, с хрипом упал на землю. Одновременно Беркут нанес удар Дальнову, оборвав и его жизнь — он умел убивать. Оставался второй пилот, который испуганно отступал к вертолету, но тяжелый кулак Беркута разбил его череп о стальную обшивку.

— Даже проще, чем я полагал, — заметил Хорин, глядя на трупы.

Вертолетная площадка заполнилась людьми в черных комбинезонах. Они возникали словно ниоткуда, и с каждой секундой их становилось все больше. Всего в команде Беркута насчитывалось около двадцати человек. Оружия у них не было. Едва ли кто-либо извне мог увидеть происходящее здесь — метрах в трех от сетчатого ограждения тянулся высокий глухой забор, предназначенный для того, чтобы немного приглушать вой

и грохот садящихся и взлетающих вертолетов. Теперь он сослужит службу Беркуту.

— Займитесь трупами, — приказал Хорин. — Юра, я велел подготовить все так, чтобы их не нашли хотя бы сутки. Сделал?

— Да, сделал, — отрапортовал широкоплечий здоровяк, похожий на боксера (в отсутствие Хорина он руководил действиями группы). — Вон в той двухэтажной хибаре есть отличный подвал.

— А кто в этой хибаре вообще обитает?

— Это у них что-то вроде гостиницы. Постоянно живут двое... Кто они там, техники, сторожа или зрители, черт их разберет. В настоящее время к ним принимаются меры.

— Какие меры?

— Они... уже в том же подвале. В их комнате будут оставлены следы попойки и записка, написанная якобы спьяну. В ней говорится, что они уехали продолжать веселье в город.

Шестеро парней подхватили тела убитых за плечи и за ноги и поволокли к гостинице. После того как трупы спрятали в подвале под тяжелым люком, группа Беркута погрузилась в вертолет. Все расселись на узких скамьях, а сам он сел за рычаги управления. По радио связался с диспетчерской аэропорта Нукуса — там должны знать обо всех передвижениях в воздушном пространстве — доложил о взлете и услышал в ответ традиционное «Счастливого пути и мягкой посадки».

Вертолет оторвался от земли, набрал высоту и лег на курс. Промежуточная посадка ждала в пограничном Джами, где таможенники проводили досмотр. Обычно в грузе вертолетов Карсавина не копались, зная, что он принадлежит киногруппе знаменитого режиссера. Но на сей раз все было иначе: двадцать мощных парней, все в черном, у кого угодно вызовут подозрение.

Тревога Хорина оказалась не напрасной. Прежде всего, таможенников привело в замешательство то, что вместо Дальнова вертолет пилотировал другой летчик.

— А где Андрей?

— Он нездоров, — внутренне напрягшись, лаконично ответил Беркут.

— Э, да сколько вас тут, ребята! — изумился таможенник, заглядывая через открытую дверь.

— Вы же знаете, мы снимаем трюковый фильм. Эти каскадеры примут участие в боевых сценах. Все бумаги в порядке, вот, — протянул таможеннику скрепленные вместе листы Беркут. — Будете просвечивать каждого или пропустите нас оптом?

Офицер с сомнением полистал документы.

— Вот что, выгружайтесь-ка, — решил он. — Нам понадобятся данные каждого из вас по отдельности... И, уж извините, проверим все ящики.

— О, конечно, я понимаю. Служба! Вылезайте, ребята!

За документы своих людей Хорин не беспокоился — они были абсолютно надежны.

Тщательный осмотр содержимого ящиков показал, что в них только то, что и указано в сопроводительных бумагах, и ничего иного. Придраться было не к чему, и через час таможенники дали «добро» на взлет.

2

В лагере киноэкспедиции царили уныние и растерянность. Трагические события повергли в шок участников съемок. Карсавин был угрюм и неразговорчив. Полковника Костина увезли в больницу, вместо него прибыл Незванов. Стоя неподалеку от распахнутой из-за жары двери трейлера режиссера, Баргин с Незвановым слушали, как он по спутниковому телефону говорит с Бегуновым.

— Если бы я был суеверен, — жаловался Карсавин, — я бы подумал, что над фильмом тяготеет проклятье. У меня бывали случаи гибели людей на съемках, разбивались каскадеры, но здесь... творится что-то ужасное. Не знаю, как после этого продолжать работу, Максим... Да, я помню, сколько ты уже вложил в проект, но... — Он помолчал, прислушиваясь к рокочущему в трубке голосу продюсера, и неожиданно выкрикнул раздраженно и зло: — А ты, часом, не забыл, что это как-никак и мой фильм, а не только твой?! И мне не меньше твоего хочется его закончить! Но как я могу снимать, когда мои люди умирают один за другим, а вокруг шныряют сыщики? Или прикажешь мне переключиться на документальный детектив?!

Раздался треск, словно Карсавин швырнул трубку на что-то твердое. Баргин слегка улыбнулся Незванову и предложил пройти в его трейлер, где их ждала Таня.

— Значит, — сказал Баргин, прихлебывая приготовленный ею горячий кофе, — в вашем отделе нет единого мнения?

— Нет, — подтвердил Незванов, покосившись на Таню.

— Говорите смело, — подбодрил его Борис. — Таня — наш боевой товарищ...

Незванов освободил крышку стола и развернул на ней крупномасштабную карту района.

— Согласно одной из версий, все крутится вокруг нарколаборатории, производящей «легкокрылого ангела». Где она расположена, мы не знаем. Но вот на карте отмечена дорога, видите?

— Вижу, — кивнул Баргин.

— По оперативным данным, по ней вывозится готовая продукция. Вот этим маршрутом, минуя Джалагаш — он остается севернее, через Джусалы и Майлибаш. Далее дорога ведет в Кызыл-Орду, Чимкент... Однако многочисленные проверки ничего не дали.

— Никаких наркотиков?

— Ничего не обнаружено. Особые подозрения вызывали грузовики с лимонной кислотой с одного из местных заводов, но каждый раз оказывалось, что они везут именно лимонную кислоту. Завод тоже в порядке... Завтра они снова поедут, где-то часов с шестнадцати до девятнадцати.

— По вашим сведениям, завтра там будет не лимонная кислота, а повезут «ангела»?

— Не по сведениям. По догадкам. И по тем же догадкам, конкурирующая мафия попытается отбить наркотики. А нападут они отсюда, из вашего лагеря.

— Ну, знаете, — пробормотал Борис. — Несмотря на все эти кошмары, в лагере нет никакой мафии. Напасть на караван с наркотиками?! Да тут и пяти человек не наберется, даже физически пригодных для такого предприятия!

— Но ведь группу боевиков можно перебросить сюда непосредственно перед нападением. Хотя бы на тех вертолетах, что летают в Нукус за провизией.

— Но почему именно сюда?

— Потому что те, кто повезет «ангела», меньше всего будут опасаться нападения именно здесь. Сплошная пустыня, никаких населенных пунктов, никаких ущелий, удобных для засад, мирный лагерь... А отделяет его от дороги пара невысоких гор, да просто холмов. И вот — представьте! — из-за этих гор... Какой фактор внезапности!

— Но это же одни догадки...

— Так-то оно так, — вздохнул Незванов, — но я успокоюсь только тогда, когда грузовики с безобидной лимонной кислотой без приключений прокатятся туда, куда им нужно, и мы продолжим отработку прочих версий. Меня занимает, в частности, роль Карсавина...

— А... Та история с журналом, о которой вы мне рассказывали?

— И это тоже. — Незванов поднялся. — Спасибо за кофе, Таня... Пожалуй, пойду, поболтаю с великим режиссером. Так, на общие темы. А между делом вверну пару нехитрых вопросов...

Он вышел, оставив Бориса и Таню вдвоем. Баргин внимательно посмотрел на карту, расстеленную на столе, и задумчиво спросил:

— Таня, а как ты относишься к Юрию Ивановичу?

— Костину? Да как же к нему относиться, когда он тебя спас!

— Он сейчас в больнице в Аральске, раненый, совсем один... Ты бы съездила к нему завтра... Фруктов отвези, пива... Потом погуляй по городу и возвращайся... Скажем, под вечер, часиков в восемь, ладно?

Взгляд Тани тоже упал на карту. Баргин не сомневался, что она вспоминает слова Незванова: «С шестнадцати до девятнадцати...»

— Понятно, — сказала она укоризненно.

— Милая, я не верю в эти фантазии, но лучше тебе не быть здесь, пока эти грузовики не проедут мимо нашего лагеря!

— А когда они еще раз поедут, снова меня отошлешь? — насупилась Таня. — Так и буду кататься туда-сюда?

— Я просто забочусь о Юрии Ивановиче. Пожалуйста, съезди, навести его.

3

На следующий день ближе к полудню Таня собралась ехать в город. Баргин погрузил на заднее сиденье одного из джипов киногруппы сумку с деликатесами. Карсавин лично добавил от себя для раненого полковника две упаковки чешского пива и короткую ободряющую записку. Проводив взглядом пыльный шлейф, поднятый широкими колесами джипа, Борис вернулся в трейлер, где ждал его Незванов.

Вчерашняя беседа Незванова с Карсавиным не сдвинула дело с мертвой точки. По мнению Николая Михайловича, режиссер или являл образец гениального заговорщика, или действительно ни в чем не был замешан. Единственное, что Незванов выяснил определенно — злополучный журнал назывался именно «Путешествия и приключения», и год не перепутан. Это больше говорило в пользу Карсавина, чем против него...

Между тем постоянные телефонные переговоры Карсавина с Бегуновым вылились в нудные и бесплодные попытки спасти ситуацию. Киногруппа простаивала. Некоторое оживление обещал внести ожидаемый сегодня вертолет с продуктами из Нукуса. Провизии более чем хватало, но Карсавин и Лена Смолина зациклились на изобилии.

Когда вертолет прибыл, Баргин с Незвановым вышли ему навстречу, дабы помочь с разгрузкой. Большая часть мужчин и кое-кто из женщин, кому надоело сидеть без дела, тоже поспешили к месту посадки.

Стальная дверь открылась. Из вертолета стали выпрыгивать один за другим парни в черных комбинезонах и закрывающих лица масках. Их было не менее двадцати. Они взяли собравшихся на вертолетной площадке в кольцо, а шестеро побежали к продуктовому складу и выволокли оттуда

металлические ящики с надписью «Мясные консервы». Баргин вспомнил, как сам помогал грузить эти ящики. Они показались ему чересчур тяжелыми, но он тогда не придавал этому значения.

— Эй, что здесь происходит?! — заорал Олег Карпин.

— Заткнись! — хмуро бросил один из прибывших.

Крышка верхнего ящика отскочила, и парни в масках быстро разобрали из него оружие. Как отметил Незванов, это были британские штурмовые винтовки ЛСВ. Во втором ящике оказались такие же автоматы, в третьем — гранаты и даже пулеметы, явно предназначенные для установки на вертолетах. Теперь все они были вооружены. Один из них тут же швырнул две гранаты в неуклюжее строение, в котором находилась станция спутниковой связи. Осколки электронных устройств полетели в разные стороны. Вот и лишнее доказательство наличия внутренних сообщников, подумал Баргин. Хорошо они тут ориентируются.

Последним предметом, появившимся из ящика, был мегафон, и тут же усиленный железный голос загрохотал на весь лагерь:

— Внимание! Всем собраться на вертолетной площадке! Укрывающиеся будут убиты!

Люди начали медленно подтягиваться к вертолетной площадке и сразу попадали под зияющие дула ЛСВ.

— Здесь все? — осведомился главарь.

Никто не успел ответить, потому что на краю площадки молодой ассистент оператора выхватил телефон и начал лихорадочно тыкать пальцами в клавиши. Боевик сильно ударил его по лицу и раздавил ногой выпавший телефон.

— Кто-нибудь еще хочет позвонить? — громыхнул голос из мегафона. — Это бессмысленно, связь не работает, но пусть лучше никто не геройствует... В ваших же интересах. — Взгляд главаря из узких щелей маски обежал собравшихся. — Думаю, предметный урок усвоен, — сказал он уже без мегафона. — Теперь позвольте представиться. Я — командир боевого подразделения Национального Конгресса. Можете называть меня мистер Икс. Много времени мы у вас не отнимем, так как рассчитываем вскоре отбыть. К вам никаких требований не предъявляется, вы не заложники. Если будете вести себя тихо, все останетесь невредимы. Теперь вот что. Здесь погиб наш товарищ, Стас Волин, а находившиеся у него рации были похищены. Они нужны нам. Возможно, их забрала полиция, но лично я предполагаю, что они у кого-то из вас.

Беркут сделал знак, и ближайший к нему боевик вырвал из кольца оцепления Лену Смолину.

— Даю полминуты, после чего эта девушка умрет, — проскрежетал Хорин.

Но не прошло и пятнадцати секунд, как щелкнул одиночный выстрел, и Лена пошатнулась, с криком схватившись за окровавленную левую руку.

— Для доходчивости, — усмехнулся он. — Следующий выстрел — ей в голову.

— Довольно! — шагнул вперед Борис. — Рации у меня.

— А, хорошо... Сейчас с вами пойдет человек, отдадите ему. Остальные — все в тот ангар. Попытка высунуться в окно или в дверь наказывается смертью.

Под конвоем Баргин направился в свой трейлер, достал из рундука пакет с рациями и передал боевику. Он полагал, что после этого бандит отведет его назад, но тот стволом показал на стул, и Борис послушно сел. Минут десять в трейлере царило молчание, затем дверь отворилась, и вошел «мистер Икс» — его можно было узнать по комплекции даже в маске.

— Кто вы? — спросил он у Баргина.

— Мое имя ни о чем вам не скажет, — пожал тот плечами.

— Отвечайте на вопрос!

— Борис Дмитриевич Баргин, актер.

— Ах, вот как... Тот самый, по чьей вине погиб Волин...

— Я не убивал Волина, я не хотел этого...

— Может быть, может быть... Но это несущественно. Главное, вы оказались достаточно проникательны, чтобы расшифровать его.

— И это не так. Его выследил Эдик Лакшин, оператор, и отдал мне видеокамеру. Я просмотрел запись после смерти Лакшина, только и всего.

— И что было на записи?

— Хватило, чтобы вычислить Волина.

— Не так вы просты, Борис Дмитриевич, — с сарказмом произнес Беркут. — У меня мало времени, поэтому давайте быстрее. С какой спецслужбой вы связаны, и как много вам известно?

— Если ваш Национальный Конгресс в курсе всего, что происходит в лагере, — осторожно ответил Баргин, — вы должны знать и то, что я обычный актер.

— Обычный, так обычный... Наверное, вы понимаете, несмотря на вашу обычность, что фактически мы уже выиграли. Для меня и моих людей вы угрозы не представляете, и я могу оставить вас в живых. Но для этого мне нужно точно знать, как много вы успели пронюхать.

Борис, не удержавшись, громко расхохотался. «Мистер Икс» и его боевик удивленно уставились на него.

— Вы не выиграли, — выговорил он сквозь смех. — Напротив, вы проиграли. Вы правы, я — сотрудник ФСБ, нам известно все о «легкокрылом ангеле». Вы можете напороться на крупные неприятности. Чтобы не усу-

гублять положения, очень вас прошу никому из съемочной группы вреда не причинять. Хорошее поведение будет учтено судом как смягчающее обстоятельство...

Беркут в ярости вскочил с места, размахнулся и нанес Баргину по голове удар прикладом штурмовой винтовки. Такой удар мог разmozжить череп и уж наверняка лишил бы сознания надолго, но Борис успел чуть уклониться, и полированное дерево приклада прошло вскользь. Тем не менее, он все же упал. Сквозь оглушительный шум в ушах до него едва доносились реплики бандитов.

— Вырубился, — констатировал боевик. — Как, по-вашему, а вдруг этот парень не впустую угрожал?

— Ерунда! — отмахнулся Беркут. — Блефовал, ясно как день. Но, думаю, он и впрямь из ФСБ, уж больно шустрый... И про «ангела» — откуда узнал? Вот только они опоздали.

По полу трейлера загрохотали шаги. Борис чуть приоткрыл один глаз и сквозь кровавую пелену увидел, как вошли еще двое. Все четверо дружно сорвали маски. Беркут залез в холодильник, раздал всем пиво, затем расстелил на столе лист бумаги и произнес:

— Итак, последнее совещание. Господа, вот на схеме гора, именуемая нами «Один-Один». Караван, по расчетам, появится из-за этого поворота в восемнадцать часов, плюс-минус минуты. Группа под твоим командованием, Юра...

— Высаживается заранее с первого вертолета вот на этой площадке за горой и скрытно движется в отмеченный сектор квадрата, — подхватил Юра.

— Правильно, — кивнул Беркут. — Твои действия, Роман?

— Мой вертолет поднимается над вершиной горы «Один-Два» по радиодокладу дозорных Юрия о появлении каравана в секторе.

— Правильно, — повторил Беркут. — Все системы работают. И какая удача, что у нас в заложниках этот тип! — кивнул он в сторону Баргина.

4

Таня пробыла у Костина не более пятнадцати минут. Полковник очень обрадовался ее визиту и не хотел отпускать ее так быстро, но врачи готовили его к новой операции, и пришлось ретироваться.

Усевшись в открытый джип, она запустила мотор, переключила скорость, отжала сцепление и дала газ. Ей нравилось водить автомобиль, а на здешних пустынных дорогах можно было вволю «похулиганить». Она ехала вдоль бесконечных солончаков побережья бывшего Аральского

моря, через пересохшее русло реки Жандарья, некогда питавшей это море водой. Окружающие пейзажи и впрямь напоминали ей другую планету, причем планету враждебную, беспощадную к человеку.

Доехала Таня достаточно быстро. Представила недовольное лицо Баргина, улыбнулась: нет, милый, не всегда будет по-твоему...

Но радовалась она рано. У последнего поворота, за которым открывался прямой отрезок пути к лагерю, джип натужно застонал, взбираясь на песчаный холм, и почти на самой вершине двигатель, как назло, заглох. И не заводился...

Лагерь находился уже в пределах видимости. Можно было дойти и пешком, а потом вернуться за джипом на другой машине с буксиром. Но ей не улыбалась перспектива возиться со всем этим на жаре... Она уже спустила ногу на песок, чтобы выйти, поднять капот и порыться в двигателе, как вдруг замерла. Ей показалось, что в лагере, среди сияющих на солнце трейлеров и ангаров, мелькнула фигура в черном. И самое загадочное: в руках у «привидения» покачивалось нечто, очень напоминающее автомат.

Таня зажмурилась, потрясла головой. Галлюцинация от жары? Ах, нет! Она внезапно сообразила, что происходит. Ну, конечно же, Карсавин возобновляет съемки, и она видела кого-то из актеров в костюме и гриме... Но стоп! Внешность и вооружение персонажей — и инопланетных агрессоров, и земных звездолетчиков — задумывались, кажется, совершенно иными...

Пока Таня колебалась, из-за большого продуктового склада в лагере показались еще трое, выглядевшие точь-в-точь, как тот, первый. Нет, что-то тут не так! Ее охватило ощущение приближающейся опасности. Кусая губы, она сорвала с приборной доски трубку телефона. Молчание, глухое молчание...

Это все же случилось! Незванов был прав, каким-то образом в лагере оказались бандиты! Они захватили лагерь, повредили связь... Таня не сразу поняла, что далекие сухие щелчки, похожие на стрекотание швейной машинки, означают выстрелы... И что стреляют в нее! Только когда взметнулись фонтанчики пыли перед радиатором джипа, она опомнилась и бросилась в машину.

— Да заводись же! — молила она, снова и снова поворачивая ключ зажигания.

То ли ее мольбы дошли до Господа Бога, то ли ей повезло, но двигатель чихнул, зарокотал, и джип медленно сполз с песчаного холма. Теперь он был недостижим для обстрела из лагеря. Таня закрыла глаза, сосредоточилась и попыталась во всех подробностях восстановить в памяти карту. Надо ехать направо, к северо-востоку, там другая дорога...

— Посмотрите туда... — тронул Беркута за плечо Юра.

Беркут взглянул на хорошо видимый за пределами лагеря песчаный холм, на вершине которого что-то поблескивало, и, нахмурившись, проворчал:

— Что за чертовщина? Автомобиль?

— Похоже...

— Этого еще не хватало! Стреляй, чего ты ждешь!

ЛСВ затряслась и извергла веерообразную очередь. Блик на холме померк, но, похоже, не оттого, что пули разбили ветровое стекло машины, а потому, что она скрылась за холмом.

— Догнать на джипе и уничтожить! — распорядился Беркут.

— Слишком далеко... — смерил взглядом расстояние Юра. — Может и уйти. Позвольте на вертолете догнать!

— Не будем рисковать вертолетом. Мало ли что это за машина... Может, они там вооружены. Отправь двоих на джипе.

Наблюдая, как двое — Сергей и Валерий — бегут к машине, Беркут наморщил взмокший лоб. Он был готов к неожиданностям — идеальных операций не бывает... И этот неведомый откуда взявшийся автомобиль — не самое худшее из возможных ситуаций. Но все-таки, черт бы его подрал!..

Открытый джип Сергея и Валерия устремился в погоню.

Таня не просто обратилась в бегство. В голове у нее билась одна мысль: кроме нее, никому предупредить о бандитах! Только бы уйти! Она надеялась, что у нее достаточно форы, но, к сожалению, ошибалась... Когда машина преследователей вывернула из-за холма, Таня закричала от ужаса. В пустыне они расстреляют ее, как на тренировочном полигоне...

— Смотри, это женщина, — слегка удивленно отметил Сергей.

— Да хоть ангел небесный, — равнодушно откликнулся Валерий. — Могильные черви — не джентльмены.

Сергей выставил из окна ствол штурмовой винтовки, дал очередь, но промахнулся и выругался:

— Дьявольщина!

Тут же Валерию пришлось затормозить у крутой ложбины. Пылевая туча накрыла машину. Когда она рассеялась, джипа с девушкой уже не было.

— Где же она? — изумился Сергей.

Перед ними простиралась пустыня, вдали виднелись горы, называемые в оперативных планах Беркута «Один-Один» и «Один-Два». Джип, за которым они охотились, исчез.

Таня остановила автомобиль за невысоким барханом. Издали пустыня должна была казаться ровной, на это она и рассчитывала. Ее расчет оправдался. Машина боевиков начала объезд по большому кругу в поисках пропавшего джипа. Когда она достигла точки наибольшего удаления, Таня ударила по педали газа, с ходу набирая скорость. Она старалась не думать о том, что будет, если ее джип перевернется, завязнет в песке... Или вновь заглухнет мотор. Все эти варианты одинаково означали смерть, да и без них шансов было немного.

Боевики, в свою очередь, проклинали все на свете.

— Под землю она, что ли, провалилась?! — зло кричал Сергей. — Или это был мираж?

— Найдем, — процедил Валерий сквозь зубы. — Некуда ей деваться.

— Вон она! — вдруг воскликнул Сергей, указывая на скачущий по песчаным волнам джип Тани, удаляющийся к горам. — Не дай ей уйти за гору!

Валерий остервенело заработал рычагом переключения передач. Джип накренился, выпрямился и помчался по прямой. Сергей стрелял без особой надежды попасть с такого расстояния. Запищал сигнал радиовызова. Из лагеря выходили на связь по рации, работающей в максимально защищенном от перехвата режиме.

— Говорит Беркут. Что у вас?

— Преследуем ее. Уходит к горам, но шансов у нее маловато.

— У нее? Это что, женщина?

— Да...

— Одна?

— Да.

— Надеюсь, у вас хватит галантности пристрелить ее без мучений, — пробурчал Беркут и отключился.

Сергей прикинул на глаз дистанцию до насыпи, за которой скрылся джип, и скомандовал:

— Поднажми!

Таня тем временем мчалась вперед. Дорога к горам постепенно превращалась в жуткое и опасное каменное месиво. Автомобиль прыгал на камнях, как резиновый мячик. Если лопнет камера...

Но первым не повезло боевикам. Когда они уже почти выскочили за насыпь, колесо их джипа налетело на острый обломок и с грохотом рвануло. Машина закувыркалась с откоса, и даже рама, на которую при необходимости натягивался тент, не спасла Валерия и Сергея — с ними было покончено. Беркут понапрасну вызывал их, ответить было некому.

А джип Тани, столкнувшись с огромным валуном, вдруг перевернулся на полном ходу и замер, завалившись на бок. Она отцепила ремень безопасности, со стоном выкатилась из машины. Кажется, вывихнута нога... Как больно!

6

Молчание двух боевиков скорее раздосадовало Беркута, чем всерьез обеспокоило его. Что с ними — авария, разбита рация? Они ранены? Или погибли? Но высылать на их поиски другую машину уже некогда, операция началась. Ладно, это новые ребята. Если их и прихватят, они на след не выведут, сами ничего серьезного не знают. А если мертвы и тела впоследствии будут опознаны, тоже не страшно — парни не «засвечены», нити никуда не поведут. Беркут все-таки надеялся, что Сергей и Валерий достали женщину в машине, впрочем, если и нет, она уже вряд ли куда успевает.

Он руководил действиями своих людей по радио, оставаясь в лагере. Не из лишней осторожности, просто это была единственная возможность контролировать обстановку и там, и здесь. А «там» — то есть на пути каравана — все развивалось по плану... До тех пор, пока Беркут не услышал радиоголос, полный отчаяния, разочарования и злобы:

— Беркут, Беркут, здесь «Второй»... Эти чертовы грузовики! Мы потрошим их один за другим, но в них мешки с лимонной кислотой! Только лимонная кислота!

— Этого не может быть, — машинально пробормотал Хорин, но тут же спохватился и перешел на командный тон: — «Второй», слушайте приказ. Расстреливайте их одного за другим, пока кто-нибудь не подскажет, где спрятано то, что мы ищем.

— Приказ понял. Выполняю!

Новый доклад поступил очень скоро.

— Здесь «Второй». Они сдали один мешок... Только один, да и в нем товара всего-ничего под кислотой. Это, что ли, наши миллионы?!

— Да, это, — облегченно вздохнул Беркут.

— Как... И все?!

— Все.

— Как?! И ради этого...

— Ради этого, — раздраженно подтвердил Беркут. — Все! Задание выполнено, возвращайтесь. Отбой!

— Понял. Возвращаемся.

7

Черная машина остановилась перед калиткой дачи Девятова, из нее вышли трое. Прибывшие не разговаривали между собой. Один из них просунул какое-то лезвие в щель, поднял щеколду, и они двинулись к дому. Где-то играла музыка, слышался отдаленный смех и перекличка женских

голосов. Поднявшись на крыльцо, тот же человек отпер дверь отмычкой, и все трое бесшумно ступили на вытертый ковер прихожей.

Девятков не спал. Из гостиной доносился звук работающего телевизора, на стены падал цветной мигающий отсвет экрана. Ночные гости вошли в комнату, и тот, что орудовал отмычкой, негромко позвал:

— Хозяин!

Девятков вздрогнул так, словно ему в бок всадили иглу. Вскочив с кресла, он испуганно забормотал, косясь на направленные на него пистолеты:

— У меня при себе не очень много денег... Здесь на даче ничего особо ценного нет... Вы же не станете стрелять, а?

— Не валяйте дурака, Девятков, — тихо и внятно ответили ему. — Собирайтесь. Поедете с нами.

В полумраке гостиной лицо владельца дачи последовательно отразило широкий спектр эмоций, начиная от удивления и кончая страхом.

— Кто вы, господа? Я не...

— Одевайтесь, — не дослушав, равнодушно бросил один из троих. — У нас мало времени.

Не осмелившись пуститься в расспросы, Девятков торопливо сбросил халат, натянул брюки и серую водолазку. Он позволил себе только один робкий вопрос:

— Я арестован?

Ответом было молчание, но Девятков и сам уже сообразил, какую чушь ляпнул. Когда приходят арестовывать, называют себя, предъявляют санкцию... Ему ли не знать, как арестовывают! Может быть, это похищение с целью выкупа? Но всем своим существом он подсознательно, с ноющей тоской, ощущал: нет, это не похищение ради денег. Дела обстоят хуже, много хуже.

Двое вытолкнули Девяткова на крыльцо и повели его к машине, третий помедлил немного, выключил телевизор, аккуратно запер за собой входную дверь и присоединился к остальным.

За полтора утомительных часа езды не было произнесено ни слова. Девятков так и не догадался, куда его привезли. Не в Москву... Какой-то городок, тускло освещенная улица, двор, в глубине светятся окна двухэтажного дома... Машина замерла у подъезда. Его провели по коридору первого этажа, потом по лестнице в подвал, открыли толстую дверь. Вслед за ним вошел и один из тех, кто его привез.

Девятков огляделся. Он находился в небольшой комнате с голыми стенами из пористой пластмассы — в нескольких местах покрытие было содрано, и за ним поблескивал металл. У правой стены стояла узкая кушетка, у левой — выкрашенный белой краской столик на колесиках, какие

стоят обычно в стоматологических кабинетах. Сходство с кабинетом стоматолога дополняло и кресло с подголовником в центре комнаты. Из противоположной от двери стены торчали какие-то краны и открытые жерла труб, а со всех четырех сторон угрожающе глядели объективы телекамер, вмонтированные под стеклянные панели. Девятов без сил опустил на кушетку. Чем бы ни было это место, для чего бы ни предназначалось, от него веяло стерильной холодной смертью. Часа два в такой камере могли свести с ума.

— Как вам у нас нравится, Алексей Матвеевич? — осведомился мужчина, вошедший следом. — Уютно, правда? Позвольте представиться — Злобин Петр Петрович.

— Уютно, — криво ухмыльнулся Девятов. — Как в гестапо.

— Ну что вы, какое гестапо, — обиделся Злобин. — Это научная лаборатория... Просто здесь можно поговорить без помех. Но так как я спешу, не буду тратить время на любезности. Познакомьтесь для начала вот с этим.

В его руке появился маленький блестящий баллончик. Аэрозольное облачко с шипением окутало голову Девятова, а Злобин поспешно вышел и захлопнул дверь.

Девятову не хватало воздуха, он задыхался. Кожа на лице покраснела, покрылась синюшными пятнами, глаза выкатились. Он рванул воротник, вцепился руками в горло и захрипел. Чудовищные образы роились в его отравленном мозгу. Ему казалось, что миллионы бритвенных лезвий рассекают его снаружи и изнутри, он корчился на полу в припадке безумия, падал в темный тоннель, в конце которого его ждало нечто настолько ужасное, что ни один человек не в силах вынести этого...

И вдруг из открытой трубы повеяло свежим воздухом. Девятов поднялся и, шатаясь, повалился в кресло. Он дышал часто и глубоко. Его взгляд остановился на участке стены, где пластик был содран, и он подумал, что прочную пластмассу сдирали пальцами, а эти бурые пятна вокруг — следы крови из-под сломанных ногтей... Черт, если это все-таки спецслужба, неужели они пользуются такими методами?! Невозможно поверить...

Дверь открылась, и в помещение вошел Злобин.

— Это было предупреждение, Алексей Матвеевич, — сказал он. — В сущности, весьма безобидный газ. У нас есть и другие. Один, например, действует как «сыворотка правды». После него вы расскажете все, но, увы, превратитесь в слабоумного инвалида навсегда. Может, лучше не доводить до этого?

Низкий, проникающий во все закоулки сознания голос Злобина звучал будто отовсюду. Голос этот казался Девятову смутно знакомым, но он

никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах мог его слышать. Неожиданно его охватило возмущение. Никто не имеет права подвергать человеческое существо таким страданиям, нет на свете преступления, заслуживающего подобного наказания! Но этот всплеск возмущения так и не вырвался наружу, более того, оказался первым и последним. Слишком яркими и сильными были впечатления от темного тоннеля...

— Спрашивайте, — прохрипел он.

Злобин нажал кнопку диктофона и произнес:

— Вопрос первый. Кто надоумил вас использовать Слепакова для устранения Клинского?

Девятков уже отдышался. Теперь он мог сносно соображать и представлял последствия своих ответов, а значит, неплохо бы сделать их как можно более обтекаемыми. Если он станет врать — его отравят газом, если будет чересчур откровенен — об этом могут проводить те... другие, и тогда его, так или иначе, все равно убьют. Удалось бы удержаться на узкой грани...

— Это был человек из лагеря Карсавина... Стас Волин, — хрипло выдавил он.

— О, нет, — усмехнулся Злобин. — Допускаю, что Волин мог передать вам чей-то приказ... Но кто его отдал?

— Я ничего не знаю! Я выполнял только отдельные поручения за деньги. Покачав головой, Злобин достал баллончик.

— Нет! — торопливо воскликнул Девятков. — Это был... это была Лена Смолина.

— Надеюсь, вы понимаете, чем кончится любая попытка обмануть нас?

— Вполне! Я говорю правду...

— Будем надеяться.

Щелкнув кнопкой диктофона, Злобин вышел и поднялся в комнату, где сидели у мониторов двое сотрудников отдела Костина. Никаких записей здесь, правда, не велось, потому что происходившее внизу было, мягко говоря, не вполне законным.

— Все, он «поплыл», — констатировал Петр Петрович. — Нужно немедленно передать информацию о Смолиной Незванову в лагерь.

Они обменялись понимающими взглядами. Девятков и вправду «поплыл», не подозревая, что его попросту взяли «на пушку». Никакой камеры пыток, разумеется, не существовало и в помине — просто впечатляющая декорация. Не существовало и ужасного газа — «сыворотки правды», превращающего в инвалида. Тот же газ, которым Злобин брызнул в лицо Девяткову, был вполне легальным средством самозащиты, правда, не предназначенным для использования в закрытом помещении! Так что Злобин, по сути, провел всего лишь «психическую атаку»...

— Сейчас передам, — кивнул один из сотрудников. — А вы?

— Продолжу допрос, — ответил Злобин и вернулся к Девятову.

Допрос продолжался еще около двух часов, но не принес сколько-нибудь значительных результатов, Девятов, как и следовало ожидать, оказался почти пуст. Может быть, Незванову больше повезет со Смолиной...

— Отвезите его домой, — распорядился Злобин, — и не спускайте с него глаз. Если захочет встретиться с кем-то — интересно, посмотрим... Вряд ли возня с ним еще что-нибудь даст, но лимон полагается выжимать до конца...

— А что потом с ним будем делать?

— Когда чуть освободимся, через прокуратуру выдвинем против него обвинение в соучастии в убийстве Клинского и упрячем в тюрьму. Думаю, это самое подходящее для него место.

— А если он захочет рассказать на суде о сегодняшней встрече с нами?

— Едва ли! Ну а захочет — так пусть себе. Мы живем в свободной стране. Фантазировать у нас никому не запрещается.

8

Повисшая на шнуре трубка чудом уцелевшего телефона в разбитой машине Тани неожиданно загудела. Связь! Нужно попытаться позвонить в лагерь. Только так она установит, там ли бандиты или их уже нет, и поймет, что делать дальше. Она дотянулась до трубки.

Ей ответил Незванов. После краткого разговора с ним стало ясно, что нужно возвращаться. Она сумела бы, наверное, добраться до лагеря и сама, пешком. Вывиха у нее не было, только сильное растяжение, но и с такой болью нелегко брести по камням и песку! Но Незванов настоял, чтобы она ждала машину... А в лагере ее известили об исчезновении Баргина. Она держалась мужественно, сказала только: «Исчез — не значит погиб. Он вернется».

Незванову некогда было ее утешать, он не мог откладывать главное — визит к Смолиной. Подойдя к ее трейлеру, он постучал. Не дождавшись отклика, подергал ручку. Заперто. Тогда, недолго думая, подобрал валявшуюся поблизости железяку, и грубо взломал замок.

В трейлере Незванову надо было найти одну вещь, не такую маленькую, чтобы ее можно было очень уж надежно спрятать, и нашел ее под полом, открыв люк автономного электрохозяйства. Там же он обнаружил и еще кое-что весьма примечательное, после чего уселся на койку, закурил и стал ждать.

Лена Смолина появилась через полчаса. На белоснежной повязке, охватывающей ее простреленную левую руку, проступало свежее пятно

крови. Она была бледна, но в целом выглядела неплохо. Увидев Незванова, а особенно его находку, которую он держал в руках, она вздрогнула, но тут же овладела собой.

— Простите, Николай... эээ... Матвеевич...

— Михайлович, — поправил Незванов.

— Зачем вы взломали дверь? Что вы здесь потеряли?

— Вот это. — Незванов поднял руку и показал Смолиной портативную рацию «Райдер Р40».

— Что это такое?

— Рация, по которой вы связывались с сообщниками. Я нашел ее вон в том небольшом люке. Радиус действия этих раций невелик. И если вы от нее не избавились, не отдали вашим бандитам, значит, кто-то из них еще в пределах досягаемости. Или будет в этих пределах в оговоренный срок?

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — возмущенно заявила Лена. — Бандиты? Да они чуть не убили меня! На ваших глазах в меня стреляли! А эту штуковину я вижу впервые.

— Да, да... Чуть не убили... Правда, ранение мягких тканей руки не всегда смертельно, зато смотрится убедительно. И учитывая, как тщательно они оберегали ваше инкогнито, вы занимаете среди них не последнее место... Что до этой штуковины, которую вы «впервые видите», то позвольте вам напомнить, что я — сотрудник ФСБ, и, разумеется, не мог прибыть сюда без кое-каких специальных средств, в частности для работы с отпечатками пальцев. На корпусе рации их множество. Не знаю, правда, чьи они. Давайте сравним. Приложите ваши пальчики к крышке стола, и я при вас произведу проверку. Результаты вы увидите сами, и если я не прав — тут же принесу извинения.

Никаких приборов для экспертизы у Незванова не было, но Лена не могла знать этого. Николай Михайлович видел, как тени пробегают по ее лицу. Смолина прямо-таки изнемогала в лихорадочных поисках приемлемого ответа.

— Я... нашла эту штуку, — сказала она, наконец. — Я не поняла, что это такое, хотела разобраться, а тут начались все эти события, так что...

— Хватит! — жестко оборвал ее Незванов. — Нет смысла играть в полицейских и воров. Рация тут, в общем, ни при чем, дополнительная улика. Вас выдал Девятов.

— Скотина! — невольно вырвалось у Смолиной.

— Будем считать сей нелестный эпитет чистосердечным признанием, — удовлетворенно улыбнулся Незванов.

— Мне плохо... Мне нужно выпить... — Лена, побледнев, потянулась к холодильнику.

— Выпивать нам пока не за что, — не слишком галантно отрезал Незванов. — Я вот еще что нашел в том же люке. Смотрите — паспорт на имя Григорьевой Ирины Александровны. С вашей, между прочим, фотографией. Интересно, это запасной вариант или основной? И какая фамилия настоящая? Или ни одна из них?

— Подонок! — выкрикнула Смолина.

— Я? Ну, тут с вами многие не согласятся... Но не будем тратить время на обсуждение моего морального облика.

Незванов с интересом наблюдал, как меняется выражение ее глаз. Ненависть уходила из них, уступая место какому-то потустороннему спокойствию. Если она приняла решение, оно должно оказаться незаурядным...

— Николай Михайлович, — заговорила Лена, — вы могли бы стать просто Николаем для меня... Послушайте... Вы молоды, смелы и умны. А я... Теперь у меня будут деньги, много денег... Меня называли Фениксом, так помогите мне возродиться из пепла. Вдвоем мы могли бы завоевать мир...

Незванов подавил вздох, выдающий скуку. Он ожидал от Смолиной более оригинального хода.

— Ну да, да, — закивал он. — Конечно. Я безумно счастлив. Но давайте начнем завоевание мира с малого — с информации, которую я хочу от вас получить.

— Если я расскажу вам кое-что, как вы поступите со мной?

— Если вы расскажете все, а не кое-что, — подчеркнул Незванов, — то сможете рассчитывать на снисхождение, когда я передам вас правосудию. В противном же случае, боюсь, милосердия к вам проявлено не будет. Я обойдусь и без вас, мне уже достаточно известно. Но подумайте о собственной судьбе.

— Спрашивайте, — буднично обронила Смолина.

— Начнем со сценария. Каким образом Карсавину удалось описать в сценарии места, которые он никогда не видел?

— Это самое простое. Их видела я. Ведь у нас с Карсавиным... как бы творческий союз, что ли... Когда он писал сценарий, я частенько заходила к нему, восхищалась готовыми кусками и ненавязчиво подсказывала: как красиво было бы ввернуть вот сюда то, а сюда — это. Бедняга Карсавин до сих пор свято убежден, что полностью сочинил сценарий сам! А дальше — еще проще. Я вклеила страницы с фотографиями здешних пейзажей в номер журнала «Путешествия и приключения» и подсунула его Карсавину. Эти поддельные страницы, изготовленные с помощью компьютера, никто бы не смог отличить от настоящих...

— Понятно... Значит, вот как вы к нему подобрались. Но вам не повезло с Клинским...

— Скорее не повезло ему. Он случайно наткнулся в самолете на пистолет Волина, комплект из шести раций и, главное, — схему...

— Какую схему?

— Это была предварительная разработка плана нападения на караван... расположение объектов на местности, расчеты... Она была необходима Волину, на свою память он не полагался. Клинский не оставил нам выхода. Решив шантажировать Волина, он...

— Подождите, — прервал ее Незванов. — А каковы были функции Волина в лагере?

— Вылазки для дополнительной разведки, уточнение деталей, непосредственная подготовка оперативной базы. Помимо того, моя личная охрана...

— Охрана от кого?

— Не от кого-то конкретного. Просто на всякий случай.

— Гм... Значит, оружие он привез с собой, так сказать, на всякий случай. Ладно. Но для чего шесть раций, если вас было только двое в лагере?

— Остальные предназначались для связи во время операции.

— Да? Тогда почему нельзя было привезти их в ящиках с оружием на вертолете?

— Потому что их приобретал Волин в Москве.

— Где сейчас схема Волина?

— Не знаю.

— То есть, как это не знаете?

— Выкупив схему у Клинского, Волин передал ее мне, а я — Беркуту... Это псевдоним командира боевой группы...

— Не псевдоним командира, а кличка бандита, — презрительно поправил Незванов. — Кстати, его настоящее имя?

— Владимир Хорин.

— И что это за Национальный Конгресс, о котором он тут разорялся? Следы запутывали, под идейных террористов работали?

— Я за Хорина не отвечаю.

— Отвечаете, вы за все отвечаете... Но ваша помощь, конечно же, будет учтена, а я пока доволен ходом нашей беседы. Продолжим. Записку Клинскому с просьбой о свидании писали вы?

— Волин. Графологическая экспертиза могла бы установить лишь подражание моему почерку.

— Не так глупо, — заметил Незванов. — А старику было приказано стереть отпечатки пальцев с ножа и скрыться в заброшенном селении... Его все равно бы скоро нашли, но так его задержание уже не выглядело откровенной подставой. А тут еще подвернулся Баргин — двойная удача, он еще

больше все запутал, а вы выиграли время... А оператор Лакшин? Он снял какой-то ваш разговор с Волиным?

— Да, к его несчастью... Мы не знали, как много он слышал и видел, что получилось на записи... Тогда Волин сжег все его камеры...

— Волин, Волин, — вздохнул Николай Михайлович. — Во всем этот Волин виноват, прямо Мефистофель какой-то... Но убийства Клинского и Лакшина, ваша роль в них — это уже работа для следствия и суда. Меня сейчас больше всего интересует одно имя. Имя человека, который за всем этим стоит. Автора идеи, организатора всей этой мерзости.

— Я же назвала вам имя. Владимир Хорин.

— Хорин — сошка относительно мелкая, — поморщился Незванов. — А мне нужен ваш профессор Мориарти. Не тот, кто бежит с оружием, а тот, кто мыслит в центре паутины.

— Если я скажу правду, вы не поверите, Николай Михайлович.

— А вы скажите, я разберусь.

— Это моя операция, — выпалила Лена. — От начала и до конца — моя! Это я все придумала и организовала!

— Любопытное признание... До сих пор вы говорили правду, а сейчас так грубо солгали. Зачем? На что вы рассчитываете? Ведь если бы я вам поверил, немедленно потребовал бы у вас всех деталей, а их-то вы и не знаете... Как бы выкручивались?

— Николай Михайлович, все, хватит... Я смертельно устала...

— Поверьте, я тоже. Итак... Имя?

— Я не могу! Это страшный человек!

— Тогда вам тем более будет спокойнее, когда он окажется за решеткой.

— Я умоляю вас, дайте мне выпить!

Покосившись на холодильник, Незванов согласно кивнул. Похоже, выпить ей и впрямь необходимо... Холодильник он осматривал во время обыска, никакого оружия и прочих опасных предметов там нет. Не травиться же она собирается, в самом деле... Возможно, настоящая идейная террористка так бы и поступила, но тут расклад другой.

Смолина встала, открыла дверцу холодильника, потянувшись к початой бутылке коньяка, но вдруг стремительно обернулась. В ее руке блеснуло узкое лезвие, что-то вроде скальпеля или стилета. В первую секунду Незванов даже чуть не улыбнулся. Что может сделать ему раненая женщина с таким несерьезным оружием?

Но он недооценил противницу. Она бросилась на него с такой дикой кошачьей яростью, что он едва успел уклониться. Лезвие рассекло воздух в сантиметре от его груди. Смолина атаковала с неожиданной силой, гибкостью пантеры, а опасное совершенство ее движений выдавало нешуточную

подготовку. Второй выпад неминуемо завершился бы роковым для Незванова ударом в сердце, если бы тот не опередил. Ногой он ударил по кулаку женщины, сжимавшему стилет... Это был удачный удар. Настолько удачный, что лучше бы его не было! Стилет в руке Смолиной вонзился прямо в ее горло. Фонтаном хлынула кровь, и Незванов, инстинктивно отступив к стене, прошептал:

— О, Господи!

9

Баргина держали в небольшой темной комнате с двумя зарешеченными окнами, прикрытыми вдобавок ставнями. Единственным источником света в комнате была тусклая настольная лампа, так что догадаться о времени суток было трудновато. Обстановка состояла из жесткой кровати, двух табуретов и дощатого стола. Его пугало то, что бандиты общались с ним БЕЗ МАСОК. Это могло означать лишь одно: раз они не скрывают от него лиц, следовательно, ни при каких условиях не намерены отпускать живым...

Беркут посетил его в день прибытия, держался ровно и вежливо. Он задавал дежурные вопросы, но у Баргина сложилось впечатление, что главарь банды не слишком заинтересован в ответах. Зачем же они взяли его с собой?

Второй визит Беркута отличался от первого тем, что он пришел не один, а в сопровождении рослого парня с автоматом. Остановившись в дверях, главарь с усмешкой взглянул на Баргина и сказал:

— Позвольте пригласить вас на маленькую вечеринку, Борис Дмитриевич.

— К Господу Богу?

— Ну что вы... Это еще успеется, куда вы так спешите... Идемте, идемте!

Боевик подтолкнул Баргина стволom в спину. Все трое вышли в коридор, спустились по лестнице на первый этаж и оказались в просторной и даже уютной гостиной, где из динамиков стереосистемы струилась романтическая мелодия. Если бы не присутствие вооруженных людей, можно было бы подумать, что Баргин, и впрямь, приглашен на вечеринку... Тем более что в кресле с бокалом в руке сидела девушка, вполне подходящая на роль хозяйки приема. Выглядела она лет на двадцать пять, изящная ша-тенка с короткой стрижкой. Ее большие глаза с зеленоватым отливом смотрели на Баргина не улыбаясь, но без ярко выраженной враждебности.

— Представляю вам Ингу, Борис Дмитриевич, — проговорил Беркут, — остальных представлять излишне. В мое отсутствие она будет курировать вас. Садитесь сюда, — указал он на хорошо освещенный стул у окна.

Борис подчинился. Инга направила на него объектив «Поляроида». Последовала вспышка, картонный квадратик с гудением выехал из щели.

— Собираетесь устроить мне паблисити? — усмехнулся Баргин. — Учтите, интервью только для солидных газет, и фотография должна быть обязательно на первой странице.

— Хорошо, я запомню, — хмыкнул в ответ Беркут. — А пока прочтите-ка вот это.

Он вручил Баргину лист бумаги, на котором был отпечатан следующий текст:

«Ваш сотрудник в наших руках. По прилагаемой фотографии вы можете видеть, что он жив и здоров. Вы можете получить его обратно целым и невредимым — в том случае, если выполните наши требования — или по частям, если откажетесь. Требования таковы — на две недели с момента получения этого письма прекратите всякую активность по делу «легкокрылого ангела». У нас есть способы проверить, выполняется ли это условие. Если мы заметим хоть малейшее проявление упомянутой активности, Борис Баргин умрет. Видеозапись его последних минут будет выслана вам, а также средствам массовой информации. Пусть мир узнает, как ФСБ заботится о своих людях. Однако мы уверены в вашем благоразумии».

— Неплохо, — заметил Борис, возвращая письмо Беркуту, — да только ничего у вас не выйдет. Не такая я важная персона, чтобы ради меня вас оставили в покое.

— Молитесь, чтобы вышло, ведь это ваш единственный шанс... Но как видите, в письме нет обращения. И показал я его вам затем, чтобы вы мне подсказали, кому именно в ФСБ его адресовать. Кто ваш непосредственный руководитель?

Борис ненадолго задумался. Назвать Костина? Не подставит ли он полковника таким образом? Конечно, нет. Бандитам до Костина не добраться, да если бы и могли, что дало бы им убийство полковника? Лишь ухудшило бы их положение, ведь тогда ни о каком «выполнении требований» не шло бы и речи. Они это должны хорошо понимать. А вот Костину такое письмо могло бы помочь... Это не только способ дать ему знать, что Баргин жив, но и определенная нить, ведущая к банде.

— Адресуйте полковнику Юрию Ивановичу Костину, — сказал он.

— Он в Москве?

— Не знаю. Но этим делом занимается он.

— Хорошо. Где бы он ни был, новости до него дойдут сразу. Я сам отвезу письмо в Москву, это будет надежнее и быстрее здешней почты... Инга, снимок уже проявился? — Беркут взял у девушки снимок с проступившим на свету изображением, протянул Борису: — Напишите что-нибудь внизу для вашего полковника.

— Что написать?

— Что-нибудь слезное...

Пожав плечами, Борис размашисто начертал на белом поле под фотографией: «Пошлите их к черту, полковник!»

— Сойдет, — ухмыльнулся Беркут. — Очень убедительно. Ну, да мы еще поговорим после моего возвращения...

10

Беркут уехал. Об этом Баргину сообщила Инга, когда через несколько часов пришла к нему в комнату в сопровождении хмурого верзилы, принесшего еду.

— Как вы думаете, ваши руководители в ФСБ хоть палец о палец ударят, чтобы спасти вас? — спросила она.

— Постараются, конечно, — неопределенно ответил Баргин.

Инга усмехнулась и пристально посмотрела на него:

— Мне кажется, вам уже никто не поможет... Кроме вас самого. Вы должны подумать об этом. — И уже другим, более безразличным тоном добавила: — Ваша жизнь зависит от того, насколько тесно вы будете с нами сотрудничать... Подумайте над моими словами.

Когда они ушли, Борис долго ходил взад-вперед по комнате. Что она хотела сказать? На кой черт им нужно какое-то сотрудничество? Он просто заложник... Или Инга ведет какую-то свою игру? Ничего не понятно.

Некоторое время спустя к нему зашел все тот же хмурый верзила, швырнул на стол кассету с альбомом «Сержант Пеппер», как явствовало из надписи на ней, и захлопнул дверь снаружи.

Борис открыл пластмассовый футляр, извлек кассету и вложил в магнитофон. После нажатия клавиши воспроизведения зазвучали стартовые аккорды «Сержанта». Однако «Биттлз» пели недолго. Уже в начале второй песни музыка смолкла, и в наступившей тишине шепотом позвал едва слышный голос с кассеты:

— Борис Дмитриевич... — Баргин узнал голос Инги, — слушайте... Ни в коем случае не ложитесь спать и будьте наготове... Когда я приду за вами, некогда будет вас инструктировать, поэтому просто следуйте за мной, старайтесь понимать с полуслова и без слов... Я на вашей стороне... Все, сюда идут... Я скоро... Через час, максимум два...

В динамике что-то пискнуло, и песня возобновилась. Борис остановил пленку, отмотал назад и снова прослушал обращение Инги. Что это — ловушка? Но зачем, когда он и так в их руках? Возможно, Беркут задумал какое-то театрализованное представление с непонятной пока целью...

Но как бы там ни было, Борис и не думал уклоняться от участия в игре. Он стер с ленты шепот Инги и запустил музыку дальше, да погромче — пусть слышат.

Текли минуты и часы, а Борис никак не мог точно определить, сколько их прошло. Ключ брякнул в замке, по его приблизительным прикидкам, часа через четыре. Но это оказалась не Инга, а персональный официант Баргина с новыми угощениями — его явно не собирались морить голодом.

«Через час, максимум два», — сказала она. Что-то случилось, помешало? Или она и вовсе не собиралась приходить, а пленка — это пролог к невесть какому замыслу Беркута? И что же делать Борису? Сидеть взаперти и ждать, пока его нашинкуют и отправят в подарок полковнику Костину в коробке из-под праздничного торта? Нет, друзья мои, не тут-то было... Понятно, что дом набит вооруженными громилами. Но один из них здесь. И если удастся с ним справиться, у Бориса тоже появится оружие... И шанс.

Пока парень шел к столу, он не спускал с Баргина глаз. Но, ставя поднос на стол, он чуть наклонился, отвел взгляд и... сильнейший удар по шее, в который Борис вложил всю массу корпуса, свалил его, как подкошенного. Баргин торопливо связал его разорванной простыней, засунул в рот кляп и, вооружившись его пистолетом, покинул комнату. На лестничной площадке он остановился — внизу маячил еще один бандит в черном комбинезоне, с автоматом.

Борис беззвучно прокрался по лестнице, вырос за спиной боевика, зажал ему рот рукой и ударил рукояткой пистолета по затылку. Парень поник в его объятиях, а он, подхватив автомат, осторожно уложил охранника у лестницы и двинулся дальше.

За дверью одной из комнат слышались шаги. Баргин вжался в стену. В коридор вышел коротко стриженный блондин и тут же замер, потому что в его спину уперся ствол автомата.

— Тихо! — шепнул Борис. — Если будешь вести себя хорошо, получишь конфетку... Где Инга?

Парень молча сделал движение подбородком в сторону дальней двери.

— Пошли! — распорядился Баргин.

Когда они оказались у цели, он велел открыть дверь. Блондин достал связку ключей и принялся отпирать замок. Инга действительно была в этой комнате — бесчувственная, привязанная нейлоновыми шнурами к кушетке. Борис выключил боевика ударом автоматного приклада, подхватил его ключи и склонился над девушкой. От ее губ исходил легкий запах эфира. Нечего было и думать о том, чтобы привести ее в сознание.

Он выглянул в окно. Возле дома расположились в ряд пара джипов и «ауди». Может быть, все не так плохо... Открыв окно, Борис развязал узлы на шнурах, подхватил девушку на руки, перенес на подоконник и вместе с ней выпрыгнул наружу. Перетащить Ингу в «ауди» было делом одной минуты. Но когда Борис начал подбирать ключ к замку зажигания, он услышал в доме крики и звук бегущих шагов...

Ну, все, сейчас начнется «рок-н-ролл» по ухабам.

Протрещала автоматная очередь. В ответ, изрыгая пламя, задержался автомат в руках Бориса. Один из преследователей с воплем упал, схватившись за пробитое предплечье. Воспользовавшись замешательством боевиков, Борис отбросил автомат на сиденье, лихорадочно перебирая ключи. Промелькнула мысль прострелить колеса джипов, но было поздно. Двое бандитов уже мчались к стоянке с крыльца, поливая «ауди» свинцовым дождем. Вопрос о том, куда ехать, был излишним: от дома вела только одна дорога.

На «хвосте» повис джип, и Борис пожалел, что выбрал «ауди» — на раскисшей дороге решающим качеством была не скорость, а проходимость. Хорошо еще, что в погоню ринулся только один джип, а не оба! Некому на втором ехать, что ли?

Внезапно заросли оборвались, и дорога потянулась по берегу реки, пологому и открытому, где спрятаться было негде. Теперь выиграет не тот, у кого мощнее машина, а тот, кто лучше стреляет. Вовсю давя на газ, он увидел в зеркальце заднего обзора, как боевик на полкорпуса высунулся в окно, стараясь тщательно прицелиться, и в этот миг очередная пуля Бориса задела водителя. Джип юзом пополз вправо и плюхнулся в реку. Вслед «ауди» полетели проклятья. Ну, не надо так волноваться, ребята... Аривидерчи, амигос!

11

Инга завозилась на заднем сиденье, застонала. Перебравшись к ней, Баргин весьма энергично потрепал ее по щекам.

— Где я? — медленно открыла глаза девушка.

— На балу удачи, — усмехнулся Борис. — Как вы себя чувствуете?

— Отвратительно... Значит, у вас получилось? Вы... мы удрали от них?

— Более или менее... А вот с вами что произошло?

— Меня застучали, когда я открывала сейф...

— Какой сейф?

— Ну, не сейф... Шкаф у них там такой железный...

— Что вы хотели оттуда взять?

— Я хотела украсть «легкокрылого ангела»...

— Ого! Так вы решили эффектно расстаться со своей любимой командой? И вы что же, рассчитывали, что я помогу вам в похищении этой гадо-сти? А потом еще вас и прикрою? Интересно, какой процент от реализации вы хотели предложить мне?

— Вы не поняли... — поморщилась Инга. — Я их ненавижу. Я хотела украсть наркотик, чтобы положить конец этому ужасу...

— Какой же это конец? — недоверчиво проговорил Борис. — Вы ведь не смогли бы унести все. Большая часть все равно бы осталась у них.

— Нет, я как раз смогла бы! То, что производится в лаборатории — не сам «ангел», а лишь полуфабрикат. Все в одной сумке можно уместить. А вот того, что получится при небольшой простой доработке, вполне хватит, чтобы отравить пол-России! Вы... не верите мне?

— Верю-не верю, — увернулся Борис, — об этом мы еще поговорим. Сейчас гораздо важнее придумать, как нам выбраться в цивилизованный мир. Где мы сейчас находимся?

— База... Ну, дом этот... Невдалеке от Самарканда располагается. Часа полтора пути по единственной дороге до шоссе. Наверное, мы именно на этой дороге, если только вы не успели уехать слишком далеко и куда-нибудь свернуть.

— На это мне не хватило времени. Километров тридцать проехал.

— Тогда надо держаться прежнего курса, и мы попадем в Самарканд.

— В Самарканд? Гм... Наша машина вся в дырках от пуль...

— И что же делать?

— Нужно позвонить. Мобильника у вас, как я понимаю, нет... Да и работает ли здесь мобильник?

— Здесь, может, и не работает, а дальше должен... Но его действительно нет!

Снова возвратившись за руль, Баргин тщательно обыскал бардачок. Ему повезло — мобильный телефон обнаружился в небольшой кожаной сумочке. Связи не было, и он тронул машину.

Только еще километров через двадцать удалось дозвониться до Костина.

— Юрий Иванович, это Баргин.

— Баргин, — машинально повторил Костин сонным голосом (очевидно, спал после процедур). — Так, так... Кто?!

— Баргин.

— Черт подери... — Полковник, похоже, стряхнул остатки сна. — Вы у них? Они позволили вам позвонить? Выдвигают требования?

— Я свободен, сбежал... Со мной одна очаровательная... То есть, один источник информации, но об этом после...

— Вы, как я погляжу, в воде не горите и в огне не тонете, Баргин... Тьфу ты, наоборот...

— Наверное, — со смешком проговорил Борис. — Так насчет встречи...

— Где вы?

— Под Самаркандом, в изрешеченной пулями «ауди». Если на нас кто-нибудь наткнется...

— А могут?

— Пока вряд ли, но... Вы сможете отследить нас по сигналу мобильного?

— Сейчас свяжусь с нашими в Самарканде. Не выключайтесь. За вами вышлют машину.

12

В Самарканде Инге и Баргину отвели номер в гостинице «Шираз», фактически являвшейся резидентурой и оперативным центром отдела Костина. Конечно, еще в пути их о многом расспросили — в частности, Инга дала точные координаты базы. Но это едва ли имело значение, там уже никого и ничего нет... Подробные же допросы в гостинице были отложены до прибытия Незванова, которого ожидали с часу на час. Впрочем, они оба, Инга и Борис, были настолько измотаны, что все равно не смогли бы ничего сказать. Им требовался отдых, но и спать они не могли из-за нервного перенапряжения. Даже недолгий телефонный разговор с Таней дался Баргину нелегко... Но, главное, теперь она знала — он жив, невредим и свободен.

Он сидел в удобном низком кресле, вытянув ноги, держа в руках полную до краев рюмку виски. Инга вышла из ванной в розовом мохнатом халате, вытирая мокрые волосы таким же розовым полотенцем. Подойдя к креслу, она села, вытянув ноги, и мечтательно проговорила:

— Как хорошо! Впервые за многие годы я чувствую себя в полной безопасности. Можете вы это понять? В бе-зо-пас-нос-ти! Жаль, правда, что это так ненадолго... Я — одна из них, меня ждут суд и тюрьма... Ну и пусть. Тюрьма лучше, чем то, что было...

— Не торопитесь в тюрьму, Инга, — покачал головой Борис. — Я не знаю вашей истории, но если вы станете помогать нам, поверьте, все может кончиться не так плохо для вас...

Инга вскинула голову, в ее настороженных глазах засветились искорки надежды.

— Вы так считаете?

— Почему бы и нет, — уклончиво ответил он.

— Хотите, чтобы я рассказала о себе?

— Было бы неплохо услышать от вас историю вашей жизни...

— Мне двадцать шесть лет, — начала Инга. — Я родилась в Москве, а мой отец очень хотел дать мне хорошее образование. Считая, что это возможно только в Европе, он отправил меня учиться в Англию. Но про учебу вам, наверное, неинтересно, я это опускаю... В общем, с образованием получилось. Я изучала историю, философию, социологию, знаю четыре языка... Когда я вернулась, на беду свою, познакомилась с Хориным, то есть Беркутом... Ну, главарем... Узнав, что я была в Англии, он, что называется, сел мне на «хвост». Видимо, рассчитывал через меня контакты за границей завязать... Он совершенно очаровал меня, увлек не только собственным обаянием — это он умеет, надо признать, — но и жаркими проповедями о свободной, независимой, полной приключений жизни и тому подобном. Не успела я опомниться, как уже принимала участие в деятельности его банды. Началось с мелочей. Поначалу это казалось мне романтической игрой, но постепенно я стала прозревать. Все они были какие-то издерганные, ненавидящие весь мир из-за своей несостоятельности. Но, главное, — они убивали, Борис... А я помогала им, способствовала преступлениям! И в один прекрасный день словно увидела себя со стороны и ужаснулась: что я делаю? Мною все больше и больше овладевала мысль — сбежать. Но как, куда? Они нашли бы меня где угодно. Когда появились вы, Борис, я увидела в вас свой шанс. Вы не подумайте, я все равно нашла бы способ сбежать от них, но мне искренне захотелось вам помочь...

— Я верю вам... Но нужно, чтобы и другие поверили. Вы должны помочь изловить Беркута и его покровителей, навсегда прекратить их кровавые подвиги. Вы готовы к этому?

— Да, — не задумываясь, ответила Инга. — Да, безусловно.

Настроение ее не улучшилось после этой беседы. Она, видимо, надеялась на понимание, на душевное созвучие, а вместо этого получилось что-то вроде односторонней исповеди. Видя, что происходит с ней, Баргин подошел ближе, обнял ее за плечи, заглянул в глаза и с теплотой в голосе произнес:

— Простите меня, но то, о чем я вас спросил, не пустяки... От этого зависят жизни людей. Многих людей, Инга. А пока давайте попытаемся уснуть хоть ненадолго. Ложитесь в спальне, а я здесь, на диване устроюсь.

Она даже не пожелала ему спокойной ночи.

Задержав шторы, Борис улегся на диван. Он ожидал, что уснет сразу же, как только голова коснется диванной подушки, но сон все не шел. Это нервы... Разладилось что-то в организме... Почему он и в самом деле не сотрудник ФСБ! Те, наверное, проходят какие-нибудь курсы психологических тренировок на подобные случаи... Он долго смотрел на зеленые цифры электронных часов и не заметил, как все же задремал...

Очнулся Борис оттого, что почувствовал чье-то постороннее присутствие в номере. Открыв глаза, он увидел сидящего на краю дивана Незванова, который задумчиво смотрел на него...

Часть третья

Полет ангела

1

— Они не придут, — сказал Балашов.

Золотистый свет, падающий от укрепленного на вышке прожектора, выделял в полуночной темноте контуры фигур четырех мужчин, стоящих возле пустого короба строящегося подмосковного особняка.

Вегин собирался что-то возразить, но вместо него возразила автоматная очередь, прогрохотавшая из тьмы. Один из четверых замертво упал навзничь с простреленной головой, остальные кинулись в спасительные чернильные проемы окон — на открытой местности их перестреляют как зайцев.

— Лежать, гады! — крикнул кто-то с той стороны, откуда стреляли.

Балашов карабкался на второй этаж по заляпанной цементом лестнице. Еще два автомата коротко прорычали с другой стороны здания, и ладонь Балашова обожгли брызнувшие осколки кирпича. Он рванул вверх, махнул через загораживающие дверной проем дощатые козлы и неуклюже плюхнулся на пол, под защиту стены.

Положение было хуже некуда. Судя по тому, что внизу раздавались выстрелы двух пистолетов, Марков и Вегин живы и отстреливаются, но долго ли они продержатся против автоматчиков? Неожиданно выстрелы стихли, и Балашов осторожно выглянул из окна. В пределах освещенного пространства он не увидел никого, но справа за бетономешалкой что-то шевельнулось. На секунду мелькнул рукав кожаной куртки. Недолго думая, он вытащил «ТТ» и нажал спуск. Громоподобный выстрел слился с воем раненого боевика. Тот выскочил из своего убежища, сжимая «АК-74» здоровой рукой, и помчался к темному сектору кратчайшим путем, то есть как раз под окном, у которого стоял Балашов. Нашарив рукой кирпич, он швырнул его вниз. Увесистый снаряд раскроил боевику череп. Балашов выпрыгнул из окна, рванул к себе автомат и молниеносно исчез в тени стены.

— Раз, — удовлетворенно сосчитал он.

Спотыкаясь о разбросанный строительный мусор, обогнул дом по периметру и увидел второго автоматчика. Тот стоял спиной к нему в дверях

и настороженно водил стволом, стараясь понять, что и где происходит. Балашов неслышно подкрался и коротко, резко ударил бандита прикладом в висок. Тот умер еще до того, как упал — профессионалы умеют рассчитывать силу и точность удара.

— Два, — тихо произнес Балашов и сплюнул.

Снова загремели очереди, им отвечало отрывистое тьяканье «беретты» и солидное уханье «шварцлозе». Он ворвался в дверь как раз в тот момент, когда Вегин напрасно давил на спусковой крючок пистолета с опустевшим магазином.

— Артур! — крикнул Балашов.

Вполоборота Вегин поймал на лету брошенный ему автомат и немедленно послал во мрак длинную очередь. Под огневым прикрытием Балашов, пригнувшись, подбежал к своему личному телохранителю и встал рядом с ним плечом к плечу.

— Их четверо, патрон, — сказал Артур.

— Двоих я убрал, — ответил Балашов.

Вегин кивнул, не отрывая взгляда от поворота дороги, где стоял их автомобиль.

— Не выдержит, — коротко бросил он.

Его правота подтвердилась сразу же — Марков не выдержал. Со всей скоростью, на какую были способны его натренированные ноги, он помчался к машине, проскакивая чередующиеся полосы света и темноты, впрыгнул за руль и попытался включить зажигание. Брошенная граната разнесла боковое стекло и взорвалась внутри салона. Взметнувшееся к черному небу пламя осветило поле сражения намного ярче прожектора. Балашов закрыл глаза и опустил голову.

— Не переживайте, патрон, — посочувствовал Артур. — Он удрать хотел.

Но Балашов уже взял себя в руки.

— И что теперь?

— Двое на двое... Где наша не пропадала, — пожал плечами Вегин.

«Так-то оно так, — подумал Балашов, — только вот они знают, где мы, а мы не знаем, где они. Подберутся, пара гранат — и все кончено...»

Вслух же сказал:

— Не пешком ведь они пришли.

— Понял. Но где?..

Балашов молча показал в темноту, немного левее их догорающей машины — автомобиль нападавших мог находиться только там. Из-за своеобразного изгиба дороги в густом подлеске оттуда можно было подъехать скрытно, не спугнув противника. Но как добраться туда? Сто метров бегом на свету? Это самоубийство.

Однако и атакующая сторона не торопилась. Вероятно, судьба менее удачливых компаньонов заставила уцелевших оценить ситуацию более трезво. Не будучи камикадзе, они затаились в надежде, что у противников сдадут нервы. Сдали же у одного...

— Ну что же, патрон, — сказал Артур, — лучше одному пропасть, чем обоим, не так обидно. Я к вам на работу нанимался, не вы ко мне. Так что я туда, — указал он на темнеющие заросли, откуда бросили гранату в автомобиль, — отвлекающим маневром, а вы быстренько, под шумок, в их машину, и привет... Ключики универсальные при мне, вот, держите.

Балашов поразился. Парень предлагал пожертвовать собой так же просто, как другой предложил бы сигарету. Балашов умел подбирать людей, но такого не ожидал... Вдруг до него дошло — Настя, все дело в ней! Артур пришел к выводу, что Насте нужнее не он, а Балашов, что отец сумеет вывезти и спасти ее, а он, Артур, не сумеет. Ради Насти! И все же, все же...

— Не дрейфите, Игорь Евгеньевич! Кто сказал, что меня обязательно укокошат? Прорвемся!

— Да погоди ты! — досадливо поморщился Балашов. — Видишь эту чертову доску?

— Ну.

— Не «ну», а слушай, что тебе говорят. Пока ты еще у меня на службе. Так вот, тихо и незаметно поставь ее мостиком и вон через ту дыру лезь на второй этаж.

— Смысл, патрон? Одна ловушка не лучше другой.

— Может, и лучше, — хмыкнул Балашов и в нескольких словах разъяснил Артуру свой замысел.

— Но вы подставитесь, патрон...

— Делай, что говорят!

Вегин в точности исполнил приказание. Тогда Балашов выстрелил в пол и закричал в окно:

— Эй, там! Я пристрелил второго! Поговорим! Я тот, кто вам нужен, я — Игорь Балашов! Я — один, и согласен на все ваши условия! Устройте мне встречу с Игнатовым!

Ответом была едва не задевшая плечо Балашова автоматная очередь. Им не нужны были переговоры, они пришли убивать. Им требовалась не капитуляция Балашова, а его труп... И они знали, что он это тоже понимает. Но, стараясь завязать диалог, Балашов, так или иначе, отвлекал внимание на себя. А это давало возможность Артуру спуститься со второго этажа с противоположной стороны и обойти противника... Шансов немного, но без того и вовсе никаких.

— Я сдаюсь! — продолжал кричать Балашов. — Прекратите стрельбу! Я на все согласен! Я прошу встречи с...

Окончание фразы заглушил сухой треск «АК-74». Хуже всего было то, что веер пуль поднял фонтанчики пыли и близ того места, где уже должен был вжиматься в землю Артур. Мысленно Балашов взмолился, чтобы парня не ранило.

Внезапно из тьмы раздался развязный голос:

— Ладно, умник, уговорил. Выходи без оружия с поднятыми руками. Не бойся, отвезем тебя к Игнатову.

Балашов чуть не засмеялся от радости. Удалось, удалось!

— Какие у меня гарантии? Я выйду, а вы шлепнете меня, и все дела, — опасливо отозвался он.

— А чего тебе терять? Если не выйдешь, мы тебя так и так шлепнем!

Краем глаза Балашов заметил тусклый отблеск ствола автомата Артура. Сейчас... Пора!

— Выхожу! — заорал он, наугад выпуская в темноту оставшиеся пули из «ТТ» в направлении голоса. Судя по яростному реву, один раз он даже ухитрился попасть, а Вегин уже обрушил на бандитов огненный шквал почти в упор. Тишина вернулась на недавнее поле боя, недобрая кровавая тишина.

Артур бросил автомат и пошел навстречу Балашову. Они молча посмотрели друг другу в глаза. Ни один из них не был мастером изящной словесности, и все сказали эти долгие взгляды...

2

В Москву они возвращались той дорогой, где их могли остановить разве что свои, прикормленные Балашовым гаишники. Артур нарушил молчание первым:

— Четыре-два в нашу пользу, патрон. По-моему, не так плохо, а?

Балашов ответил не сразу, а когда заговорил, в его голосе встречного оптимизма не прозвучало.

— Хочу поговорить с тобой, Артур. Прямо сейчас, пока едем. Откладывать это нельзя.

— Слушаю, Игорь Евгеньевич, — серьезно откликнулся Вегин. Годы службы у Балашова научили его разбираться в интонациях шефа.

— Нет смысла скрывать от тебя истинное положение дел. Ты не маленький, сам все видишь. Четыре-два, ты сказал? Это значит, что нас стало еще на двоих меньше.

— Да я это так, патрон...

— Помолчи! Не скрою, я возлагал немалые надежды на сегодняшнюю встречу. Но они не захотели разговаривать, они захотели стрелять. Не я виноват в этом, но в результате хуже нам, а не им... Так вот что я хотел сказать тебе, Артур. Все может кончиться в любую минуту. У нас не остается ни людей, ни ресурсов. Нас теснят. Скажу больше — если бы сегодня у меня потребовали немедленного возврата долгов, не знаю, сумел бы я собрать хоть четверть нужной суммы... Я многим тебе обязан... Ну, в общем... я несколько не обижусь, если ты сейчас уйдешь. Не думай, что я считаю тебя крысой, бегущей с тонущего корабля, но...

— Ваш корабль не тонет, патрон, — возразил Вегин. — А если бы и тонул, то я был бы последним, кто слиняет на берег.

«Настя, — вздохнул про себя Балашов. — Снова моя дочь».

— Пойми, пребывание возле меня стало опасным физически. Опасным для жизни. Неужели сегодняшний урок тебя ничему не научил?

— Я люблю спортивные упражнения, — упрямо возразил парень. — Очень даже неплохо поразмялся, давно так весело не было.

— Да? Ну, чтобы приукрасить комическую сторону ситуации, поясню тебе, что нам просто невероятно повезло. В следующий раз они будут стрелять наверняка. Со смеху помрешь, правда?

На это последнее замечание Артур ничего не ответил, но Балашов и сам понимал бесполезность дальнейших уговоров. Вегин принял решение, и он останется.

Машину Балашов остановил в двух кварталах от дома, дальше они пошли пешком. Сердце Игоря Евгеньевича сжималось при мысли о том, что они неминуемо увидят за дверью квартиры...

Их встретил переливающийся всеми цветами радуги огромный плоский экран домашнего кинотеатра, где без звука кривлялись какие-то поп-дивы. Настя в легком халатике лежала на тахте лицом вверх. Ничего не выражающие глаза девушки бессмысленно блуждали по потолку. На полированной крышке тумбочки валялись шприцы, резиновый жгут, окровавленные клочки ваты, ампулы с отломленными головками. Вегин молча взял пульт дистанционного управления и погасил экран.

— Я уложу ее, — сказал он.

Осторожно, как фарфоровую куклу, подняв девушку на руки, Артур понес ее в спальню.

3

Балашов медленно раздевался. Никаких мыслей и чувств не осталось, одно лишь всеобъемлющее, непреодолимое опустошение. Если бы кто-то

из прежних сослуживцев видел сейчас капитана Балашова, «морского льва», гордость разведывательно-диверсионного подразделения «Барракуда» и страстного альпиниста!

Игорь Евгеньевич мог бы сделать карьеру в армии. Однако несколько грязных историй произошло в непосредственной близости от него... Виновные не были наказаны, хотя их имена знали все. Но это были очень высокие имена, и отдуваться пришлось капитану Балашову. Хорошо еще, не посадили, и он отделался вынужденным увольнением в запас... Не зная толком, куда приткнуться в гражданской жизни, он решил попробовать себя в бизнесе, и, к его собственному удивлению, довольно успешно. Его дела процветали. Но они отнимали все больше и больше времени, а дочь Настя, с которой они жили вдвоем после смерти жены, все чаще оставалась одна. И грянуло чудовищное несчастье, имя которому — наркотики...

На первых порах он еще, наверное, мог бы спасти дочь. Но он был так занят работой, что ничего не замечал — ни ее расширенных зрачков, ни внезапных приступов говорливости, ни странного ночного аппетита, ни утренней хандры. Точнее, замечал, но приписывал издержкам переходного возраста. Наконец не замечать стало невозможно. Он пришел в ужас и кинулся по врачам... Словом, история Игоря Балашова ничем не отличалась от сотен тысяч историй отчаявшихся родителей. Как и многим другим, врачи объяснили ему, что вылечить взрослого наркомана еще можно, но подростка — почти безнадежное дело. Разве что сдать ее в какую-нибудь «терапевтическую коммуну», но Балашов знал, что условия там весьма схожи с условиями в гитлеровских концлагерях, а «методы лечения» таковы, что и сам доктор Менгеле не додумался бы.

А наркотики для дочери Игорь Евгеньевич вынужден был покупать сам. Он доставал для нее чистые, проверенные препараты, потому что боялся, что она купит на улице какую-нибудь ядовитую дрянь и умрет... Но в нем жила надежда, единственная, почти безумная, ради которой он превратился из бизнесмена в преступника, отмывателя «черных» денег. Уехать с Настей в Швейцарию, поместить ее в клинику доктора Хорнера, который якобы творит чудеса. А после лечения остаться с ней в Швейцарии или где-нибудь еще за границей навсегда. Там он сможет быть более спокойным, более уверенным в том, что этот ужас не вернется... И поначалу ему казалось, что мечта достижима. Еще немного — и он сумеет оплатить сверхдорогой курс лечения у Хорнера, а еще ряд усилий — и хватит денег на «натурализацию» в другой стране...

Очередной передел сфер влияния застиг его врасплох. В полтора месяца он потерял почти все, что имел, и оказался под угрозой потери самой жизни. Теперь у него оставались лишь крохи от его капиталов, несколько

поглядывающих на него с подозрением и недоверием сообщников да влюбленный в Настю верный телохранитель Артур Вегин. Слабая опора для возврата утраченных позиций.

Балашов встряхнулся в тщетной попытке отогнать череду подступающих призраков отчаяния и пробормотал:

— Капитан, капитан, улыбнитесь! Еще не вечер...

Из спальни вышел Артур и тихо сказал:

— Уснула.

— Прими ванну, — приказал Игорь Евгеньевич чуть строже, чем собирался, — и спать. Завтра ты должен быть свежим как огурчик. Трудный день наступает...

Наступающий день действительно оказался трудным — но совсем не таким, как ожидал Балашов.

4

Около шести часов утра он все еще сидел в кресле с рюмкой, погруженный в тяжкие раздумья, когда заверещал телефон. Балашов протянул руку и снял трубку.

— Слушаю.

— Игорь Евгеньевич? — проворковал солидный баритон, знакомый Балашову больше, чем хотелось бы. — Это Игнатов.

Продолжительная пауза.

— По правде говоря, — ответил, наконец, Балашов, — именно ваш голос я меньше всего ожидал сейчас услышать.

— Естественно, — хохотнул собеседник. — Однако я позвонил, и это, как говорится, медицинский факт.

— Что вам нужно? — буркнул Балашов. — Я предлагал переговоры, вы предпочли стрельбу. Так что все ясно, нет?

— Ничего подобного! Ясность я только еще хочу внести. Этими маленькими приключениями на стройке вы обязаны вовсе не мне.

— Вот как? А кому же, интересно?

— Это самодеятельность скотины Мельникова. Меня даже не известили! Как только я обо всем узнал, немедленно принял меры.

— Да? Любопытно, какие?

— Мельников получил свое. Вам угодно иметь доказательства? Извольте. Выбирайте сами, что вам от него прислать — палец, ухо или голову. Голова, конечно, для опознания вернее, но с пересылкой возникнут некоторые трудности...

— Хорошо, не утруждайте себя, — кивнул Балашов. — Верю вам на слово.

Он и впрямь верил Игнатову, в этом верил. Если тот говорит, что Мельников мертв, значит, так оно и есть. Другое дело — ПОЧЕМУ он мертв? Сомнительно, что Игнатов столь сурово покарал одного из самых преданных подручных всего лишь за самоуправство в отношении Балашова. Так какую же игру затеял его смертельный враг?

— У меня к вам деловое предложение, — произнес Игнатов.

— Предложение? Гм... Если вы хотите обсудить предмет наших несостоявшихся переговоров...

— О нет, нет! — темпераментно перебил его Игнатов.. — Что бы вы там ни предлагали, речь пойдет совсем о другом. Ситуация поворачивается так, что вы необходимы мне, а я вам. В бизнесе часто случается, что вчерашние конкуренты вдруг становятся компаньонами, не так ли?

— Наоборот тоже случается. Выразайтесь яснее.

— Охотно. Я помогу вам решить ваши финансовые проблемы, причем так, что вы, если захотите, сможете до конца дней преспокойно жить на проценты с процентов...

— Ну, с такими компаньонами, как вы, ждать конца дней долго не придется, — съязвил Балашов и почти увидел, как собеседник поморщился.

— Надо бы нам встретиться.

Балашов помолчал. Его заманивают в западню? Непохоже, это не в стиле Игнатова. Если бы тот хотел убрать его, просто подослал бы киллера, не стал устраивать трюк с «деловыми предложениями». Но нельзя же вечно отсиживаться в квартире за железной дверью, рано или поздно выйти все равно придется.

— Я согласен, — сказал он. — Когда и где?

— Да хорошо бы сейчас. На той стоянке, где мы с вами в последний раз виделись. Микроавтобус мой, «тойоту», помните? Вот, я в нем буду вас ждать. Кстати, что вы сделали с моей машиной?

— Ничего. Цела ваша машина.

— Вас не затруднит прибыть на ней? Она мне еще пригодится.

— Если учесть, что ваши люди сделали с моей машиной...

— Игорь Евгеньевич, — терпеливо, как школьнику, объяснил Игнатов, — если мы с вами договоримся, вы сможете купить столько машин, сколько вашей душе угодно...

Он внезапно умолк, словно споткнулся, но Балашов договорил про себя обрубленное окончание фразы: «В противном случае вам и эта машина уже не понадобится».

— Выезжаю, — коротко сказал он и положил трубку.

Сергей Петрович Игнатов сидел, развалившись в салоне микроавтобуса «тойота», с банкой пива в левой руке и сигаретой в правой. По его округлому, располагающему лицу трудно было догадаться, что имеешь дело с одним из опаснейших людей Москвы. Он радушно приветствовал Игоря Евгеньевича, осведомился о его здравии (вполне, казалось, искренне!) и пригласил садиться. Разительный контраст являли эти двое — хмурый Балашов, с грубо заостренными, будто вырезанными из твердого дерева чертами лица, и благодушный, смахивающий на кота Игнатов.

— Если можно, без лишних словес, Сергей Петрович, — сказал Балашов.

— Все очень просто, — согласно кивнул Игнатов. — Некие умные головы изобрели весьма перспективный синтетический наркотик под названием «легкокрылый ангел», а мне стало известно, как и когда партию повежут в Москву. Мы ее захватим, только и всего.

Не ожидавший ничего подобного Балашов растерянно молчал. Он просто не знал, как реагировать, наконец осторожно спросил:

— А зачем вам я понадобился? У вас что, дефицит кадров?

— Причин несколько. Одна из них — ваша спецподготовка. Нет, не физическая, «качков» у меня хватает, я имею в виду ваши шпионско-диверсионные навыки. Видите ли, я знаю, на каком поезде повезут груз, но не знаю, кто именно повезет, как и где он будет спрятан. Вот это вам и предстоит выяснить. Вы сядете на этот поезд, найдете и конфискуете груз. Работа для вас пустяковая, риска минимум, а в финале — тарелочка с голубой каемочкой... Ну, как?

— Сложно. Может быть, проще было бы выявить получателя в Москве и провести операцию здесь, при передаче?

— Получатель известен, — улыбнулся Игнатов. — Я и есть получатель.

— То есть... Как?

— Да вот так. Я — получатель, но одновременно всего лишь посредник. Так сказать, звено в курьерской цепи. А мне хочется забрать себе все.

— Ну и заберите, когда эти люди придут к вам.

Игнатов хмыкнул и покачал головой:

— Да нет, Игорь Евгеньевич. Владельцы груза — далеко не простофили. Это серьезные фигуры, очень серьезные. Если груз исчезнет в Москве, они меня из-под земли достанут.

— Но ведь точно так же, — заметил Балашов, — они достанут вас из-под земли и в том случае, если груз исчезнет в поезде.

— Вот тут вы ошибаетесь.

— Почему?

— Потому что после изъятия груза поезд будет уничтожен. Весь, целиком, с гарантией. Имитация катастрофы в результате несчастного стечения обстоятельств, понимаете? Не уцелеет никто и ничего, кроме обломков железа. Никакой возможности проверок, расследований, расспросов. Владельцам груза останется только кусать локти от досады. Подозревать они могут что угодно, но спрашивать им придется с высших сил... «Ангел» улетел к ангелам, ха-ха!

— Вы что, хотите уничтожить целый поезд? Убить пятьсот человек? — возмущенно проговорил Балашов и открыл дверцу, собираясь выйти, но Игнатов придержал его за рукав:

— Да будет вам, Игорь Евгеньевич! Уж не намерены ли вы прочесть мне лекцию о гуманизме в духе матери Терезы? Мы с вами люди дела.

— Ах, дела... Ну, тогда по делу я скажу вам вот что. Не знаю и не хочу знать подробностей ваших идиотских планов, но, во-первых, у вас ничего не выйдет, во-вторых, ваше место в сумасшедшем доме, и, в-третьих, я не хочу иметь с этим ничего общего!

Игнатов спокойно выслушал Балашова, словно и не ожидал ничего иного. Он не пытался больше удерживать его, только бросил на прощание:

— Позвоните, если передумаете, Игорь Евгеньевич. Мой телефон у вас есть.

6

В такси по дороге домой Балашов несколько успокоился, к нему возвращалась способность рассуждать. Может быть, Игнатов лишь проверял его, выясняя, как далеко он способен зайти ради денег, и насколько можно на него опереться. Если же нет — тогда, конечно, он разговаривал с маньяком, но насколько этот маньяк опасен? А если он все-таки действительно настоящий псих, и попытается, несмотря ни на что, довести задуманное до конца? Тогда люди в том поезде окажутся под страшной угрозой. Может, следовало изобразить согласие, чтобы узнать все до конца и предотвратить катастрофу?

Так и не придя ни к какому выводу, Балашов расплатился с водителем и отпустил машину. Поднимаясь по лестнице к двери своей квартиры, он вдруг остановился — что-то блеснуло на ступеньке — и, наклонившись, поднял маленький позолоченный шарик, прикрепленный к изогнутой двойной проволоке. Это была заколка для волос. Заколка Насти.

В сердце хлынул ледяной холод. Балашов бросился наверх. Дверь была приоткрыта, и он, рванув массивную ручку, ворвался в квартиру.

Все здесь оставалось в полном порядке, только на ковре лицом вверх лежал Артур Вегин. На правой стороне его лба расплылась неровная красная роза с жуткой черной сердцевинкой.

Насти не было.

— Боже! — прошептал Балашов, опускаясь на колени возле тела парня.

Артур, к которому он относился почти как к сыну и который несколько часов назад спас ему жизнь! Движением ладони он закрыл глаза Вегина, подошел к телефону, набрал номер и глухо произнес в трубку:

— Приезжайте ко мне домой. Наш товарищ погиб.

Его люди прибыли очень быстро. Они вынесли тело Артура в привезенном ящике из-под мебели, погрузили в машину и увезли. Оставшись один, Игорь Евгеньевич набрал номер телефона Игнатова.

— Где Настя?

— Настя в порядке, — жизнерадостно отозвался тот. — В настоящий момент она гостит у моих друзей. Вы ведь знаете, что вам нужно делать, чтобы ее визит не затянулся?

— Но она...

— Да, я знаю, она больна. Не волнуйтесь, для нее найдутся лекарства. Знаете что, прямо сейчас я с вами встретиться не смогу... Давайте чуть позже. Будьте дома, я вам позвоню.

Раздались короткие гудки. Балашов медленно опустил трубку и упал в кресло. Он сидел, уставившись в стену невидящими глазами, и в сознании вертелась одна и та же фраза: время расчетов еще не пришло.

Пока не пришло.

7

Они были вдвоем — Игнатов отослал охрану. Он говорил жестко и сухо, отбросив всякую витиеватость речи, вальяжность и манерность, все то, что Балашов опрометчиво считал его второй натурой, и что оказалось пустой игрой. Прежде всего, Игнатов соединил Балашова с Настей по телефону, понимая, что без этого толку не добьешься. В маленьком динамике голос девушки звучал как-то особенно трогательно и беспомощно:

— Приезжай за мной, папа...

— Настенька, не беспокойся ни о чем. Тебя никто не обидит. Я скоро приеду, только решу кое-какие вопросы, хорошо? Будь умницей.

Нажав на рычажок, Игнатов прервал связь и с улыбкой проговорил:

— Полагаю, вы удовлетворены.

— Не дай Бог, с ней что-нибудь случится! — с угрозой в голосе сказал Балашов.

— Да что же с ней может случиться, партнер? Просто небольшая страховка. В данной ситуации ваша дочь мне не менее дорога, чем вам... Теперь о вашей задаче. Вы должны вылететь в Самарканд и сесть на вокзале на фирменный поезд «триста один», отправляющийся в Москву. Билеты для вас готовы. Вам придется вычислить среди пятисот пассажиров экспресса того или тех, кто повезет в Москву «легкокрылого ангела».

— Дополнительная информация?

— То-то и оно, — с досадой цокнул языком Игнатов, — что практически никакой.

— Хотя бы объем партии? Если она достаточно велика, в поезде найдется не так уж много мест, где ее можно спрятать.

— Нет, по объему невелика. Это лишь концентрат или полуфабрикат. Он очень компактен, а чертова уйма доз из него получается потом, с помощью нехитрых химических фокусов, чуть ли не дома на кухне. Так что могут везти в сумке, чемодане... Вряд ли, конечно, в виде прозрачного пакета с белым порошком. Но, сказать по правде, я просто не представляю себе, как это выглядит.

— А курьер... Или курьеры?

— То же самое, то есть — ничего.

— А как вы должны опознать их в Москве при встрече?

— Никак. Передачу груза в Москве планируется организовать таким образом, что ни я их не увижу, ни они меня.

— М-да, — задумчиво процедил Балашов, — уравнение со всеми неизвестными... И вы уверены, что я смогу это сделать?

— Конечно, вы сможете. Именно вы.

Игнатов снял с книжной полки старый «Атлас железных дорог» и раскрыл его на столе.

— «Триста первый» выходит из Самарканда, — заговорил он, водя по карте тупым концом карандаша, — послезавтра в 16.00 по местному времени. Смотрите, вот его маршрут. Самарканд — Ташкент — Кзыл-Орда — Аральск — Чемар, далее через Актюбинск и Самару... Впрочем, «далее» нас уже не интересует, потому что туда он не дойдет. У вас будет менее суток, друг мой... Вот здесь, между Новоказалинском и Майлибашем, в долине, газопровод ближе всего подходит к линии железной дороги. Мои люди установят взрывное устройство с радиодетонатором и организуют утечку газа. Радиосигнал будет автоматически подан с поезда при его приближении. И все. Технологическая катастрофа, как тогда под Уфой, помните, как там было? Газопровод, утечка, случайная искра, и два встречных поезда сгорели без остатка. Но к тому времени груз или информация о нем будет уже у вас. А мы — я и трое моих людей — сядем на поезд в Джусалы...

— Разве этот поезд останавливается на маленьких станциях? Это же экспресс.

— На некоторых останавливается. Итак, нас четверо, плюс вы — этого хватит, чтобы справиться с возможными затруднениями, если они возникнут. За пять минут до взрыва мы покинем поезд.

— Как?

— Там есть поворот, поезд замедляет ход. Мы спрыгнем, нас будет ждать машина... И мы исчезаем на полной скорости.

— Достаточно ли пяти минут? Там так грохнет, что...

— Да, будет уничтожен не только поезд, но и значительная часть долины. Но мы успеем. Уходить раньше рискованно — мы обязаны держать все под контролем буквально до последних минут. Мало ли что может пойти не так.

— Ваш план, кажется, неплох, — задумчиво проговорил Балашов, — да только, я думаю, вы раскрыли его не до конца. Всего одна небольшая деталь. Не мы все уезжаем на машине, а вы и ваши люди, а может, и вы один. Я становлюсь не только ненужным, но и опасным как свидетель. Разве это не логично?

Игнатов в ответ засмеялся, но тут же оборвал смех:

— Логично, Игорь Евгеньевич. Но как, по-вашему, зачем я рассказал вам все подробности? Зачем вообще сообщил вам о том, что поезд будет уничтожен? Ну и ехали бы вы себе на нем дальше, после того как я забрал бы груз... Доехали бы до газопровода. Разве так не еще логичнее?

— Вот я и не понимаю, зачем.

— А затем, что «легкокрылый ангел» мне в Москве совершенно ни к чему. Если я начну организовывать сеть сбыта в России, на меня мигом выйдут. Другое дело — за границей, да подальше отсюда. И вот тут мне без вас не обойтись. Я не смогу бросить все и покинуть Россию, да если бы и мог, мое исчезновение навело бы их на нежелательные мысли. А искать они умеют... Следовательно, вы станете моим эмиссаром. Вы же хотели вылечить Настю в Швейцарии?

— Откуда вам это известно?

— Какая разница, откуда, — усмехнулся Игнатов. — Важно, что известно. И только на вас, с вашим незаурядным интеллектом и огромным опытом, я смогу положиться. А после того, как будет произведен анализ, мы наладим и собственное производство «ангела» где-нибудь в райском уголке...

— Швейцария — не место для таких экспериментов.

— Ну, Швейцария — еще не весь мир... Мои предложения застают вас врасплох, а, Игорь Евгеньевич? Ничего, стоит вам хорошенько все взве-

силь, и вы оцените их по достоинству. У вас есть чувство перспективы, это редкое качество...

Балашов молчал. Этот «ангел» должен оказаться у него. Это единственное средство давления на Игнатова, чтобы освободить дочь. Итак, перед ним стоят две задачи — найти «ангела» и предотвратить катастрофу «триста первого». Вторая задача сама по себе несложна — анонимно предупредить власти, и все. Но тогда первая становится невыполнимой. Нужно совместить обе задачи. А это трудно, дьявольски трудно...

— Хорошо, — сказал он, глядя на раскрытую страницу атласа. — Давайте пройдем еще раз подробнее.

8

— Кофе хотите? — спросил Незванов, стоя с банкой растворимого кофе в руках.

— Лучше пива, — сказал Баргин.

— Ну, тогда и я оригинальничать не стану. — Незванов достал из холодильника две бутылки пива, откупорил обе. — Борис Дмитриевич, без долгих вступлений... Я понимаю, что вам пришлось пережить, как вы устали, но... Мы нуждаемся в вашей помощи.

— Слушаю вас, — ответил Баргин с некоторым удивлением. — Хотя я-то считал, что это дело закончено. Вы же нашли лабораторию?

— Конечно. В природных катакомбах, недалеко от того самого завода, где производилась лимонная кислота. Упрятали ее, надо сказать, на совесть. Спасибо Беркуту — если бы не его нападение на караван, мы бы до второго пришествия искали. Но беда в том, что никто из работавших там людей понятия не имеет, как произошла утечка информации.

— Не имеют понятия или молчат об этом?

— Для нас разница невелика. Но есть зацепка... Инга на допросе рассказала интересную вещь. Там, на их базе, она наткнулась на записи, никак не предназначенные для ее глаз. В них указывалось, как и когда захваченную партию «ангела» намереваются перебросить в Москву. На экспрессы, пятый вагон, «СВ». Поезд отправляется из Самарканда послезавтра. И мы просим вас поехать этим поездом, в этом вагоне. Помимо Инги, вы единственный человек, кто видел их без масок, и сможете их опознать.

— Как и они меня, — заметил Баргин.

— Вы же актер, Борис Дмитриевич. Для вас сыграть роль другого человека — азы профессии. И кому, как не вам, отлично знать, что даже минимум умело примененного грима может изменить человека до неузнаваемости.

— Послезавтра, — задумчиво проговорил Борис. — Теперь понятно, зачем им нужны были две недели, о которых шла речь в письме Беркута... Но если бы «ангела» должен был везти кто-то из них, зачем ждать? Повезли бы сразу. К чему тогда эта канитель со мной, с письмом... Вероятно, они ждали прибытия каких-то особых курьеров. А значит, мне и опознавать будет некого.

— Это не только вероятно, — согласился Незванов, — а более чем вероятно. И все же мы не вправе повторять ошибки и пренебрегать даже малейшим шансом. Если это будет кто-то из них, то, безусловно, тоже в гриме, и тут наши фотороботы мало чем помогут. Другое дело — вы. Есть сотни мелочей, которые могут вам подсказать — походка, голос, характерный жест, поворот головы, взгляд. Просто какая-то крошечная примета, которую вы осознанно и не запомнили. Все, что угодно... Разумеется, настаивать я не вправе...

— Я не отказываюсь, — произнес Баргин. — Только хочу расставить все точки над "i". Не слишком ли вы мудрите? Известен поезд, известен вагон. Куда как проще обыскать всех пассажиров.

— Начать обыск по порядку номеров и спугнуть их? Кроме того, как вы себе учинение такого разбоя представляете? Партия «ангела» занимает мало места. Ее могут везти, скажем, внутри корпуса магнитофона, или видеокамеры, или в консервных банках, упрятать где-то в укромных уголках, мало ли где! Что же, потрошить все подряд, развинчивать всю аппаратуру, вскрывать все консервы, ломать все вещи, резать на мелкие кусочки все продукты и так далее? Этого «ангела» и служебные собаки не учуют. Нет, мы должны точно знать, кто именно его везет.

— Скорее всего, — вздохнул Баргин, — на этом поезде никто ничего такого не везет. Нелегко поймать черную кошку в темной комнате, особенно если кошки там нет.

— Но они выбрали именно этот поезд. Под его график подстраивали свою операцию, готовились и в Самарканде, и в Москве. Их план наверняка тщательно продуман. Мы, конечно, могли бы напичкать пятый вагон «жучками», но это ничего не даст. Преступники с таким опытом не станут болтать лишнего и между собой.

— Тогда почему бы не установить в Москве наблюдение за всеми, без исключения, пассажирами пятого вагона?

— Если вам не улыбнется удача, это будет сделано. Но знать заранее было бы несравненно лучше. Мы обязаны учитывать и возможность того, что они нас перехитрят. Тогда преступники уйдут. Не навсегда, конечно, проверка будет вестись по полной программе, выловим со временем всех... Но «легкокрылый ангел» попадет в Москву. Начнется его распространение...

Баргин вспомнил страшные фотографии, показанные ему Костиным, фотографии мертвых детей, жертв чудовищного яда с ласковым названием. Нет! Нельзя допустить, чтобы хоть одна доза была продана!

— А что с поисками Беркута? — спросил он. — Ведь Беркут говорил, что отправит свое письмо из Москвы?

— Я не думаю, что он ездил в Москву, — ответил Незванов, — он же в розыске... Мы проверили вокзалы, аэропорты... Полагаю, он в Москву и не собирался, разве что не дальше Подмосковья.

— Где его и догнало известие о попытке Инги украсть «ангела» и нашем побеге.

— Да, или еще в пути.

— Допустим, я их опознаю, — продолжал Борис. — Что я должен буду делать после этого?

— Ничего героического, упаси Господи!.. Выйдете в тамбур покурить и позвоните по мобильному телефону.

— Кому?

— Нашему сотруднику.

— Который будет находиться в этом поезде?

— Борис Дмитриевич... Ради вашей безопасности и в интересах операции я не вправе раскрывать карты. Поймите меня правильно...

— Я понимаю, — кивнул Баргин.

— И очень вас прошу, не взваливайте на себя лишнего. Только попытка опознания, ничего больше. Не вздумайте затевать собственных розысков, вы все испортите и сами погибнете...

Борис пристально взглянул на Незванова и промолчал.

9

Объявили посадку, поезд отправлялся с первого пути. Баргин шагал вдоль перрона с легкой, полупустой дорожной сумкой в руке. Даже Таня, наверное, не узнала бы его сейчас, по меньшей мере, с первого взгляда. Над его внешностью поработали на славу. Небольшая окладистая бородка, усы. Специальный грим — совсем немного, только там, где профессионалы сочли необходимым. Цвет волос изменен, так же, как и цвет глаз с помощью контактных линз. Он выглядел старше своих лет и нарочно сутулился. На репетициях Борис создал новый образ. Походка, жесты — все стало другим. А во внутреннем кармане пиджака покоился паспорт на имя Костантина Дубравина, достаточно потрепанный и очень убедительный.

Баргин-Дубравин вошел в свой пятый «СВ». Он не слишком присматривался к людям на перроне, чтобы не привлекать к себе внимания... да и хватит ему времени приглядеться к пассажирам.

К первому он смог приглядеться уже сразу, едва отодвинул дверь в купе №6, куда у него был билет. На диване за столиком расположился довольно молодой, но уже начинающий седеть, высокий и очень худой мужчина с интеллигентным лицом, в дымчатых очках. Он живо приветствовал Баргина и представился без церемоний:

— Ефремов, доктор физико-математических наук, профессор. Возвращаюсь в Москву с конгресса.

— Дубравин, — неохотно пробурчал Борис, забрасывая сумку на багажную полку. Если профессор окажется любителем поболтать, от него будет не так-то легко отделаться.

Поезд тронулся. Может быть, совсем рядом, подумал Борис, за тонкой стенкой купе, притаилась «легкокрылая смерть»...

— Профессор, — обратился он к своему соседу, — а как вы смотрите на то, чтобы побеседовать за бутылочкой?

— На бутылочку я смотрю положительно, — весело ответил тот. — Кстати, зовут меня Анатолий Аркадьевич.

— Константин... — Борис осекся. Черт, какое же там отчество в его паспорте?! — Просто Константин.

— Ну, и отлично!

Баргин извлек из сумки бутылку дорогого коньяка и стандартную поездную закуску, а профессор добавил к ней своих деликатесов. Выпили по первой, потом по второй. Профессор рассказывал смешные истории из жизни знаменитостей научного мира, и сам смеялся от души. Бутылка пустела, пора было Борису начинать пьянеть.

— Простите, Анатолий... Аркадьевич... Что-то мне поплохело... Давно не пил, отвык... Я вас покину ненадолго?

Тот сочувственно закивал, давая понять, что дело, мол, житейское. Нетвердым шагом Баргин вышел из купе, добрался до туалета, постоял там немного и, пошатываясь, побрел по коридору вдоль ряда дверей, заглядывая в открытые, отодвигая закрытые — делал вид, что спяну ищет свое купе. Так он прошел все двенадцать купе из конца в конец вагона и вернулся к профессору.

— Совсем худо, — пожаловался Борис. — Поспать бы... Тут есть свободное купе, пойду там вздремну... Извините...

— Может, дать вам лекарство? — встревожился Ефремов. — У меня есть...

— Спасибо, не нужно. Сон — мое лекарство...

— Так спите здесь, на своем месте. Я вам мешать не буду.

— Зато я вам помешаю, и еще как... Храплю сильно.

— О, тогда ясно...

Махнув профессору рукой, Баргин отправился в пустое купе.

Он рассеянно смотрел в окно на пробегающие мимо деревья, столбы, заборы и домишки. В пятом вагоне он не опознал никого, и маскировка тут ни при чем. Никто из пассажиров даже отдаленно не походил на тех, кого он видел на базе Беркута. Значит, их здесь и нет... Что, собственно, и предполагалось. Спрашивается, что же Борису теперь делать? Согласно инструкции Незванова, ничего. Николай Михайлович сказал ему весьма категорично — без самостоятельности, «все испортите и сами погибнете». Но Незванов говорил и другое: «Мы обязаны учитывать и возможность того, что они нас перехитрят... Тогда преступники уйдут... «Легкокрылый ангел» попадет в Москву... Начнется его распространение...» Разве можно забыть эти слова? Следовательно, в любом случае надо попытаться... Исходная предпосылка — «ангела» все же везет кто-то из пассажиров пятого вагона. Если нет — значит, нет, но если да — то как узнать, кто?

Бритоголовые из первого купе? Возможно, но сомнительно. Одна их внешность располагает к проверкам. Пожалуй, как дополнительную охрану их могут использовать, но и только. Маму с дочкой, двух девушек, художника с женой и журналистов можно в расчет пока не принимать. Из оставшихся наибольшее подозрение внушают китайцы, это раз. Второе — одинокий мужик с бутылкой. Может, он для отвода глаз водку разбавленную пьет... Запах будет, а опьянения не будет, зато имидж беспечного пьянчужки. Третье — подполковник с майором. Отставной дед... Что же поставим его на последнее место. Он далеко не дряхл, а мальчика мог захватить с собой для маскировки...

В голове вдруг возникла пульсирующая боль. Баргин вытащил из кармана пачку сигарет и вышел в коридор...

...Точнее, собрался выйти и замер в дверях. По коридору двигался пассажир не из этого вагона. Причем двигался он как-то странно, покачиваясь и хватаясь за ручки дверей. Борис с изумлением понял, что занимается этот человек тем же, чем и сам он недавно — притворившись пьяным, изучает каждое купе.

В конце коридора мужчина открыл дверь тамбура и исчез. Борис последовал за ним. Так они добрались до вагона-ресторана. Пассажир сел за столик лицом к Борису, и Баргин смог хорошо его рассмотреть.

Он знал этого человека. Да нет, не то чтобы знал — шапочное знакомство, и с тех пор прошли годы. Но Борис его запомнил. Однако что он здесь делает? Может быть, он — один из тех сотрудников, на которых намекал Незванов? Едва ли, тогда не вел бы себя подобным образом. Узнать ему так ничего нельзя, а вот курьеров насторожить можно. Самому курьеру

тем более нет смысла вести такую разведку. Какая-то третья сила, охотящаяся за «легкокрылым ангелом»? Или просто совпадение, и этот человек ищет что-то совсем другое?

Борис решил провести лобовую атаку. В случае неудачи он ничего не теряет, а в случае успеха может получиться интересная партия... Он подошел к его столику и, сев напротив, произнес:

— Здравствуйте, Игорь Евгеньевич!

Тот посмотрел на Баргина с удивлением, но как будто без всякого беспокойства.

— Здравствуйте. Что-то я вас не припомню.

— Зато я вас помню хорошо. Игорь Евгеньевич Балашов. Высокогорная гостиница «Орлиное гнездо», последний островок цивилизации, 2600 метров над уровнем моря.

— Ах, альпинистские дела...

— Да, конечно. Там мы и познакомились. Я собирался вести свою группу по восточному склону, а вы готовились к штурму северного, самого опасного.

— Гм... Ну, когда это было... И я совершенно не помню вас.

— Баргин, Борис Дмитриевич.

— Баргин?! Позвольте, позвольте... Что же с моей зрительной памятью... Имя помню отлично, но ваше лицо...

— А я замаскировался, — пояснил Борис. — Потому, что занят здесь тем же, чем и вы. Ищу «легкокрылого ангела».

Во взгляде Балашова тут же промелькнула тревога. Мгновенно, как вспышка фотоаппарата, прежде чем взгляд вновь стал непроницаемым, но Баргину этого хватило, теперь он знал, что не ошибся. И Балашов тоже понял, что выдал себя.

— Какого черта, — пробормотал он.

— Послушайте, Игорь Евгеньевич, — вздохнул Баргин, — мы никогда не были близко знакомы, к тому же прошло много лет. Я ничего не знаю о вас, вы ничего не знаете обо мне, кроме того, что мы оба здесь с одной целью. Возможно, мы союзники, возможно, враги, но во врагов я мало верю. Почему? Да потому что там, в «Орлином гнезде», я кое-что о вас слышал. И просто потому, что среди альпинистов я подлецов как-то не встречал. Бывало, что человек и струсит, но... Оставим это. В наших отношениях можно разобраться и потом. А на данном этапе не кажется ли вам разумным объединить наши усилия? Чтобы найти «ангела», две головы предпочтительнее одной, нет? Если мы друг другу и не поможем, так хоть не помешаем.

К их столику, наконец, соизволила подойти официантка. Баргин заказал по сто коньяку, получив молчаливое одобрение Балашова. Тот ответил ему, лишь когда коньяк принесли, а это произошло весьма не скоро.

— Я не знаю ваших намерений...

— А я — ваших.

— Кто вы?

— Я выполняю задание ФСБ. Точнее сказать, просьбу моего друга из ФСБ... Я не состою у них на службе и не обязан отчитываться в каждом шаге, если вас это беспокоит.

— Хорошо... Я верю вам, Баргин. Давайте попробуем, тем более теперь у нас, пожалуй, и выхода-то другого нет...

— Пожалуй, нет, — согласился Борис.

— Что вам удалось сделать?

— Немного больше, чем вам. Мне известен вагон — пятый, «СВ», я в нем и сам еду. Вот список пассажиров.

Борис положил перед Балашовым раскрытую записную книжку, куда успел вписать всех, кто ехал в этом вагоне. Тот внимательно прочел и, подняв голову, задумчиво спросил:

— И какие идеи?

— Продолжить пьяные игры. Поделим вагон. Два купе пустуют, одно мое, остается девять. Вваливаться в каждое купе, стараться завести разговоры, подмечать все мелочи. Потом встретиться и обменяться впечатлениями. Ну, как?

— Блестяще! Только два маленьких замечания — во-первых, нереально, во-вторых, бесполезно.

Баргин хмыкнул. Балашов начинал ему нравиться.

— Поясните, — попросил он.

— Подозрительнее всех китайцы, так? А на каком языке вы собираетесь с ними разговаривать? Да и вообще, не станут они разговаривать с пьяным, равно как и с трезвым. Бритоголовые молча выставят, если по шее не накостыляют... Ну, военные — куда ни шло... Этот тип с водкой похож на алкаша-одиночку... Разве что с девушками можно поболтать по душам. Толку мало, зато удовольствие.

Дверь вагона-ресторана открылась, и на пороге возник профессор Ефремов, заметно под коньячными парами. Глядя мимо Баргина, он проковылял к ближнему столику и упал на стул.

— Мой сосед, — прокомментировал Борис.

— Что вы можете сказать о нем?

— Только одно. «Легкокрылого ангела» у него нет.

— Немало.

— Немало... Ну хорошо, значит, план принимается?

— А куда деваться... Вы берите художника, двух очаровашек и пьяницу. А я отправлюсь по остальным адресам. Думаю, двух часов нам хватит?

- Должно хватить.
- Тогда через два часа встречаемся здесь, — подытожил Балашов.
- Зачем здесь? Давайте в одном из пустых купе, скажем, в третьем.
- Идет!

11

Навязаться в компанию к одинокому выпивохе не составило никакого труда. Двадцать минут спустя Баргин знал всю его подноготную, зато не знал, как от него избавиться. Пристально осмотрев купе и составив личный психологический портрет бывшего шахтера, а ныне нефтяника, Борис мысленно вычеркнул его из списка подозреваемых. Визит к девушкам, по понятным причинам, отличался еще большей краткостью, несмотря на то, что они оказались веселыми и общительными и попытались раскрутить Баргина на шампанское. А вот у художника Борис застрял надолго. Несомненно, художник этот был интеллектуалом, и в то же время в нем чувствовалась скрытая сила, духовная и физическая. Только вот со знаком «плюс» или «минус»? Такой же казалась и его жена, крепко сложенная блондинка лет тридцати. Да, эта парочка вполне могла везти «легкокрылого ангела»... Вдобавок, Баргин не мог оторвать взгляда от большого желтого этюдника. Это выглядело так невинно и натурально — художник, этюдник, — что не могло не вызвать недоверия. И в воображаемой табели о рангах, составляемой Борисом, против позиции художника появился вопрос.

В третье купе Баргин вошел, когда Балашова там еще не было. Дыхание сумерек уже угадывалось за толстым двойным стеклом окна. Вскоре Игорь Евгеньевич появился, и по его виду Борис понял, что открытий ждать не приходится.

— Ничего утешительного, — подтвердил Балашов в ответ на немой вопрос. — Бритые затылки меня не впустили, равно как и китайцы. С мамой и дочуркой все ясно, отставник с внуком тоже дают ноль в итоге. Остаются военные и журналисты. Тут, по-моему, пятьдесят на пятьдесят. Первые чересчур замкнуты, вторые чересчур раскованы. И то, и другое мне не слишком понравилось. А ваши впечатления?

— Вот этот этюдник, — заговорил Баргин, — наводит на мысль, что...

Он вдруг умолк, ясно осознав, на КАКУЮ ИМЕННО мысль наводит его этот чертов этюдник. Ну, конечно же! Этюдник стоял под столом, точно так же, как большой черный кейс в купе у девушек. Солидный деловой кейс, вещь совершенно не женская, чуждая и чужеродная в их конфетном мире сумочек и косметичек. Вот так... Теперь нужно было решить, сообщать ли об этой догадке Балашову или просто выйти в тамбур, достать телефон...

Фактор Балашова непредсказуем. Чтобы разобраться до конца и в ситуации, и в нем самом, нужно рассказать ему все.

Борис и рассказал.

— Вы думаете? — усомнился Балашов. — Вот так в открытую, в кейсе, даже не в рундуке под диваном?

— Разумеется. Игорь Евгеньевич, я как-то давно читал рассказ, там искали украденное письмо. Знали, кто его украл, в каком доме хранит... Но найти не могли, хоть весь дом вверх дном перевернули. А письмо преспокойно лежало на самом виду. И никому в голову не пришло. Самый верный способ что-то спрятать — это не прятать вовсе. Но главное, мне думается, даже не в этом.

— А в чем?

— Выражаясь языком моих друзей из ФСБ, в оценке вероятности мгновенных оперативных действий с этим кейсом.

— То есть?

— По принципу — «мало ли что». Мало ли какой форс-мажор возникнет. Иногда и рундук некогда открыть, и до багажной полки дотянуться. Особенно если вам активно мешают... А кейс — вот он, под рукой.

— И все-таки... Гм... Через две границы...

— Как раз потому, что через две границы. Впрочем, если обычные таможенники даже и откроют этот кейс, что они там увидят? Упаковки какие-нибудь со всякой снедью. Этот «ангел» — штука хитрая. Мне сказали, что его даже обученная собака на нюх не возьмет.

— Бинго! — кивнул Балашов. — Убедили. И как же нам быть?

— Моя личная задача выполнена. Мне осталось только сделать телефонный звонок, а дальше этим займутся другие.

— А вот этого, — произнес Балашов с интонацией явной угрозы, — я вам ни в коем случае сделать не позволю.

12

Внимание, Борис Дмитриевич, внимание! Вы на краю, на грани. Вы очень рискованно играли с правдой. Не заигрались ли? Не пора ли вспомнить, что вы обыкновенный актер? И не поздно ли вспоминать?

Так говорил себе Баргин, глядя в холодные глаза Балашова. А тот вдруг как-то обмяк, облокотился на столик, будто не в силах был больше сидеть прямо.

— Как это вы сказали, — пробормотал он. — Подонок в горы не пойдет, да? Могли бы добавить, что российский офицер БЫВШИМ не бывает. А я утратил право думать о себе как об офицере, альпинисте, просто

порядочном человеке. Перед вами преступник, Борис Дмитриевич, ничуть не лучше тех, что торгуют "легкокрылым ангелом". Моя дочь, Настя... Я упустил ее. Она стала наркоманкой. Чтобы добыть деньги на ее лечение в швейцарской клинике Хорнера, я ввязался в очень грязные дела...

— Не мне судить вас, Игорь Евгеньевич, — осторожно произнес Баргин.

— Я расскажу вам все. Вы здесь по заданию ФСБ, так вот, и я тоже по заданию. Только это задание бандитов. Есть в Москве некто Игнатов, исключительная дрянь. Это ему везут «ангела». Но он только посредник, передаточное звено. Он же хочет забрать себе все. Его люди похитили Настю, чтобы заставить меня работать на них. Но Игнатов очень боится настоящих хозяев груза. И чтобы замести все следы, он решил уничтожить этот поезд...

— Как можно уничтожить целый поезд?! Это не самолет. Даже если напичкать взрывчаткой каждый вагон и пустить поезд под откос... — в удивлении поднял брови Борис.

— Дайте ваш блокнот, — попросил Балашов, достал ручку и быстро набросал схему. — Смотрите. Это Майлибаш, вот Новоказалинск. А вот линия газопровода. Здесь она подходит близко к железнодорожному полотну, западнее Майлибаша, видите? Их человек устроит утечку газа, поставит заряд на газопроводе и смоемся. На самом же поезде — радиопередатчик. Его включают заранее, он будет сигнализировать импульсами. Нет, я не знаю, где именно он находится, установлен ли уже, или его поставят в последние минуты... При сближении приемника на газопроводе и передатчика на расстоянии уверенного приема сработает детонатор. Поезд и все в округе будет уничтожено...

— Гм... А бандиты?

Авторучка Балашова очертила зигзаг на схеме.

— Поезд делает двухминутную остановку вот здесь, в Джусалы. Там они садятся, их будет четверо. Они забирают найденный мной груз. А здесь последний поворот до опасной зоны. Состав замедляет ход... Они спрыгивают и уходят на машине... Как обещал Игнатов, вместе со мной, но это, вы понимаете, очень и очень сомнительно... Там есть ориентир — три прожектора треугольником на мачте, вот дальше уже опасно, детонатор может сработать в любую секунду.

— И что вы собираетесь предпринять?

— Был у меня один план... Так себе. Но теперь, если вы на моей стороне...

— Я на стороне пассажиров!

— Это одно и то же. Мы с вами забираем груз и прячем в вагоне-ресторане. Ночью он заперт, но ничего, проникнем... Вырубам троих бан-

дитов. Игнатову я предъявляю груз и ставлю ультиматум — он немедленно дает по телефону приказ об освобождении моей дочери...

— А если он вас обманет? Отдаст якобы приказ, а сам пошлет сообщникам условный сигнал, какое-то особое слово, да хоть покашливание... Вы ведь не знаете, как у них там договорено.

— Это я предусмотрел. Настя перезвонит, когда будет свободна и в безопасности.

— Хватит ли времени?

— Я устрою так, чтобы хватило. В общем, вы меня поняли. Ультиматум Игнатову такой — груз и выполнение его плана в обмен на свободу дочери. Он согласится, уверяю вас, я его неплохо изучил! Два фактора — вид груза, близкого и доступного, и приближение поезда к опасной зоне — не могут не сработать. А я еще пригрожу, что, если он вздумает фокусничать, оставлю его в поезде...

— Что потом?

— Потом звоните своим друзьям из ФСБ, рассказывайте все, получайте Игнатова и груз. Поезд ваши друзья пусть сами останавливают. А если времени останется совсем мало, мы стоп-краном остановим.

— А вы? Что с вами будет?

— Давайте это отложим на потом, Борис Дмитриевич... — неопределенно пожал плечами Балашов.

— Хорошо. А когда, по-вашему, лучше всего изъять груз?

— Ночью. Точнее, к утру. Между тремя и четырьмя часами.

13

Ровно в половине четвертого Баргин вошел в купе девушек. Они не спали. На столе перед ними лежало расчерченное картонное поле с фишками — видимо, играли в какую-то игру.

— Доброе утро, милые дамы, — галантно произнес Борис, пытаясь пристроить на лице обворожительную улыбку. — Я всего на минутку. Мне надо только взять этот чемоданчик, не возражаете?

Восточная красавица, похоже, несколько растерялась, но ее голубоглазой подруге следовало отдать должное — она среагировала моментально. В голову Бориса молнией ринулся такой удар карате, какому позавидовала бы любая «звезда» боевых искусств. Баргин успел уклониться только частично. Носок туфли девушки скользнул по его плечу и врезался в пластиковую стену. Бить женщину для джентльмена зазорно, но, не ответив он сокрушительным ударом, эта живая машина превратила бы его в отбивную. Девушка поникла на диване, а вторую столь же бескомпромиссно выключил Балашов.

— Быстро, просто и элегантно, — проговорил он. — Давайте-ка упакуем их.

Несколько минут спустя на диванах лежали две надежно спеленатые постельным бельем мумии с кляпами.

— Накройте их одеялами, — сказал Балашов, — и заберите мобильники. Кстати, в них могут быть полезные номера.

Он поставил кейс на стол и открыл. Кейс был почти весь забит консервными банками, не считая коробки конфет сверху, пары шоколадок и бутылок с минеральной водой.

— Даже не заперт, — покачал головой Балашов, — надо же...

— Правильно. Как бы они объяснили таможенникам, зачем запирают эту провизию... Да и переложить можно быстрее, если что... Но что теперь с этим делать?

— Пока отнесите к себе.

— Может, в пустое купе?

— Не стоит. Не ровен час, туда сядет кто-нибудь, или проводники закроют...

Борис подхватил кейс, они вышли. Балашов с помощью какой-то гнутой проволоки запер купе изнутри.

— Когда остановка в Джусалы? — спросил Баргин.

— По расписанию в четыре пятнадцать, но мы, кажется, немного опаздываем...

Баргин отнес кейс в свое купе, поставил в рундук под диваном (профессор Ефремов крепко спал). После этого Балашов и Баргин перебрались в тамбур, закурили, уточняя подробности плана. Они проговорили недолго, прежде чем приступить к подготовке. А Игнатова и его бандитов Балашов должен был встретить в своем, седьмом вагоне.

14

Дугудум-дугудум. Дугудум-дугудум. Дугудум-дугудум... — стучали колеса.

Борис сидел за барной стойкой в пустом вагоне-ресторане и ждал. Открыть дверь оказалось проще простого. Попросив воды у заспанной проводницы, Балашов стянул у нее универсальный ключ. По договоренности с Баргиным, он должен был привести бандитов в ресторан не позже чем через двадцать минут после отправления из Джусалы. Но он почему-то запаздывал, и Баргин нервничал.

Наконец послышался звук проворачиваемого ключа и открывающейся, потом закрывающейся двери. В сумраке вагона, освещаемого только дежурными лампочками, прозвучал голос Балашова:

— Вот сюда проходите, в центр... Он там, за потолочным люком, в нише. Другой голос, низкий и хриплый, проворчал:

— Как же эту паскуду достать? Высоко.

Третий голос, начальственный баритон, распорядился:

— Тащите сюда этот стол!

— Осторожнее, Сергей Петрович, — предостерег Балашов.

Это был условный сигнал для Бориса, означавший: «Баргин, ближайший к вам открыт, атакуйте!»

Подобно пороховой ракете, Борис взвился из-за стойки и обрушился на спину коренастого крепыша. Оба упали и покатались по проходу. Адская боль пронзила правое плечо Бориса, он едва не терял сознания, боролся из последних сил. Балашов тем временем выбил стол из-под успевшего забраться на него импозантного толстяка и, влепив ему пушечный удар в лицо, заорал:

— Лежать, Игнатов!

Баргин выбрался из-под своего противника, а когда тот попытался подняться, Балашов схватил его за воротник и с силой толкнул к окну. Голова бандита пробила в двойном стекле круглую дыру с острыми краями, шею располосовали обломки. Голова поникла снаружи, тело внутри. Кровь заливала окно, стену, пол.

— Минус два! — азартно крикнул Игорь Евгеньевич.

Здоровенный громила выхватил из-за стойки бутылку шампанского, разбил ее с грохотом взрыва и двинулся на Бориса со зловеще ощерившимся горлышком в руке. Все, мелькнуло у Баргина. Даже в наилучшей форме он бы с таким не справился, а тут еще плечо!

А Балашов в это время провел великолепный бросок против другого бандита, швырнув его на спину повисшего в окне трупа. Удар был настолько силен, что остатки стекла разлетелись вдребезги, и мертвый, увлекаемый живым, перевалился через раму. В смертельных объятиях оба полетели вниз, под колеса.

Горлышко бутылки молнией сверкнуло перед лицом Бориса, когда Балашов в стремительном рывке врезал бандиту по шее ребром ладони. Тот пошатнулся, словно раздумывая, и начал медленно заваливаться на бок. Но Балашов не дал ему упасть, подтолкнул к разбитому окну и вышвырнул вслед за первыми двумя бандитами.

— Все! — выдохнул он. — Баргин, как вы? Э, да вы ранены!

— Пустяки, — буркнул Борис.

— Скорее!..

Они кинулись к Игнатову и принялись приводить его в чувство доступными средствами. Игнатов застонал и, открыв глаза, прохрипел:

— Как это понимать, Игорь Евгеньевич? Вы что, хотите расторгнуть наш договор?

— Напротив, я намерен строго его придерживаться. Я выполнил задание, смотрите, — распахнул кейс Балашов.

— Это точно то самое?

— Если вы сомневаетесь, я сейчас для доказательства вскрою одну баночку и накормлю вас содержимым...

— Ну, ну... А это кто? — кивком указал на Баргина Игнатов.

— Мой помощник.

— Мы не договаривались...

— Неважно. Важно, что я выполнил свою часть договора. Выполняйте и вы. Звоните! — Балашов протянул Игнатову телефон.

— Куда?

— Прикажите освободить Настю.

— Может быть, поговорим об этом в Москве?

— Может быть, только не с вами. Поворот уже скоро. Звоните, или мы с Борисом и «ангелом» сойдем, а вы останетесь здесь, связанный...

— Вы с ума сошли!

С лицом, перекошенным гримасой страха и злобы, Игнатов потянулся за телефоном, но Балашов отвел его руку в сторону и спросил:

— Где Настя?

— В Подольске... Вы знаете этот дом.

— Ясно. Итак, вы звоните, приказываете освободить Настю и ни в коем случае не следить за ней. Потом я сам с ней говорю, сообщаю, где ее будут ждать. Вашим головорезам это ни о чем не скажет, наши личные ориентиры им все равно неизвестны. После этого я звоню моему другу, прошу за ней приехать. Он профессионал не хуже меня, если все-таки заметит слежку, вы понимаете, что будет... Когда они перезвонят сюда, мы покидаем поезд, все втроем.

— Но успеем ли до... поворота? — с тревогой спросил Игнатов.

— Успеем, звоните!

Пока шли телефонные переговоры и тянулись долгие минуты ожидания, Баргин сидел за столиком, потягивал минеральную воду. Наконец заверещал телефон, Балашов ответил, после чего положил его в карман и повернулся к Баргину:

— Все в порядке, Борис Дмитриевич. Пришло и вам время звонить вашим друзьям из ФСБ...

Игнатов взревел, как раненый зверь, ринулся на Балашова, и его чугунный удар мгновенно отключил того. Затем метнулся к кейсу, но был остановлен встречным ударом Баргина и рухнул вверх ногами за стойку бара, где на него с оглушительным звоном посыпались бутылки с полок.

Поезд замедлял ход на повороте. Баргин выглянул в окно. Далеко впереди страшной тройной звездой сияли бриллианты трех прожекторов. Он достал свой телефон, начал набирать номер... И похолодел. Связи не было. В отчаянной надежде, что не в порядке только его аппарат, Баргин выхватил из кармана Балашова телефон Игнатова, потом телефон самого Балашова. Все аппараты молчали. Поезд вошел в «мертвую зону» мобильной связи. Может, это и не надолго, но сейчас все решали секунды!

Борис рванул «стоп-кран». Он ожидал услышать резкое шипение сжатого воздуха, ощутить сильный толчок, поэтому заранее сгруппировался, чтобы не упасть... Ничего. Подскочил к аппарату экстренной связи с машинистом, нажал кнопку... Молчание.

Есть еще один шанс — успеть добежать до локомотива или хотя бы попробовать связаться с машинистом из другого вагона. Ключ! Баргин обшарил карманы Балашова. Ключа там не было. Очевидно, во время схватки он выпал, и найти его в окружающем разгроме невозможно... Тогда он вцепился в решетку запертой двери, затряс ее изо всех сил, но даже не погнул.

И настал миг! Подобно дракону преисподней, налетела, пронеслась мимо и исчезла из вида слепящая тройная звезда смерти... Борис закрыл глаза... А когда открыл их снова, «экспресс» уже несли вперед сквозь бледный утренний сумрак, и ветер хлестал в разбитое окно.

Поезд миновал роковой участок пути.

15

Баргин с трудом оторвал от решетки сначала одну руку, потом другую, по одному разгибая бескровные пальцы, и свалился на ближайший стул. Балашов сидел на полу, ощупывая голову.

— Этого не может быть, — с усилием выговорил он. — Игнатов не мог так промахнуться. Кто угодно, только не он.

— Мы живы, — резонно заметил Борис. — Игнатов, может, и не ошибся, но техника — она иногда подводит... Так вы все видели?

— Смутно. Как в тумане... Начиная с того момента, когда вы не смогли позвонить. Двинуться я не мог, но что-то все же воспринимал. А, все равно... Надо найти этот чертов передатчик, и немедленно! Кто поручится, что они не установили в поезде вторую бомбу для гарантии, в пару к той, на газопроводе? И если в передатчике что-то там разомкнулось, так в любую минуту может еще сомкнуться... — Балашов внезапно умолк и уставился куда-то поверх плеча Баргина.

— Не это ли вы хотите найти, джентльмены? — прозвучал за спиной Бориса тихий интеллигентный голос.

Он резко обернулся. В проеме распахнутой двери стоял профессор Ефремов, в измятой грязной одежде, с окровавленным лицом, всклокоченными волосами, треснувшими стеклами очков, и протягивал на раскрытой ладони какой-то небольшой темный предмет.

— Что это? — пробормотал Баргин.

— Такая штука, — пояснил профессор. — Она дает сигнал, и где-то что-то взрывается... Не беспокойтесь, никаких сигналов она не даст. Я в ней поковырялся...

— Анатолий... Аркадьевич, — начал Борис, с трудом припомнив имя и отчество Ефремова.

— Ну, и намусорили вы здесь, — поморщился профессор, входя и запирая за собой дверь. Он оглядел разгромленный вагон, подсыхающие дорожки крови, стекающие на пол от разбитого окна, заглянул за барную стойку и присвистнул: — Эх вы его... Это кто такой?

— Один из тех, кто хотел взорвать поезд, — сказал Балашов, поднимаясь.

— Ну, его я реанимировать не стану... А вам, Константин, — обратился он к Баргину, — по-моему, нужна медицинская помощь... Уж буду называть вас Константином, раз вы так представились... Хотя это так же верно, как называть меня принцессой Монако.

— Рана пустяковая, — отмахнулся Борис.

— А это уж позвольте мне решать, — нахмурился профессор. — Давайте переберемся в купе. Свяжем этого господина и проводим с нами наподобие перепившего друга. Да поскорее, пока все спят...

Балашов и Баргин выволокли бесчувственного Игнатова из-за стойки, связали ему руки впереди, накрыли сверху курткой и, поддерживая его, как пьяного, заковыляли к выходу. Кейс, по просьбе Балашова, захватил Ефремов. Он шел сзади и запер за собой дверь.

— Откуда у вас ключ? — поинтересовался Балашов.

— А это не ключ, — показал что-то вроде маленьких щипцов профессор. — Так, кое-что из моего дорожного несессера...

Им никто не встретился по пути. В купе они уложили Игнатова на пол. Ефремов порылся в чемоданчике, достал бинты и медикаменты, умело обработал и перевязал рану Бориса, затем велел обоим проглотить по пригоршне разноцветных таблеток и разлил в три стакана коньяк.

— Это окончательно поставит всех нас на ноги, — сказал он.

— Профессор, — поднял свой стакан Борис, — вы физик или врач?

— Постараюсь удовлетворить ваше любопытство, насколько смогу... — тихо засмеялся Ефремов. — Но и у меня тоже есть кое-какие вопросы.

Профессор снял треснувшие очки, осмотрел их, покачал головой и швырнул на столик. Из того же чемоданчика извлек другие, в солидной пластмассовой оправе. Водрузив их на нос, он стал похож на кабинетного ученого.

— Логика, Константин, мой конек, куррикулум вите, если угодно. В самом начале нашего знакомства я намекал вам на это, но вы не обратили внимания. Вы меня сразу заинтересовали. Прежде всего, тем, как вы представились. Я назвал свое отчество, вы разогнались назвать свое, но запнулись. С чего бы, спрашивается? Из этого я заключил, что вы его просто не помните, стало быть, документы у вас фальшивые, и получены недавно. Далее. Сначала вы держались отстраненно, но тут же предложили распить бутылочку. Такое поведение характерно для алкоголиков, но вы явно не алкоголик. Значит, игра. Потом, это ваше внезапное опьянение после малой дозы. Вы вышли, я выглянул в коридор и заметил, что вы осматриваете каждое купе. Явно кого-то или что-то искали, причем тайно. А ваше желание уединиться в пустом купе, чтобы я не мешал вам думать? Я проследил за вами до ресторана, прошел мимо столика, где вы сидели с... вашим другом, и увидел список пассажиров в записной книжке. Мои предположения подтверждались, и история уже чрезвычайно меня занимала. Вы вернулись с кейсом, погрузили его в рундук и снова ушли. Я открыл его и увидел консервы. Спрашивается, зачем тащить их из Самарканда в Москву? Чтобы поесть в дороге? Но поезд отправился уже давно, а кейс набит до отказа, ничего не взято, следовательно, в банках, скорее всего, не провизия, а что-то другое. Вскоре вы забрали кейс, а такая последовательность действий с ним едва ли имела бы смысл, будь там просто продукты. Теперь, остановка в Джусалы. Сели только четыре пассажира, все по внешности не местные уроженцы, все в один вагон, но держались так, словно незнакомы друг с другом. Походило на то, что пьеса приближается к кульминации. Мне хотелось быть не зрителем, а действующим лицом, и чтобы проверить, смогу ли я вмешаться в нужный момент, я, в порядке генеральной репетиции, дернул «стоп-кран». Как вы догадываетесь, он не сработал. Я задал себе вопрос: кому могло быть необходимо, чтобы поезд нельзя было остановить из вагонов, и с какой целью? Очевидно, тому, кому требовалось довести состав до определенной точки, исключив любые случайности. А цель... Я вспомнил о газопроводе, сложил два и два, и мне чуть плохо не стало. Неужели кто-то собирается взорвать его? Тогда я поставил себя на место того, кто хочет это сделать: рискуя быть обнаруженным, я проникаю на локомотив и разбираюсь с тормозами. Но это ведь мне не поможет устроить сам взрыв. А как его устроить? Установить бомбу на газопроводе и в момент прохождения поезда взорвать

ее дистанционно, по радио. Я могу это сделать сам, если передатчик будет у меня. В этом случае подавать сигнал придется издалека, чтобы и самому не взлететь на воздух... Но передача сигнала с большого расстояния исключается из-за ненадежности его прохождения. Недостаточная мощность, помехи, атмосферные условия, неровности рельефа — все это... а мне нужна уверенность. Часовой механизм на газопроводе? Еще хуже, ведь поезд может и опоздать. Единственный надежный вариант — установить передатчик на поезде так, чтобы детонатор срабатывал при сближении с газопроводом. Но где именно? Так как я уже нахожусь в локомотиве, зачем рисковать еще раз, устанавливая передатчик где-нибудь в другом месте? Нет, я его там и поставлю.

— И вы угадали, — заметил Балашов.

— Я не угадывал, я рассуждал... Да, я знал, где находится передатчик, но как поступить дальше? Просто сообщить машинисту или сопровождающему поезд наряду? Да кто бы мне поверил... Ну, исправили бы тормозную систему, и поезд пошел своим путем, а меня задержали бы еще, как сомнительную личность... Ходит тут в нетрезвом виде, стоп-краны обрывает... Но в любом случае, объясняться с кем-то у меня времени не было. Попасть на локомотив обычным путем так, чтобы не встретиться с машинистом или его помощником, я тоже не мог.

— И как же вы поступили?

— Элементарно. Вышел в тамбур, открыл дверь, вылез на крышу и спокойно дошагал до локомотива.

Балашов закашлялся, а у Баргина был такой вид, словно он сел на ежа.

— Вы... что?! — выдавил он. — Это возможно?!

Улыбнувшись, Ефремов распахнул полы пиджака. Вокруг пояса был обмотан нейлоновый трос, оканчивающийся странным устройством, комбинацией якоря-кошки с какими-то причудливыми крюками и пружинными захватами. Ни Балашов, ни Баргин, оба альпинисты, раньше ничего подобного не видели.

— Не очень легко, — сказал профессор, — но возможно, если у вас есть такая штука. Там, в локомотиве, есть одно окошко сзади, можно пробраться внутрь, минуя бригаду. Я разбил его, влез... Нашел передатчик, потом восстановил тормозную систему, вернулся назад тем же путем и отправился искать вас.

В купе повисло молчание.

— Скажите, профессор... — наконец нарушил его Баргин. — Как могло случиться, что поезд не затормозил сразу, как только вы исправили тормозную систему? Ведь «стоп-кран» в ресторане был открыт, я сам открыл его...

— Ну, — развел руками профессор, — это, пожалуй, один из тех вопросов, на которые я не могу вам ответить. Может, когда вы его дергали, снова заблокировали, или он и сам по себе был неисправен — кто знает?

— И как проник в локомотив тот, кто все это устраивал? Тоже по крыше?
— Может быть, как-то отвлекли поездную бригаду на одной из предыдущих станций... Либо еще что-то придумали.

— Но кто ВЫ, Анатолий Аркадьевич?!

— Почти тот, за кого себя выдаю, — загадочно улыбнулся Ефремов. — Я действительно доктор физико-математических наук и действительно профессор. Вот только преподаю я не совсем обычные... практические дисциплины и не в совсем обычном учебном заведении, которое позволете пока не называть...

— Для доктора физики, — заметил Борис, — вы отменно разбираетесь в железнодорожном деле...

— А, ну это очень просто. В юности я пару лет проездил помощником машиниста.

— Анатолий Аркадьевич, — с чувством проговорил Балашов, — кто бы вы ни были, вы спасли жизнь пятистам людям в этом поезде...

Профессор поморщился, будто у него заболел зуб.

— Любопытство, мой друг, всего лишь любопытство... И немного логики!

— Анатолий Аркадьевич, — заговорил Баргин, — надеюсь, вы не откажетесь дать некоторые пояснения сотрудникам ФСБ?

— Вы из ФСБ?

— Нет, я только имел в виду, что...

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился Ефремов, — я дам показания... Хотя я и не служу в ФСБ, мы с ними почти коллеги... Буду рад оказаться полезным. Когда это нужно будет сделать?

— Не знаю... Сейчас постараюсь выяснить.

Борис достал телефон и набрал номер, слава богу, связь уже работала. Незванов ответил сразу, и Баргин доложил обстановку кратко и сжато, но вполне исчерпывающе.

— Сейчас поезд будет остановлен. Ждите нас, — слишком уж спокойно отреагировал Незванов.

— Почему остановлен? — не понял Борис.

— Ждите нас, — повторил Незванов и прервал связь.

Из окна было видно, как на автомобильной дороге, параллельной железнодорожному полотну, появились две машины, два одинаковых синих фургона. Один из них резко ушел вперед, обгоняя поезд. Через несколько минут «экспресс» начал замедлять ход и окончательно остановился. Остановились и фургоны. Из них выпрыгнули какие-то люди и побежали к пятому вагону. Баргин вышел в коридор. Последним из тех, кто вошел в вагон с передней площадки, был Незванов. По выражению его лица Борис не мог угадать, что тот сделает в следующий момент, обнимет или отчитает как школьника. И то, и другое казалось ему равно вероятным.

Победил третий вариант — Незванов крепко пожал Баргину руку и просто сказал:

— Здравствуйте!

— Николай Михайлович... Как это следует понимать?! Вас что же, не было в поезде... Никого из вас?!

— Никого. Мы сопровождали поезд на машинах. Послушайте, Баргин... Вас просили всего лишь произвести опознание. И предупредили, чтобы вы не вздумали играть в Бэтмена! Так это было или не так?

— Все так... Но, может быть, и не совсем...

— Что вы хотите этим сказать?

— А вот что! — Борис в упор посмотрел на Незванова. — Вы подставили меня!

— Что?!

— У вас плохо со слухом? Вы не знали, как я буду действовать, но что как-то буду, не сомневались... Из этого могло что-то выйти, правда? Ну а не вышло бы, так с вас взятки гладки. Вы не можете отвечать за самостоятельность какого-то там актера. Я прав?

Незванов ответил Борису таким же прямым взглядом:

— Нет, вы не правы.

17

— Вы ответите за этот незаконный арест! — брызгая слюной, кричал Максим Бегунов. — В нашей стране еще существует конституция! Это вопиющий произвол, я буду жаловаться на вас во все инстанции! И поверьте, дойду до очень высоких инстанций! Я требую возможности немедленно позвонить моему адвокату!

— Это ваше право, — равнодушно уронил Незванов, сидевший за столом напротив. Кроме них двоих, в кабинете Бегунова находились еще четверо. — Но это пока не арест, а задержание. Вы задержаны на основании показаний Сергея Петровича Игнатова.

— Какую бы чушь там ни плел про меня Игнатов, он врет... Тьфу! Я не знаю никакого Игнатова!

— Так знаете или не знаете?

— Я вообще не собираюсь с вами разговаривать! Дайте мне возможность позвонить адвокату!

— Что ж, хорошо... Мы вам препятствовать не будем. Но, может быть, сначала вы ответите на один вопрос?

— Какой еще вопрос?

— Где Беркут?

— Я не знаю никакого Беркута!

— Подумайте, Максим Алексеевич, — тяжело вздохнул Незванов. — В какое положение вы себя ставите? Вы спланировали и осуществили серьезнейшее преступление. По вашей вине погибли люди. Честно говоря, в вашем деле я не вижу никаких смягчающих обстоятельств. Но вы можете создать их сами, если сдадите Беркута. Если нет, мы его все равно не сегодня-завтра возьмем. В наших руках курьеры, перевозившие «легкокрылого ангела». И не одно это... Только вот возьмем мы его уже без вашей помощи. И это вам не зачтется.

— Вы ничего не докажете!

— Докажем, — усмехнулся Незванов. — Вот без Игнатова нам, в самом деле, пришлось бы трудно, а с ним — легко. Ведь вы использовали Игнатова как передаточное звено именно для того, чтобы связь между вами и Беркутом не могла быть выявлена. А звено-то оказалось слабым. Где тонко, там и рвется, Максим Алексеевич...

— Я признаю только то, что доказано, — пробурчал Бегунов, — а на ваши домыслы мне плевать...

— Подумайте. — Незванов встал из-за стола. — Я вернусь через пять минут. Если не надумаете, звоните адвокату, и пусть все идет заведенным порядком. Но тогда мы вам ничем помочь не сможем.

В сопровождении одного из своих сотрудников он вышел в приемную. Трое других остались в кабинете.

— Он ничего не скажет, — проговорил сотрудник.

— Скажет, — убежденно заявил Незванов. — Непременно, и не позже чем через данные ему пять минут.

— Почему вы думаете, что он сломается?

— А это вытекает из самой структуры его преступления. Он хотел загрести прибыль не только от фильма, но и от «легкокрылого ангела». Так сказать, приятное с полезным. Выгода и только выгода. Он не может не понимать, что Беркуту от нас долго бегать не удастся.

— Но показания Беркута изобличат его полностью.

— Конечно. Но одно дело — Беркут, взятый нами, и совсем другое — Беркут, сданный им... Бегунов считать умеет, подсчитает, что ему выгоднее.

...Беркута взяли этим же вечером, в подмосковной гостинице. Операция «Легкокрылый ангел» была завершена.

Эпилог

— Кто это звонил? — спросила Таня.

— Олег Карпин, — Баргин положил телефонную трубку. — Едет к нам в гости. У него хорошие новости.

— Какие?

— Новости о Паше Грекове.

— Греков? — Таня наморщила лоб, припоминая.

— Ну, помнишь, каскадер, что разбился из-за этого негодяя Волина...

— А!

— Вот, он выздоравливает. Выпишут на днях.

— Я рада, что хоть для кого-то эта история кончилась хорошо...

— У нас с тобой тоже все в порядке, — улыбнулся Борис.

— У нас — да... — Таня подошла к нему сзади, обняла. — А как дела у Костина? Ты давно ему звонил?

— У Костина хуже. Неизвестно, когда он выйдет из инвалидной коляски... Ему здорово досталось.

— А Балашов? Так и не уехал в свою Швейцарию?

— Какая ему Швейцария... У него и денег нет. А если бы и были, лучше ему сейчас сидеть тихо и не высовываться. Столько наворотил... Его бы точно посадили, если бы не помощь Костина и Незванова. Но и они не все-сильны. Так что...

— Борис, но как же с его дочерью?

— Не Швейцарией единой жив человек. Незванов выкопал для него какого-то потрясающего доктора. Не нарколога-инквизитора, как большинство из них, а настоящего врача. Похоже, там есть надежда...

Позвонили в дверь, потом еще раз, потом звонки стали прерывистыми и настойчивыми. Борис хмыкнул, взял с кресла пульт, убавил звук телевизора и пошел открывать. Олег Карпин ворвался, как ураган. Обнимая Бориса, он чуть не выронил две бутылки коньяка, по одной в каждой руке.

— Прекрасно выглядишь, старина! — возгласил он.

— Ты тоже не похож на заморыша, — засмеялся Борис, увлекая Олега в гостиную. — Таня, десять минут на переодевание и присоединяйся к нам.

— Умножь твои десять минут на шесть! — хохотнул Олег. — Или я не знаю женщин...

Таня пихнула его кулаком в бок.

— Ты знаешь женщин, медведь... — она подарила ему очаровательную улыбку и повернулась к Борису. — Располагайтесь пока, я сейчас сооружу что-нибудь закусить.

— Выключай этот долбанный телевизор, — бушевал Олег, — что за гнилые замашки европейского захолустья? Ты совсем замшел в Москве, в этой провинциальной дыре... Где старый добрый рок-н-ролл? Где Литтл Ричард, где Джерри Ли Льюис, где Чабби Чекер?

— Да вот они, — Борис кивнул на кучу компакт-дисков, сваленных у музыкального центра.

— Ну и ставь, чего ты ждешь...

Пока Баргин заводил Литтла Ричарда, Олег быстро и ловко разлил коньяк. Он еще раз передал привет от выздоравливающего Грекова, и они выпили за его скорейшее возвращение в строй. Вскоре вернулась Таня с подносом, успевшая переодеться и накраситься. После нескольких минут непринужденной болтовни Олег заговорщически понизил голос.

— Открою тебе одну тайну, старина. Только ни-ни у меня, молчок!

— Буду молчать, как жареная рыба! Но за прекрасную половину, понятно, не ручаюсь.

Олег подмигнул Тане и снова повернулся к Борису.

— Карсавин затевает новый фильм...

— Здорово.

— Еще бы. Его новый сценарий — как бы про то, что с нами случилось. Ну, нападение на кинолагерь и все такое. С вариациями, конечно. Так вот, как мне стало известно из информированных источников, близких к осведомленным кругам...

— Олег, не тяни!

— Слушаюсь. Но это пока секрет... Он собирается предложить тебе роль, да не какую-нибудь, а одну из главных.

— Ну да? Когда же он успел ко мне присмотреться? Мы толком вместе и не работали...

— Вот успел. Он считает, что для такой роли круче тебя не найти.

— Что за роль?

Карпин выждал недолгую паузу.

— Роль суперагента.

Поперхнувшись коньяком, Борис закашлялся, переглянулся с Таней. Они начали смеяться, сначала потихоньку, потом расходясь все больше и больше.

— Суперагента! — хохотал Борис, хлопая ладонями по коленям. — Ай да Карсавин!

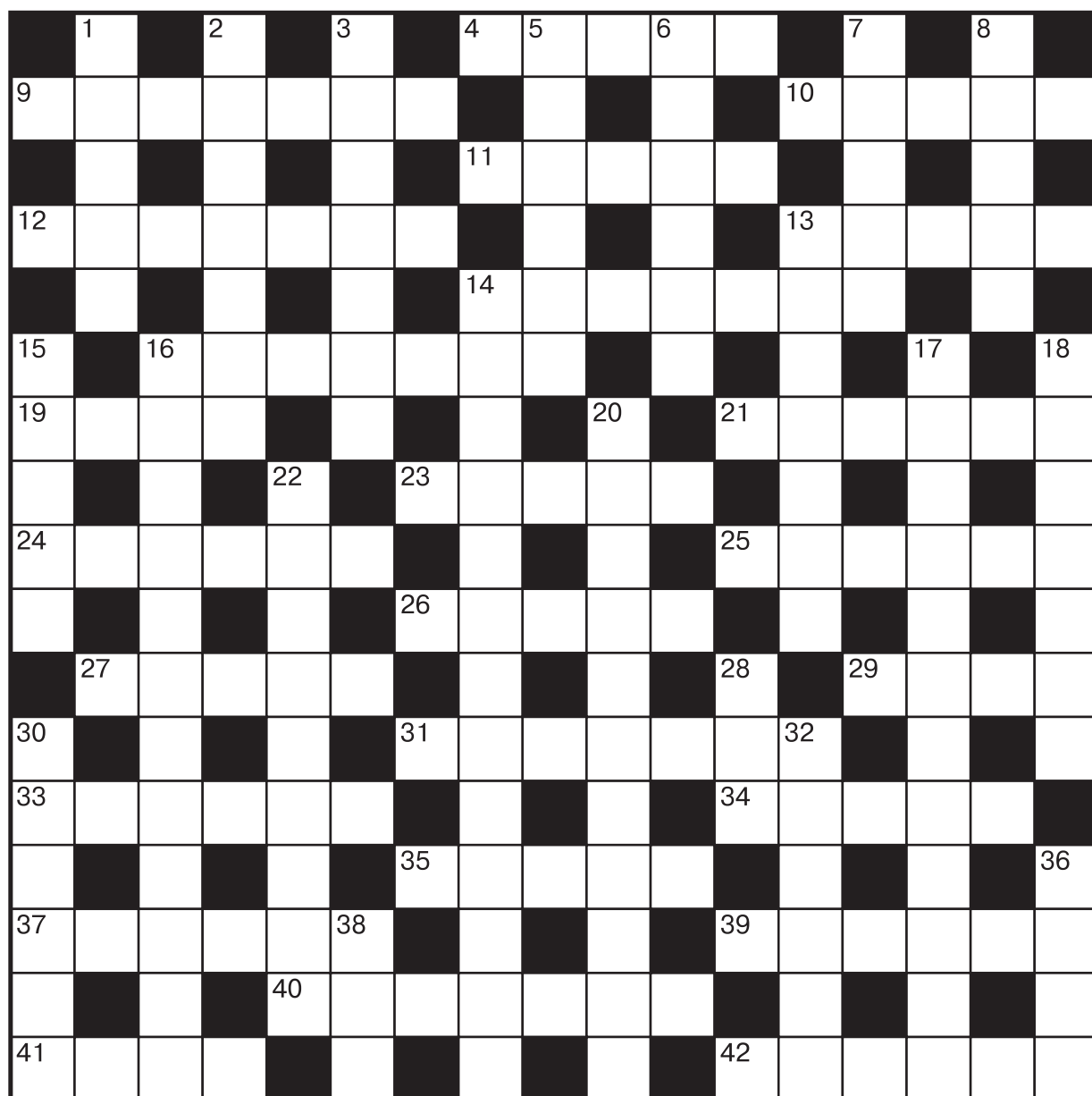
— Да что это с вами? — Олег недоумевающе смотрел на них. — Борис, это серьезный шанс, пахнет славой и большими деньгами. Суперагент, идеальный и неповторимый, который...

— Нет, Олег, — перебил Баргин, обрывая смех. — Если увидишь Карсавина, можешь ему передать, что в это увлекательное путешествие я не поеду.

— Почему?

— Я там уже был. □

КРОССВОРД

ПОГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Мартышкин хлеб». **9.** Некий полковник Роберт Джонсон в начале XIX века решил публично доказать, что ... не ядовит. Во время принародной трапезы на городской площади возле военного дежурили врачи, а несколько дамочек даже упали в обморок. **10.** «... большего всегда сильнее мудрости». **11.** «Зря русским показали ...: те-

перь на нем держится все, что должно быть прибито, прикручено и подвешено». **12.** Юридический профиль Фиделя Кастро до начала его революционной деятельности. **13.** «Гиперболоид хирурга». **14.** Карамельное лакомство с орехами. **16.** Когда-то стол для этой игры делали квадратным, а после даже восьмиугольным. **19.** Кто читает пропове-

ди в мечети? **21.** «Дышать нечем!» **23.** Художественный стиль эпохи Наполеона. **24.** «Салон кройки и шитья». **25.** «Биография Дюймовочки». **26.** «Я не боюсь умереть. Я просто не хочу при этом присутствовать» (патриарх Голливуда). **27.** «Когда нас всех военный ... хлестал, и люди кров и головы теряли». **29.** «Приставка» к винтовке. **31.** Что попало Каю из сказки «Снежная королева» Ханса Андерсена в глаз, и он стал все видеть в уродливом свете? **33.** «Машина времени» при микроволновке. **34.** Каким оружием гусары прежде откупоривали бутылки с шампанским? **35.** Оскароносная звезда французского кино с польскими корнями. **37.** Розыгрыш решающего очка партии в теннисе. **39.** Застолье, бьющее по печени. **40.** «Подопытный кролик» для химика. **41.** Что великий Иоганн Гете полагал «концом всякой мудрости»? **42.** Мифическая рептилия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Течет с небес вода обыкновенная. **2.** Заменитель того слова, какое мы не знаем, как

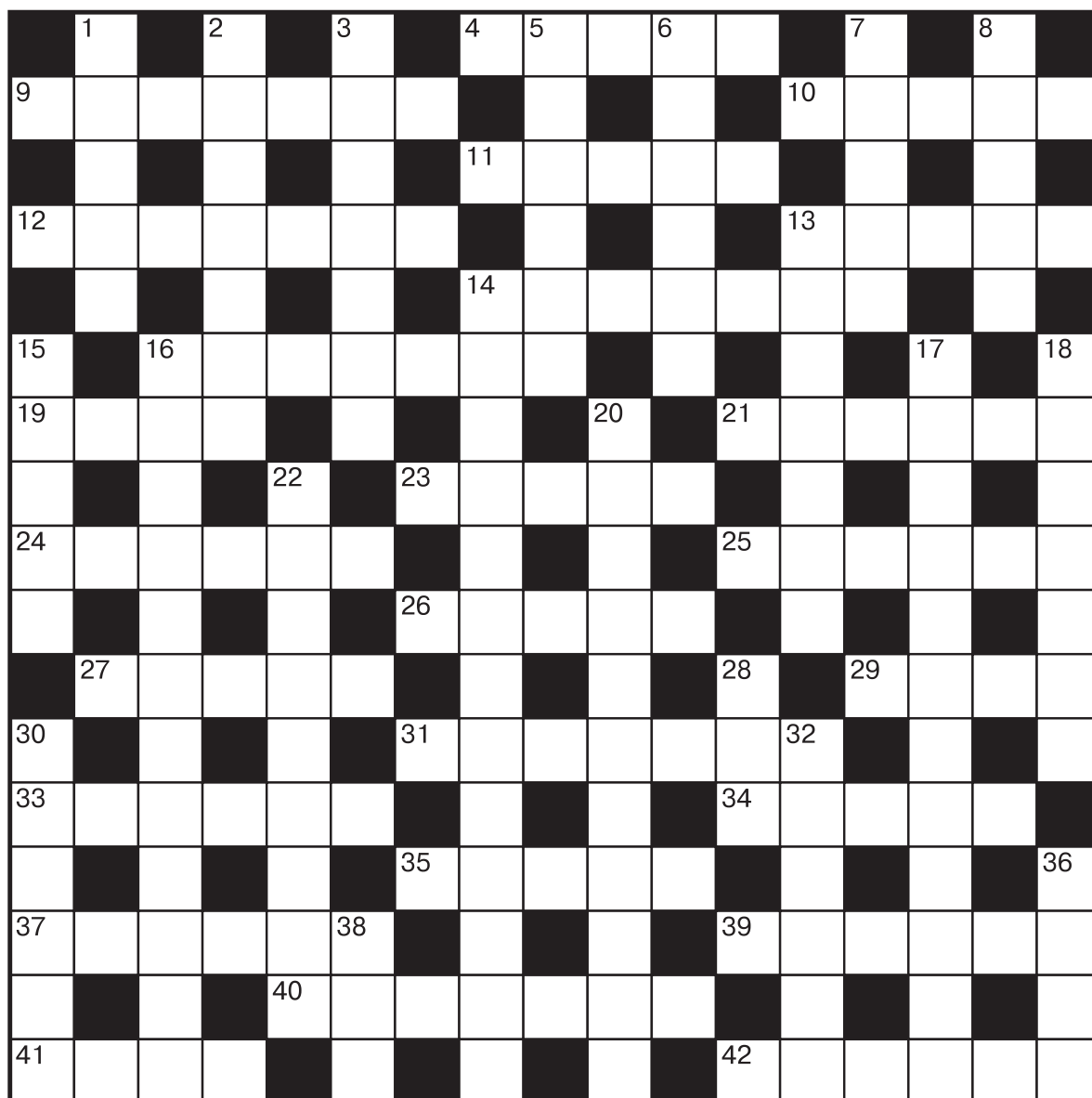
написать. **3.** Металл на постоянные магниты. **5.** Ноты, сообразившие на троих. **6.** Жестокий завоеватель, прозванный европейцами «Бич Божий». **7.** Жилище героя мультфильма «Подводная братва». **8.** На что почтальон ориентируется? **13.** Какому зверю поставлен памятник на территории Парижского университета? **14.** В Англии однажды вышла ... с записью паровозных гудков. **15.** ... может чистить уши своим языком. **16.** Постановщик «немой оперы». **17.** Оплеуха повыше шеи. **18.** Чай повышенной концентрации. **20.** Какой отрасли медицины посвятил себя отец знаменитого певца Хулио Иглесиаса? **22.** Датский гений мировой философии, владевший по меньшей мере 50 парами чашек и блюдец и всякий день выбиравший новую пару, аргументируя свой выбор. **28.** «Нюхач» на лице. **30.** Наш эстрадный патриарх, чьи лирические песни вышибали слезу из Иосифа Сталина. **32.** «Песчаные копи». **36.** Какой кот рассказывает сказки в пушкинском Лукоморье? **38.** Куда смотрит волк, сколько его не корми?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Шарашка. **7.** Амос. **10.** Шпион. **12.** Степанчиково. **13.** Топаз. **15.** Кассиль. **16.** Золото. **19.** Сан. **20.** Платок. **24.** Утро. **25.** Налоговик. **27.** Литр. **28.** Брандо. **29.** Потолок. **30.** Танкер. **31.** Зайчик. **33.** Миф. **36.** Видео. **37.** Политик. **40.** Бакен. **42.** Выкуп. **43.** Голгофа. **44.** Тверь. **45.** Хвост. **46.** Халтура.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Спрос. **2.** Гопак. **4.** Артист. **5.** Амбула. **6.** Кинг. **8.** Многостаночник. **9.** Скороговорка. **11.** Бизон. **14.** Закон. **16.** Загиб. **17.** Эполеты. **18.** Паутина. **21.** Кагор. **22.** Голод. **23.** Логотип. **26.** Креатив. **29.** Пекин. **32.** Верона. **34.** Фосфор. **35.** Халва. **36.** Ведро. **38.** Тыква. **39.** Курсы. **41.** Жгут.

ЭРУДИТ

ПОГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Созерцатель античных мистерий. **9.** Бабочка, которая не откладывает яйца, а разбрасывает их на лету. **10.** Как французы называют первый выстрел по мишени? **11.** Гитара с металлическим резонатором. **12.** Жареный тофу в янтарном соусе. **13.** У какого парижского кутюрье одевалась Айседора Дункан? **14.** Как княгиня Зинаида Юсупова в своих письмах называла

последнего российского императора? **16.** Годовалый теленок у Даля. **19.** Первая пьеса Вольтера, представленная публике. **21.** Какую поэтессу из «Мастера и Маргариты» сочинитель «скроил из деталей» Марины Цветаевой? **23.** «Индийский Гомер». **24.** Градоначальник Санкт-Петербурга, уволенный сразу после «Кровавого воскресенья». **25.** Головной убор на представителях Ко-

ролевского малайского полка. **26.** Кто, кроме Николая Бухарина, приложил руку к Сталинской конституции? **27.** Бриллиантовых дел мастер, отметившийся при создании Большой императорской короны. **29.** К какому секретарю были обращены последние слова Сомерсета Моэма? **31.** Старинный верблюжий армяк у сибиряков. **33.** Полковничий чин вермахта. **34.** Бобовый завтрак у японцев. **35.** Бронзовый дракон из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **37.** Какое понятие в компьютерных играх появилось в 1985 году? **39.** Китайская практика духовного развития. **40.** Свободный художник из Древней Греции. **41.** Как звали отца Ильи Ильфа? **42.** «Самые короткие» лыжи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Супермен из фантастических романов Андрея Белянина. **2.** Какой датский хавбек был тренером московского «Спартака»? **3.** Чье имя носит баскетбольный Зал славы в Спрингфилде? **5.** Какой антидепрессант лишает улитку способ-

ности прилипать к поверхностям? **6.** Английский химик, открывший в 1856 году первый в мире синтетический краситель. **7.** Какая звезда помогала жрецам из Древнего Египта «отлаживать» сроки полевых работ? **8.** Особая сверловка ствола охотничьего ружья. **13.** Часть разметки городошной площадки. **14.** Кто допрашивал 14-летнего Владимира Маяковского, впервые арестованного за подпольную деятельность? **15.** Аравийский свадебный танец. **16.** «Книжная профессия» писателя Венедикта Ерофеева. **17.** «Крепостной крестьянин» из Византии. **18.** Баронесса в любовницах Ильи Репина, вызволявшая из-под ареста Максима Горького. **20.** Размягченная оболочка, обеспечивающая «смазку» для дрейфа континентов. **22.** «Народное собрание» Трансвааля. **28.** Индийская лепешка. **30.** Испанский вяленый тунец. **32.** Какое национальное блюдо Исландии готовят из протухшего мяса акулы? **36.** Какой предмет означает «полный каюк» на молодежном сленге? **38.** В каком городке родился халиф Харун аль-Рашид?

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Смишинг. **7.** Яппи. **10.** Чехов. **12.** Промискуитет. **13.** Аувах. **15.** Гавелок. **16.** Башляр. **19.** Гур. **20.** Наварх. **24.** Агат. **25.** Аирганнер. **27.** «Риск». **28.** Лизард. **29.** Каринуи. **30.** Слоним. **31.** Будара. **33.** Бок. **36.** «Лепаж». **37.** Луноход. **40.** Сокар. **42.** Кумач. **43.** Гусария. **44.** Бридж. **45.** Лачок. **46.** Жазеран.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Вещун. **2.** Лохаг. **4.** Мергез. **5.** Шамбон. **6.** Несс. **8.** Патолого-анатом. **9.** Интерстадиал. **11.** Мушар. **14.** Хакра. **16.** Буссел. **17.** Андресс. **18.** Хвостов. **21.** Хирам. **22.** Игдис. **23.** Сноубол. **26.** Рисунок. **29.** Кикер. **32.** Лапута. **34.** Кунита. **35.** Нохру. **36.** Ланда. **38.** Хулам. **39.** Дагон. **41.** Жане.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								
Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка

на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

